

Борис Мазуров

ОТВЕРЖЕННЫЙ,

**ИЛИ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ
БЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
БЛАГОСЛОВЕНИЯ**

Шумиха
2008

ББК
М

*Рекомендовано решением Ученого совета
Бюджетного учреждения дополнительного
профессионального образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Институт развития образования»*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Семёнов Александр Николаевич, зав. кафедрой журналистики и литературы Института языка, истории и культуры народов Югры Югорского государственного университета, доктор пед. наук, профессор;

Паукова Лидия Николаевна, первый проректор Бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования», канд. пед. наук.

АВТОР

Мазуров Борис Фёдорович, заведующий, профессор кафедры гуманитарного образования Бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования», канд. филос. наук, доцент.

Мазуров Б.Ф.

Отверженный, или Жизнь на земле без человеческого благословения: социально-исторический роман / Б.Ф. Мазуров. – Шумиха, 2008. – 348 с. – фото, документы.

Перед вами произведение неоднозначное по жанру, основанное на реальном жизненном опыте автора, свидетельстве очевидцев, архивных источниках. В этой книге нет вымысла. Канва сюжета повествует читателю о сложной и драматической судьбе семьи Лукояновых – спецпереселенцев Тюменского Севера, о перенесённых невзгодах, любви и ненависти к своим близким, родным и детям.

Центральным звеном книги является отношение к главному действующему лицу – сыну старшей дочери Спиридона Егоровича Лукоянова – как со стороны семьи, сложившейся в период нахождения её в спецпоселении, так и со стороны государственных органов власти. Произведение охватывает исторический период XX-XXI вв.

Уникальная историческая память ребёнка, выжившего вопреки испытаниям судьбы, может вызвать неподдельный интерес как широкой читательской аудитории, так и учёных, специалистов, исследующих способности человека в раннем онтогенезе.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

*Автор выражает признательность Ангелине Павловне Карфидовой (Черепановой)
и Александру Дмитриевичу Венреву*

*Издано при частичной финансовой поддержке ООО «Клининговая компания «Чистый дом»,
г. Ханты-Мансийск (генеральный директор Андрей Владимирович Лебёдка,
заместитель генерального директора Александр Викторович Шевяков)*

© Мазуров Б.Ф., 2008

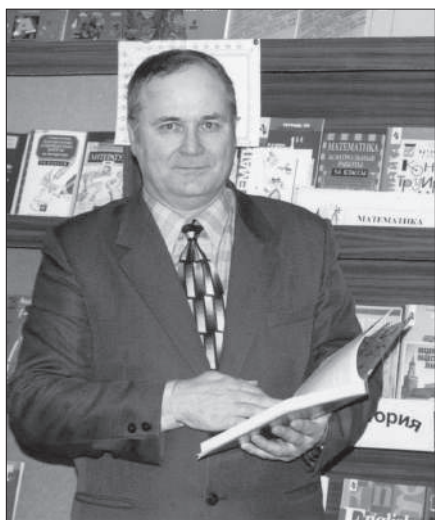
©

ISBN

От автора

Посвящаю сыновьям своим Павлу и Олегу.

Прошедшее двадцатилетие отмечено возросшим интересом к советской и российской истории. С начала очередного водораздела российской истории – перестройки – проведена значительная работа по постепенному преданию гласности содержания многих ранее недоступных архивных документов. После их опубликования жителям страны и мировой общественности стало известно

о советском прошлом достаточно много, чтобы поставить вопрос о значении семи десятилетий истории XX века в общем контексте развития СССР и становления современной России. Однако получить исторически связный, исчерпывающий ответ на него практически невозможно без выяснения места и роли 30-х – 50-х годов XX века в советской истории, так как именно в указанный период оформился и нашёл своё воплощение сталинский тоталитарный казарменный социализм, содержательные моменты которого частично освещены в данной книге.

Автор с детских лет на себе прочувствовал, что такое тоталитаризм – чума двадцатого века. Но на чуму в природе, как мы знаем, современная цивилизация научилась оперативно

реагировать, а затем излечивать различного рода инъекциями, профилактически оберегать себя от наступления эпидемии. Однако тоталитарную чуму, возникшую в мире в XX веке, в том числе и на территории нашей страны, человечество, к великому сожалению, не научилось профилактически диагностировать заранее, оно лишь делает запоздалые хирургические операции с большими издержками для себя в нравственно-психологическом отношении.

Вместе с тем всё, что пришлось перенести на себе народам нашей страны, до конца ими не прочувствовано, не осознано большинством населения и потому требует дальнейшего переосмысления. События, изложенные в книге, как надеется автор, могут дать импульс этому процессу.

У вас в руках социально-исторический роман. Всё, что вы встретите на страницах этой книги, носит реальный характер, и события эти коснулись нескольких поколений людей, выросших в тоталитарной системе – в трудовом спецпоселении для спецпереселенцев. Изложение не несёт характер надуманности, описанные события реальны во времени и в поступках людей, по мере возможности они подтверждаются архивными документами и воспоминаниями очевидцев не столь отдалённого прошлого. В произведении переплетается всё: этика личных отношений, семейная жизнь и страшная жестокость политической системы того времени. Проводится произвольное сопоставление позиций матери, прожившей тридцать лет на вечном поселении для осуждённых за антисоветскую деятельность спецпереселенцев, в отношении ребёнка и государственной власти.

Содержание социально-исторического романа, возможно, вызовет интерес прежде всего у научной общественности различных направлений. Здесь рассматриваются взаимоотношения сводных детей, полной и неполной семьи, дочери, рождённой от любимого мужчины, и отношение, сложившееся под давлением этого обстоятельства на сына-первенца уже в полной семье.

Именно этот вопрос должен привлечь особое внимание людей, создающих семью при наличии сводных детей.

Затрагивается процесс формирования характера человечности матери, отца и окружающих в режиме нахождения всех на территории трудового спецпоселения для репрессированных. Показан портрет нравственного образа матери, выросшей с семи лет в трудовом спецпоселении и не один раз встречавшейся со смертью близких и знакомых ей людей. В детстве она видела насилие над женщиной, жестокий трагизм идеологических последствий далёких 1937-1939 годов. Антигуманный резонанс политической подоплёки событий возымели своё действие на неё в возрасте с четырнадцати до шестнадцати лет, когда завершается формирование её взгляда по отношению к материнству и в будущем – к своим детям.

Детские воспоминания главного действующего лица о ссыльной жизни семьи, о пребывании в трудовом спецпоселении, бесспорно, вызовут профессиональный интерес у педагогов и психологов, однако при этом могут способствовать появлению недоверия к событиям, воспроизводимым памятью раннего детского возраста. Но в критических ситуациях – на грани жизни и смерти – человеческий потенциал памяти проявляется, казалось бы, в невозможном для мыслительной деятельности возрасте. Автором описывается реакция защитных функций головного мозга, которые на всю жизнь могут исключить из памяти смертельно опасные жизненные ситуации, возникшие в далёком детстве, и тем самым сохранить относительно «спокойную и нормальную» жизнь молодому человеку до зрелого возраста – периода осознания собственного жизненного пути.

В социально-историческом романе прослеживаются взгляды и действия людей, работавших по контракту, – надзирателей – это в основном женщины предпенсионного возраста. В пятидесятые годы им на смену пришли молодые, желающие карьерного роста, замужние, растившие «своих» детей женщины, совсем иного поколения.

На вопрос главному действующему лицу произведения: «Возможно ли прощение всех тех, кто совершал описанные деяния?», – последовал ответ: «Да, можно простить, однако необходимо назвать их имена...».

Замысел социально-исторического романа заключается в том, чтобы на примере одной семьи показать историю многих судеб, из которых впоследствии и сложилась трагедия всей эпохи.

Произведение может быть вполне затребовано читательской научной аудиторией: историками; психологами, изучающими защитные функции организма ребёнка от воздействия неблагоприятных психологических факторов; психологами, занимающимися исследованием влияния мест заключения на развитие и становление материнства и на отношение молодой матери к своему потомству; литераторами; учёными, занимающимися исследованиями материнства, семьи и её влияния на формирование психического состояния подрастающего поколения.

Автором сделана попытка увязать события в поселении для спецпереселенцев (максимально приближенном по условиям к лагерной жизни), жизненные перипетии главного действующего лица и его семьи с противопоставлением и пониманием красоты окружающей природы, словно ведя с ней параллельный разговор в жестоком мире взаимоотношений людей, поставленных в условия биологического, психологического и исторического выживания.

В произведении рассматриваются аспекты истории становления трудового спецпоселения для спецпереселенцев в посёлке Лиственничный Кондинского района, описаны условия проживания и трудовой активности по принуждению – с помощью репрессивного аппарата – основной части населения этого спецпоселения, казалось бы, внешне незаметного для окружающих.

Социально-исторический роман рассчитан на осмысленный подход сложившейся личности читателя. Его содержание позволяет выделить собственный вектор в понимании сути сталинского казарменного социализма с его классовым воспитанием целых поколений молодёжи, со стремлением перевоспитать в классовом отношении предыдущие поколения – вдали от цивилизации, в ужасном мире человеческих отношений, созревших в обществе на основе идеологических устремлений.

Автор заранее благодарит своих читателей за проявленные мужество и сопереживание действующим лицам, тем более что некоторые из них ещё живы. Именно поэтому в романе не названы имена и фамилии некоторых участников описываемых событий, однако всё, что написано в книге, – реальность, а не вымысел. Вместе с тем любая ссылка на похожие жизненные ситуации носит случайный характер в виду давности событий и отсутствия имён у действующих лиц данного произведения. Фамилия главного действующего лица, указанная в данном социально-историческом романе, исчезла из истории Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа в конце 40-х годов прошлого века.

Исторический роман основан на архивных данных ГУВД Тюменской области, Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа, документов из архива музея села Байкалово Свердловской области, а также на воспоминаниях главных действующих лиц. Изложение романа носит социально-исторический характер, не исключает небольшой по объёму публицистический подход в местах, где отсутствуют исторические источники.

Автор выражает надежду, что эта книга поможет людям осознать своё прошлое, чтобы не допустить всего самого страшного из него в будущем...

Трудный путь к осознанному прошлому своей судьбы

*Мы на горе все.и буржуя.и
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови -
Господи, благослови!*

Александр Блок

В последний месяц ему почему-то не давали покоя воспоминания, причём наступали они неожиданно и резко, обычно спровоцированные чем-то увиденным, к примеру, кричащим грудным ребёнком или чьим-то злым окриком. Проявляющиеся в памяти картинки не давали спать, отвлекали от работы и заставляли уходить в длительные, зачастую не очень приветливые, воспоминания давно прошедших лет.

* * *

«О чём ты так долго думаешь, зять, - произнёс Георгий Павлович, проработавший рыбаком не один десяток лет в Ханты-Мансийском округе, где Ануфриева знали не только как удачливого рыбака, но и как человека с довольно непростым характером. Он давно и пристально наблюдал за тем, как сильно изменился в последние недели сидящий рядом с ним собеседник. - Знаешь, не расстраивайся, ведь в жизни всякое бывает... - И он взял в руки гитару, не слишком громко заиграл свою пропитанную морской солью и потом песню... - Ведь и у нас тоже всякое бывало в жизни - и смех и грех иногда вспомнить,

если даже взять хотя бы своих прабабушку и прадедушку по линии супруги Раисы Максимовны. Как они заботились о нас? Они всегда следовали за нашей семьёй, куда бы нас ни бросала рыбацкая судьба, и всегда стремились нам помочь.

В конце пятидесятых и начале шестидесятых нас с семьёй перебросили по контракту ловить рыбу в прибрежных водах Камчатки. Так деда, услышав от других о том, что там, на Камчатке, не хватает соли, везли через весь Советский Союз, за девять тысяч километров, мешок соли, перегружая и перетаскивая его с места на место в меняющемся транспорте и платя за перевозку деньги. А когда выяснилось, что соли на Камчатке для засолки пойманной рыбы достаточно, под общий хохот рыбаков выбросили её за борт. Вот такие бывают шуточки в жизни. А что здесь – это ж земля, на ней не утонешь, можно да и нужно стоять твёрдо на ногах.

Эх! Да знаешь, у нас в рыболовецкой артели на Камчатке разное случалось. Однажды возвращались мы на небольшом баркасе домой после проверки ловушек. Охотское море штормило: высокие волны да могучий ветер швыряли наше небольшое суденышко, как щепку, и, перевернув на очередной волне, выбросили наш баркас на песчаный берег. Вода была обжигающе холодной, волны с чёткой периодичностью набегали и откатывались назад. Рыбакам едва хватало набранного воздуха в лёгких, чтобы дожидаться, когда очередная волна схлынет с берега и воздух вновь поступит под днище лодки. Нам всем казалось, что пришёл и наш конец. С каждой волной лодку всё больше и больше замывало песком. После очередной откатившейся волны стало ясно, что долго все не выдержат... Вместе со всеми под днищем лодки на песке лежал толстяк и силач, которого все ругали за то, что он

после плотного обеда, съев буханку чёрного хлеба, обычно засыпал на два часа. Здесь же он напруг все свои силы, упёрся головой в днище лодки и, посинев от напряжения, перевернул её...

После того, как пришла вызванная по рации помощь и всем раздали пищу и тёплую одежду, каждый из нас по очереди отдавал ему свою пайку чёрного хлеба. Все заботились о сохранении силы и здоровья спасителя, понимая, что он ещё не раз, возможно, уберёжёт кого-то от неминуемой смерти... А тот, съев вместо одной две буханки хлеба и запив ухой, уже спал, мирно похрапывая...

Вот видишь, как оно бывает... Люди склонны помогать друг другу, заботясь о себе в будущем... А ведь здесь твои родные, они ведь должны заботиться и о своём будущем, в которое они упорно все идут...».

* * *

В последнее десятилетие XX века можно было часто слышать о том, что многие завели для себя внушительные и малоизвестные ранее хобби: кто-то ежегодно стал отправляться в дорогостоящие путешествия за границу, даже встречать новогодние праздники на экзотических островах; кто-то по старым записям очевидцев искал в Сибири белогвардейское золото; кто-то перелистывал запылвившиеся, ранее неизвестные архивы истории...

«Наверное, в поисках исторических фактов, подтверждающих или отрицающих мои воспоминания последних лет, придётся проехать все свои исторические места, – подумал быстро седеющий в последнее время мужчина. – Причём здесь не надо ни торопить, ни задерживать...».

События всплывали настолько чётко и первоначально, казалось, не имели столь трагического начала жизни для этого человека, что он попытался даже сравнить их с ситуациями недавнего прошлого из жизни своей семьи,

как бы отщучиваясь от усиливающегося потока не совсем приятной информации. Эти ситуации ещё раз показывали ему неизбежность того, что все «записи в памяти о прошлом» рано или поздно всплывут, однако воспоминание о тех приключениях в период осознанного жизненного пути даже слегка веселило его.

Так, в начале девяностых, когда ещё существовал Советский Союз, Министерство просвещения СССР проводило очередное совещание по проблемам дошкольного воспитания, куда и была направлена супруга упомянутого выше лица. Загвоздка была в том, что она приняла время вылета – одиннадцать ноль-ноль – за два часа по полудни и спокойно проводила досуг в день отправления в командировку.

В десять часов сорок минут раздался звонок сотрудницы: «Елена Георгиевна, вы не едете в командировку?».

«Еду», – последовал ответ.

«Но ведь регистрация уже заканчивается, а вы ещё дома», – прозвучал голос в телефонной трубке.

«Задержите рейс», – первое, что инстинктивно вылетело из уст супруги.

«Интересно, как я это сделаю», – ответила коллега.

Последовало молчание.

И в этот момент по громкоговорителю раздался голос дежурного по аэровокзалу: «Рейс на Минск по техническим причинам задерживается и переносится на два часа дня местного времени».

Стоявший рядом с телефонным аппаратом мужчина, явно опаздывавший на рейс в Москву, весь взвился, когда услышал не очень-то приятную для себя новость: «Я буду жаловаться, вы не имеете права задерживать рейс из-за опоздания вашей коллеги, а впрочем... у вас здесь везде блат!».

Через десять минут такси доставило на регистрацию опаздывающего пассажира, а раздосадованному мужчине переоформили билет из Москвы на более позднее время...

«В своей уже прожитой жизни ничего изменить нельзя и купить билет на другой самолёт, улетающий по другой жизненной трассе, уже не представляется возможным», – подумал мужчина с богатым историческим прошлым. И с некоторой долей обиды добавил: «Очень похоже, что если даже в этом будет необходимость, то по закрытии открывшейся двери ключ в далёкое прошлое никто давать не собирается. И кто знает, что в эту дверь может «влететь» случайно либо с определённой долей объективности... И что может при чтении социально-исторического романа вызвать как недоумение, так и отторжение из-за необычности происходивших событий в то уже далёкое от нас время...».

* * *

Заместитель начальника Управления по делам архивов по Ханты-Мансийскому автономному округу Елена Михайловна Брагина несколько раз обращалась к нему с просьбой написать детские воспоминания о его пребывании в сталинском трудовом спецпоселении, где он был вместе с родителями девять лет и восемь месяцев.

«Мы знаем о том, что в нашем автономном округе многие, к сожалению, прошли сталинские лагеря, однако кроме эмоций, они не в состоянии что-либо написать из-за возраста и состояния здоровья, – скажет она позднее. – А вот у вас должно непременно получиться. У вас же есть образование. Вы должны написать, кроме вас это вряд ли кто сделает. Время уходит и уносит от нас участников тех трагических для всех дней, в памяти исчезает всё то, что было вокруг нас совсем недавно», – и она испытующе

взглянула на мужчину, как бы определяя, сможет ли он выполнить её просьбу.

Задержавшись на работе, мужчина вернулся домой поздно. Супруга бросила любящий женский взгляд на полнеющего и сидящего в последние годы мужа и произнесла: «Стареть ты в последнее время стал как-то быстро. Наверное, именно в этом возрасте вспоминается всё то, что связано с детством, вот и беспокоит тебя твоя память. В народе не напрасно говорят: что старый, что малый – одинаково...».

Вернуться к детским воспоминаниям мужчине было очень непривычно. Он впервые, глядя через окна всплывающих в памяти событий, подумал о том, что без них он жил многие десятилетия не совсем спокойно, но хотя бы без ночных кошмаров. Было тяжело что-то вспомнить о прошлом, а именно о периоде жизни семьи в сталинском трудовом спецпоселении... А ведь на память о событиях после жизни в спецпоселении он никогда не жаловался...

Как ему показалось, было что-то главное и пока недоступное, словно за какой-то перегородкой, и непонятная внутренняя тяжесть давила на пытающиеся вырваться из глубин сознания воспоминания. Необходимо было каким-то образом расшевелить память детства. Он не знал ещё о том, что эта попытка принесёт ему много страданий, но именно она позволит освободить его память от многолетнего груза прожитых в раннем детстве лет. Ужасное содержание насилия, перенесённого им в детстве, уже повисло в воспоминаниях над всем его существом.

И это воспоминание принесло ему столько душевной боли, что он не задумываясь согласился уехать в командировку в Кондинский район – в надежде, что всё это будет несбывшимся миражом детских воображений...

Самолет «Як-40», разбежавшись по ровно заасфальтированной взлётной полосе международного аэропорта

города Ханты-Мансийска, стремительно стал набирать высоту; внизу, плавно удаляясь, виднелся начавший зеленеть весенний лиственный лес. Седой мужчина летел в командировку в места его детства – с уверенностью, что многое из вспомнившегося развеется, как мираж, и на этом всё остановится, чтобы дать ему возможность по-новому осмыслить то, что было прожито именно здесь, на Кондинской земле.

Синева майского неба на Севере особенна – оно кажется бездонным и таким чистым, как капелька родниковой воды, в народе говорят – как слезинка. По-весеннему и дышалось и думалось... Кругом – распутившаяся зелень, что для этих мест бывает вполне возможным в эту весеннюю пору. И он подумал о том, что, очевидно, правильно сделал, отправившись в это далёкое как во времени, так и в расстоянии никем не запланированное путешествие. Очень ярко, слепяще светило весеннее солнце...

Мужчина, ехавший на свидание с детскими воспоминаниями, да и с самим детством, внутренне ещё силился воспрепятствовать тревожным, а порой и страшным воспоминаниям, и ему показалось, что он на время даже стал забывать о них. Перед его глазами промелькнули картинки рассказа о человеческом сострадании к лебедям, с интересом и восхищением поведанного его матерью, одним из главных действующих лиц данной повести.

Ранней весной тысяча девятьсот девяносто второго года первые прилетевшие лебеди сели на Варькино озеро, неподалёку от посёлка Лугового Кондинского района. Чувствуя приближающуюся непогоду, птицы сгруппировались вместе с заветренной стороны. А с неба сначала посыпал снег, и после недели такой непогоды ударил сильный мороз, длившийся около десяти дней. Обессилевшие птицы валились от усталости, порой стали по ночам примерзать ко льду. Над озером начал раздаваться просящий

о помощи зов погибающих птиц, даже домашние собаки выли так, будто ожидали конца света... Вышедшие на лёд школьники, вернулись по домам и принесли тяжёлую весть. Народ загудел, задвигался: кто-то достал неприкосновенный запас пшеницы, припасённый на чёрный день, кто-то вскладчину купил мешок отрубей, кто-то, не имея за душой ничего, просто сварил на костре несколько вёдер картошки. И вся эта пёстрая толпа по разным дорожкам почти одновременно двинулась с мешками и кастрюлями на лёд озера...

Привлечённые запахом пшеницы и свежеприготовленной пищи, навстречу к ним, волнуясь и «переговариваясь» друг с другом, двинулись белоснежные, удивительно красивые птицы, в глазах у них не было боязни приближавшихся к ним по берегу озера людей. Птицы, будто поклонившись человеческому пониманию беды, казалось, из последних сил брали на льду и с рук всё, что для них предназначалось, и лишь до десятка лебедей не смогли подойти к людям. Они стояли и сидели на льду, смотрели в сторону возможного их спасения, но силы в борьбе за жизнь иссякли: смерть от голода и холода приближалась к ним неумолимо. Они будто примёрзли ко льду и, словно прощаясь с жизнью, жалобно бросали свой надрывный прощальный клич...

Обойдя озеро с противоположной стороны, несколько смельчаков, рискуя жизнью, по весеннему тонкому льду протащили неполный мешок с отрубями и начали кормить птиц прямо с ладоней, бережно поглаживая их по длинным шеям...

Даже зима в своей злобе и нежелании уйти, уступив место и время весне, успокоилась, затих набравший было силы ветер на озере Туман. Назавтра стало намного теплее от тепла человеческих сердец и погоды. Над озером кружили парами улетающие далеко на Север белоснежные

птицы. Птицы кружили над стоящими на берегу людьми, словно благодаря их за милосердие и помощь... Лишь на третий день озеро стало пустынно одиноким, поднялись на крыло даже все некогда обессиленные и обречённые на смерть птицы... Перестали выть по ночам дворовые собаки, и их вой постепенно превратился в обычный домашний лай. Природа временно успокоилась, впитав в себя частицу человеческого тепла...

И эти картины прошлого ещё раз навяли путнику мысль о том, что, возможно, не было в действительности тех детских воспоминаний о жестокости человеческой жизни, что так беспокоили его в последние недели.

В аэропорту города Урая он подождал запаздывающую машину, которая должна была увезти его в чёрную бездну воспоминаний и встреч с людьми прожитого лихолетья времени.

Солнечным майским днём 2004 года по улицам Урая проезжал, как будто не торопясь и оглядываясь по сторонам, автомобиль «ВАЗ» последней модификации. Дорога в сторону посёлка Междуреченского была знакомой с детства для нашего героя, расположившегося на переднем сидении, – именно она постоянно всплывала в его памяти, и пронизывающий холод даже через пятьдесят лет пробегал по его телу, не давая согреться в эти тёплые дни...

Вспоминалась Голландия с её неповторимыми цветами и ухоженной зеленью кустарников, густой порослью окультуренной травы и геометрически ровно возделываемыми полями зерновых, что были расположены у границы с Германией, при проезде из Дюссельдорфа и Аахена, в направлении на голландский город Эйнховен.

Ведь именно Голландию представлял себе его дед Спиридон Егорович, как то место, где можно было чему-то подучиться в ведении хозяйства, стоя возле уже не своей,

а отобранной у него земли, ухоженной и мягкой, ждущей посева, в селении Байкалово, что под Ирбитом Свердловской области, весной тысяча девятьсот двадцать девятого года.

Скотину конфисковали (25 лошадей и 50 голов крупного скота, при этом 40 человек работавших в хозяйстве осталось безработными) для общественных нужд, переписали и повели в общественное стойло.¹

Корова Марта, не повинаясь туго натянутой веревке, так лягнула в пах сопровождающего, что тот, вытаращив от боли глаза, долго лежал возле огородного тына, потом, глотнув воздуха, безумно заорал: «Кулацкая тварь, убью!..», – схватил длинный деревянный дрын и долго бил им по бокам животного, силясь быстрее загнать в положенное место.

Объезженного молодого жеребца вывели с большим трудом и запрягли в бричку председателя создаваемой коммуны «Гигант», севшего в неё с радостью, – чтобы впоследствии объезжать поля коммуны (они к этому времени насчитывали 135 тысяч гектаров). Однако жеребец так хватил с места возле речки, носившей татарское название Сарабайка, что бричка пролетела несколько сот метров и завалилась на бок, оставив в кювете испуганного председателя. Молодой конь проскакал по заречной стороне села Байкалово, где стоял дом Спиридона Егоровича, до опушки лиственного леса, запутался в вожжах и, постукивая копытом, долго ждал, чтобы к нему кто-нибудь подошёл и распутал (такие гонки повторялись не один раз)... Через сутки обессиленного коня поймали возле речки Лишовки.

¹ Оценочные показатели хозяйства Спиридона Егоровича записаны в справке, предоставленной Управлением архивами Свердловской области от 3 декабря 1990 года.

Всех дольше и достойнее отстаивал свои владения петух Петька: борода и гребень налились кровью, глаза засверкали категорично бойцовским блеском, и при появлении ранним утром соседской Фёклы вместе с её сыновьями-подростками он соскочил на пол, опустил для полёта крылья, разбросал под ногами всё что можно было, устался на взломщиков двери, потом лихо рванулся вперёд и взлетел на плечо Фёкле, которая, судорожно заверещав, что есть мочи вылетела из курятника. Потом петух долго бил крыльями и клювом всех, кто пытался войти без его одобрения в его собственные владения. Кругом стоял шум-гам, который привлёк всех, кто хотел хоть что-то взять для своего далеко не богатого хозяйства после расправы над петухом.

Всё это было слышно деду Спиридону, который сидел в хлеву и охал со связанными руками... Он мучительно искал запоздалый выход из создавшейся ситуации, перебирая за спиной свои натруженные пальцы рук, не знавшие спокойной жизни...

Что было больше соединено в потомках переселенцев на Урал и в Сибирь – православие, убеждение староверов, протестантизм, католицизм или наследие ислама – нельзя сказать с полной уверенностью и в наши дни...

И сегодня кое-кто из числа жителей этого уральского селения утверждает, что Лукояновы, об одной ветви семьи которых идёт речь в этой книге, являются выходцами из Нижегородской губернии, где раньше до революции был небольшой деловой городок Лукоянов.

Труд для представителя каждой из конфессий, что жили и трудились в Сибири и на Урале, играл совершенно разную роль, тем более что всё по крови и по убеждению так сильно перемешалось.

Трудиться дед очень любил, хотя и дедом-то его было трудно назвать, женился поздно (всё собирал деньги на

достойную жизнь!), самой младшей из трёх его дочерей было всего три года, старшей – семь лет, а ему самому – пятьдесят шесть... Бывало по молодости лет, особенно весной, когда он, стоя с лопатой в руках, от усталости на мгновенье засыпал...

Спиридон Егорович был человеком верующим, и когда в двадцать девятом году на сходе сельчан под давлением властей было решено закрыть храм Покрова Божьей Матери, что возвышался в центре села аж на пятьдесят метров, он вместе с братом Василием выступил перед всем миром с заявлением, что он будет содержать храм в пристойном виде и на его содержание ни у кого не возьмёт ни одной копейки, и подтвердил это в письменном виде. Однако к его мнению мало кто прислушался. Беднота тут же обвинила Спиридона в прислужничестве церкви и не оценила его гражданского поступка. В душе он давно решил, что если останется жив и вернётся сюда, обязательно восстановит храм Покрова Божьей Матери и позолотит его купола. Припрятанное золото для этого у него уже имелось, частично собранное всеми зажиточными людьми села в это смутное для всех время... К тому же жёлтый металл Спиридон Егорович прикупал у золотодобытчиков, что мыли драгоценную руду поодиночке – так было намного дешевле и меньше разговоров можно было услышать среди односельчан, а значит меньше и завистников. О том, что у Спиридона Егоровича было золото в руках при пожаре дома богатого землевладельца Дмитрия Алексеевича Бахарева, говорится на страницах книги по истории села Байкалово, которая хранится в районном музее...

Свой исходный капитал для ведения хозяйства Спиридон заработал на поставках хлеба в 1914-1916 годах для нужд фронта. Поставлял хлеб, как и все – ведь не он же придумал и начал эту войну. Именно в тот период он и закупил золото.

Он ещё не знал, что после его ареста перевернули вверх дном погреб и перерыли весь огород в поисках этого злополучного золота, но ничего так и не нашли в тот день. На следующий день для поисков золота была выделена ещё одна бригада, но и она вернулась с пустыми руками. В деревне распространился слух, что дед Лукоянов обвёл всех вокруг пальца и спрятал золото где-то в лесу. На этом все поиски золота остановились. Отблески воображаемого золота ещё долго не давали спать и вести спокойную жизнь всем искателям: ночные сновидения толкали их на поиски его по окрестностям. Эпопея с поисками продолжалась ещё многие месяцы, и когда они закончили этим безнадёжным делом заниматься – никто точно сказать не может.

Спиридон Егорович задумался о том, что может не оставить ничего из того, что было нажито для детей и внуков. Да и самого, очевидно, ждёт голод, ссылка в глухие необжитые места: в лучшем случае – длительная поездка на подводах в сопровождении представителей НКВД, в худшем – его будут гнать по этапу сотни километров... Так для него закончился узкий отрезок жизни, связанный с действием новой экономической политики.

Ещё неделю тому назад безвозвратно конфисковали кирпич, который он добровольно отдал семью годами ранее для постройки районной больницы с условием, что ему со временем его вернут... В то время те, кто даже номинально участвовал в гражданской войне на стороне Колчака, привлекались к судебной ответственности. Вот и пришлось Спиридону Егоровичу сделать жест доброй воли и заранее, сразу после прихода красных, отдать взаймы по частям кирпич для больницы, в которой впоследствии не только лечился народ со всей округи, но и раненые бывшие красноармейцы. А ведь это был кирпич, купленный для его собственного добротного дома.

Для того, чтобы завершение стройки пошло быстрее, он профинансировал её по просьбе местных властей. Однако и этого не хватило для оправдания, его всё равно отдали под суд. При вынесении приговора суда, его вклад в строительство и финансирование возводимого объекта больницы зачли, и приговор суда был относительно мягким. Спиридон Егорович получил условно, но судимость в его биографию записали, и эта запись впоследствии сыграла роковую роль...

Сегодня односельчане растащили в свои хозяйства всё, что могли, до последней мелочи.

Всем была нужна в своё время больница, где планировали лечить больных и её достроили: взятый в долг кирпич давно израсходовали на завершение давно начатой стройки. Осуждённый усомнился в том, что оставшийся кирпич дойдёт по назначению – на строительство подсобных помещений, а не будет растащен по домам... в конечном итоге всё так и получилось.

«Кто-то должен строить больницу из отобранного кирпича, тем более что он и не требовал вернуть его немедленно, а тот, кто его заработал, – отбывать по решению судебной тройки срок на тяжёлых работах на далёком Севере десятки лет», – подумал дед. Что-то не сходилось в мыслях и делах как у него самого, так и у окружающих его людей. «Скорее всего, всё, что отняли, продадут, а деньги разойдутся незаметно, как будто их и не было». Деньги Спиридону Егоровичу приходилось считать на каждом шагу, без этого хозяйство себе не построишь. «Здесь каждая копейка счёт любит», – приговаривал он.

«Сколько разорённых хозяйств уже пущено с молотка, а планируемая коммуна «Гигант» постоянно даёт сбои по организации хозяйства... уж слишком много земли будет у этой коммуны, не справиться ей...», – подумал осуждённый.

Мысли Спиридона оказались пророческими: через четыре месяца после своего создания, детище всероссийского эксперимента – коммуна «Гигант», – не выдержав тяжести взваленной на него трудовой ноши, развалилось и прекратило своё существование...

Но если к моменту официального объявления о создании коллективного хозяйства «Гигант», объединяющего два района, писали все газеты как в Зауралье, так и в СССР, то в момент развала бессмысленной затеи пресса молчала... Молчали и жители села Байкалово, испытующе посматривая в сторону органов советской власти. После проведения первой волны раскулачивания добрались и до слабеньких «среднячков»: раскулачивали даже тех, у кого была хотя бы одна лошадь или корова. Волна грабежей не останавливаясь катилась по Байкаловскому району, и всё реже кричали рано утром петухи по сёлам, возвещая о наступлении нового дня для сельского труженика...

Разрушенный храм Покрова Божьей Матери, без куполов, молча стоял, как обвинительный акт безумию человеческого рода. Давно сняли с него красные флаги и транспаранты, вывешенные в момент провозглашения в нём, на съезде тружеников сельского хозяйства двух районов, решения о создании коммуны. Для того чтобы всё это никчёмное действие не вызывало сочувствие среди верующих и жителей села, привезли аппаратуру и стали планировать по завершении посевной показ немых фильмов революционной тематики. Об этом узнал Спиридон Егорович лишь из рассказов Ульяны Петровны по дороге в ссылку, когда они уже подъезжали к деревне Сатыга Кондинского района.

«Молодёжь из зажиточных семей частично бежала из Байкаловского района в Магнитогорск – на строительство Магнитки, другие, живя в бараках этого города, вы-

жидали, чтобы по возможности, если всё вернётся вспять, возвратиться в село», – сидя в телеге, вспоминал дед Спиридон историю последнего года жизни в Байкалово. – Да уж, в России всегда проще было назначить кровожадного, сумасшедшего или глупого человека руководителем государства, чем приглашать на это место умного... – слетело с его губ и прозвучало очень весомо для самого себя. – Господи, посмотри и вразуми народ, ведь до чего ж дошли-то! Своих грабят! Жить получше хотят. Не с этого надо начинать, трудиться надо от зари до зари, да молиться всем миром, грехи наши земные замаливать! Ишь, жадность обуяла, крови хотят! Даже и не вериться. Безбожники! Простит ли вас Бог за грехи ваши?.. Предали меня! Я же им всё объяснил, ради чего коллективизацию проводят. Значит, непонятливые, глупые они все в деревне. Живут по принципу «моя хата с краю, я ничего не знаю». Они думают, что сослали меня и мою семью всем миром, так им легче жить станет и глаза колоть не будет. Да Сталин обдерёт их, как липку, всё спустят, по миру пойдут и голоду ещё хватят. Лиха беда начало. Хватятся – да поздно уже будет. Хозяев не будет, а голытьба только пиццать да пальцем показывать умеет – не на своё, а на чужое, а сама хозяйство вести не может... Они даже не знают, на что меня и семью мою ссылают... чувствую – на смерть мою... Детям-то они как в глаза смотреть будут даже через десятки лет?..».

«Ты чего, дед, разошёлся-то?! Ты поговори ещё здесь, так тебя и до Севера не довезут», – грозным голосом произнёс старший, глядя на задержанного, у которого слегка посинели губы.

Поразмыслив и успокоившись немного, Спиридон Егорович обратился к сопровождающим: «Дайте постоять на краю родной земли, которую я каждый год обрабатывал».

«Да иди ты, знаешь куда!..», – воскликнул сопровождающий, но телега с арестантом, скрипя, остановилась перед участком земли, до боли знакомом осуждённому.

Это была последняя просьба осуждённого по статье 58 – «за антисоветскую деятельность». Крепкого сельского хозяина осудили только за то, что он сумел объяснить сельчанам различие между новой экономической политикой и коллективизацией. Сделал он это тогда, когда у него конфисковали кирпич, заработанный им с таким трудом и предназначенный для строительства собственного дома. Сельчанам нужен был кирпич, но у них его не было, а самое главное – его нужно было зарабатывать, для чего необходимо было время, тем более коммуна ещё только делала робкие шаги к своему развитию...

Спиридон Егорович, стоя на возвышенности, с которой всё село виднелось внизу, как на ладони (там протекала речка Иленька с небольшой запрудой перед самым селом и были видны окружающие его сопки), внутренне ощущал, что он сюда уже никогда не вернётся – ведь он был немолодой, да и направляли его не на лечение... но всё-таки глубоко в душе на что-то ещё надеялся.

Весенняя прохлада с запахом свежеспаханной земли, перемешанная с ароматом только что появившейся зелени, вселяла живительную веру в силу жизни на земле. И вороны в вечернем небе слетались на ночлег.

В период его холостяцкой жизни, после первого брака, когда он был по торговым делам в Туринске на ярмарке, он слышал, что ворона у коренных жителей Севера связывалась с наличием большого количества детей. И сейчас вороны летели поближе к своим гнездовьям, где будут скоро появляться птенцы, символизируя появление новой жизни в пернатом царстве, и всё в природе было так приятно и знакомо осуждённому... сердце его резко сжалось и потянуло так же резко вниз...

«Нам ещё этого не хватало!», – воскликнул ответственный за сопровождение арестованного.

Падающего мужчину подхватили за связанные руки и подтащили к подводе.

Весеннее солнце клонилось к закату; на голубом с розовато-жёлтыми переливами вечернем небе не было ни единого облачка; прохладный весенний воздух постепенно приводил в чувство пострадавшего от сердечного приступа мужчину, а запах свежеспаханной земли был для него лучше всякого лекарства. Пострадавший сделал несколько ровных вдохов, и его лицо не стало таким синеватым, как было сразу после приступа. Он повернул голову, глядя на, казалось, бесконечные поля, что нуждались в такой же мужской силе, какую он вкладывал в свой не слишком большой, но очень дорогой для него участок земли чуть более пяти гектаров (большого участка он не смог закупить – не хватило времени, арестовали). Этот участок всегда казался таким большим, где каждый уголок тщательно обрабатывался руками его и тех людей, которых он нанимал, которым справедливо платил и кормил их. Жалоб на низкую оплату по найму на него не было, да и бездельников на работу он просто не брал.

В весеннее время он часто брал в аренду землю (гектаров десять) у тех, кто не был в состоянии обработать её по тем или иным причинам, платил за это приемлемую сумму денег, которая позволяла хозяевам земли прожить, не сводя концы с концами время до следующего урожая.

В последние годы он увлёкся коневодством и постепенно подошёл к разведению племенного табуна, первые успехи ещё только начали складываться... вот только стала меняться обстановка в стране и в районе...

В жизни у него были лишь завистники – они-то его и сгубили... «...следили за каждым моим шагом, докладывая в органы НКВД...», – думал он. Вспомнили ему всё:

участие в службе в Белой армии Колчака, в карательных органах на местном уровне, когда он лишь участвовал в наведении порядка на территории возле села Байкалово, не убив и не ранив ни одного человека. Дважды созданный отряд для наведения порядка на месте смог предотвратить поджоги хозяйственных построек, виновных высекли..., да и то не он отдавал на это распоряжение.

«Остались же в селении те, кого высекли в то смутное время. Как были они босяками, так и остались ими, хотя работать в начале двадцатых на земле давали всем в одинаковых условиях», – размышлял Спиридон Егорович, тем более что начинал он своё хозяйство почти заново после судимости...

Время было такое – необходимо было хотя бы временно где-нибудь пристроиться, иначе – смерть: по стране безудержно неслась с кровавым следом гражданская война и ей, казалось, не было конца и края. Брат воевал с братом, отец с сыном... А здесь ещё этот слух о цареубийстве...

В этом кровавом месиве остаться нейтральным просто нельзя было... Даже за такое участие он имел судимость и, что называется, своё получил сполна...

Неужели всё повторяется: уничтожают всех, кто может вести хозяйство... Конечно, идеальным в жизни он себя не считал, да и невозможно было прожить жизнь именно таким.

Спиридон Егорович родился в селе Байкалово. Ему был 61 год² и он любил по-своему своё село и эти места в предгорьях Урала. Он любил сеять пшеницу, любил трогать колосья, любил идти по пшеничному полю – он обнимал его, как любимую красивую женщину, и не было этим приятным ощущениям конца и края... Но это, казалось, было так далеко, что вернуться ко всему происхо-

² Так записано в справке, предоставленной Управлением архивами Свердловской области от 3 декабря 1990 года.

дившему в недалёком ещё прошлом уже не представлялось возможным.

Для него завтра или через неделю, – размышлял дед, когда стало чуточку посвободнее дышать после сердечного приступа, – а для семьи через несколько месяцев – начнётся высылка на Север, в тайгу, в медвежий край далёкой и пока ещё незнакомой реки Конды – так сказали те, кто его сопровождал.

«Будут ли там внуки, и выживем ли мы сами, не потеряв человеческого лица, вместе со своими дочерьми?», – размышлял уже вслух дед Спиридон.

Никому ничего не было известно, а самое главное – не было ясно, сколько же продлится ссылка... Неопределённость больше всего беспокоила людей...

* * *

Поздней осенью тысяча девятьсот двадцать девятого года было холодно и беспрестанно лили дожди: казалось, что сама природа взбунтовалась. Шумело не переставая гигантское по водным просторам озеро Туман – бесновалось неделями, как будто ожидало неприятных вестей, не давая своими волнами с белыми гребнями возможности местным жителям – кондинским манси – проплыть вдоль обрывистого берега в сторону речки Леушинки и обратно, поэтому путников было как никогда очень мало. Редкие из них сидели на берегу под навесом у костра; манси курили трубку и молча флегматично глядели в даль, словно видя там призрачный знак того, что всё это когда-то кончится.

Однако неистовый, взбешённый какими-то непонятными силами Туман ещё злее рвал своими пенящимися от бессилия бесчисленными волнами песчаный берег и был ужасно недовольным. Вечно голодные чайки, крича,

стремительно набрасывались на выброшенную на мелководье рыбу, а водный великан всё шумел и шумел.

Кучевые облака и низко проплывающие тучи постоянно закрывали с неба горловину – узкую часть выхода водной массы в речку Ах, а с набухшего неба постоянно, как из ведра, лил и лил дождь. Шумевший в водяной озёрной мгле, непокорный и возмущённый человеческой жестокостью, Туман выбрасывал столько тёмной мутной воды в речку Ах, что та, захлёбываясь от избытка нахлынувших волн, бурлила и возмущалась, ахала и охала, но так и не смогла в это лето проглотить и вынести на своих плечах всю предназначенную для этого воду.

Под шум кипевшего от пенящихся волн Тумана в глухом лесу, на берегу таёжной речки Евра среди раскинувшихся зеленью и свободно свисавших лап столетних елей, потрескивая от сырости, горел разведённый охотниками и рыбаками костёр, который не давал каплям дождя долетать до уже сырой земли, но эти водяные капли наполняли своей неисчерпаемой силой все речки, впадающие в Туман, и он стал от них намного могущественнее и более бескрайним.

Вдали от костра кондинская длинноволосая мансийская старая женщина, хозяйка леса, сидя на поваленном дереве возле берега водного гиганта, делала попытку своими мыслями и пожеланиями принести удачу охотникам и рыбакам, словно знала она, что наступят в жизни людей ещё более коварные, требующие очищения от жестокости и унижения времена...

* * *

В марте 1930 года были конвоированы члены семьи Спиридона Егоровича. Всех труднее было супруге Спиридона Егоровича, Ульяне Петровне, родившейся в 1881 году в деревне Комлевка Свердловской области, что была

расположена в десяти километрах от Байкалово, и проводившей теперь время в бесконечных заботах о том, как прокормить детей без мужа и без хозяйства, которое было отобрано по решению судебной тройки. Украдкой от соседей и знакомых распродала кое-что из своих вещей, однако украшения, подаренные мужем, продавать не решилась, опасаясь, что её ограбят.

За осень и зиму 1929 года она вместе с женой брата сумела дважды съездить в Туринск, где находился в тюрьме её муж и его брат Василий Егорович. Именно там она узнала, что мужа и его брата, возможно, освободят из тюрьмы весной следующего года и отправят на берега далёкой северной реки Конды – в ссылку...

Уже дома ей стали сниться по ночам кошмары, а днями она начала уставать от бесконечных проверок со стороны органов НКВД. Значит, сделала она вывод, такие бесконечные проверки должны быть и там – в местах, куда будет выслан её муж и она вместе с ним.

Ульяна Петровна была неграмотной женщиной, но могла, имея житейский опыт, вникнуть в суть многих происходящих событий в деревне и в округе. Была репрессирована в 1930 году решением органов власти на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930 г. и выслана в Тюменскую область, признана опасной по классовому принципу.

Малообразованная и не очень желающая работать комсомольская молодёжная среда, улыбаясь и уже без зависти, а со злорадством поглядывала на неё.

«Ничего, ничего, победствуй, как это бывает у нас, так сразу станет ясным, кто и у кого пьёт кровь», – частенько слышала она брошенные ей вслед слова, особенно теми, как помнила она, «кто и работать-то не очень любил», – слова её прозвучали немного позже, когда все прошли... «...чтобы не было доносов», – подумала она.

В свои сорок девять лет она была в меру стройна, чёрные волнистые волосы доходили почти до самого пояса, они были видны из-под добротной, красиво расшитой шали и не давали покоя мужским взглядам. После ареста мужа сильно постарела и осунулась, ходила в тёмной закрытой одежде, больше напоминавшей по внешнему виду монашескую.

Ульяна Петровна торопливо проходила по улице к пока ещё своему дому и не задерживалась нигде: она боялась, что вслед за мужем могут арестовать её и подвергнуть пыткам, чтобы узнать, где же было спрятано золото, которое он завещал девочкам.

«Пыток я не выдержу», – подумала она. По ночам виделись сны о том, что их гонят далеко на Север, и люди вокруг начинают замерзать от голода, а их окружили страшные серые волки... Вся в поту она проснулась с вырвавшимся от испуга криком.

Ульяна, даже идя по улице, прислушивалась к разговорам женщин, которые рассказывали друг другу вести о раскулачивании и отправке в ссылку, и с каждым днём ей всё страшнее становилось жить в Байкалово. По утрам она, встав на колени возле семейной иконы Божией Матери, беспрестанно просила смилостивиться над её семьей. И как будто молитвы помогли – с арестом к ней не пришли.

«Слава тебе, Господи, на этот раз обошлось, вроде, как будто меня забыли...»

Девочки её росли, вытянулись, как былинки, и всегда пытались как-то помочь своей матери, они просто сидели дома и лишь изредка плакали, когда им нечего было есть.

Ценности, которые велел с собой захватить Спиридон, она вшила в ту одежду и вещи, которые планировала взять с собой в ссылку. Как правило, это были малозамет-

ные вещи, но от них зависело многое в их тревожном и незнакомом будущем.

Перед тем, как отправить всех в ссылку вслед за главой семьи в начале марта 1930 года, конвоиры, выделенные колхозом, силой открыли домашнюю дверь и приказали: «Собирайся, старая, да выродков кулацких не забудь с собой взять!».

«Ох, батюшки, – растерянно произнесла Ульяна Петровна. – Да соберусь я, вот только ребятишек одену и сама с ними, продуктов захвачу и всё».

«Не торопись ты, старая, продукты в сумку класть. Их не велено с собой брать ни под каким видом».

«Да как же так, у меня ведь маленькие дети!», – и под шумок захватывала всё, что было необходимо взять с точки зрения сохранности ценных украшений.

«Не велено – значит баста и всё тут! – закричал ответственный. – Пошли быстрее, вещи кулацкие тоже оставь здесь, забирай своих одетых выродков!». И её с детьми вытолкнули на улицу.

Собрали вместе всех подлежащих к высылке, в том числе и из семьи Лукояновых, и загнали в церковь. Кто-то из числа местных жителей снял с младшей дочери тёплую доху и бросил для неё старый овечий тулуп, в котором ей пришлось пуститься в длительную поездку на Север, куда сослали её отца. Вместе с ними была направлена в ссылку и супруга Василия Егоровича (брата Спиридона Егоровича) Анисья вместе с дочерью Ульяной Васильев-ной.

Через день, морозным ранним утром всех посадили в подводы и повезли. Среди тех, кого отправили в ссылку, был и один из взрослых сыновей от первого брака Спиридона Егоровича Алексей Спиридонович 1908 года рождения, которого подозревали в нападении на председателя коммуны «Гигант» и в антисоветской пропаганде.

До высылки находился в городе Ирбите в пересылочной тюрьме³.

В селе осталась старшая сестра подлежащих ссылке девочек по материнской линии – Марфа, которую признали невиновной и не родственницей отца, что довольно круто изменило её дальнейшую судьбу. Вскоре она вышла замуж и носила до конца своей жизни фамилию своего мужа Сединкина, выходца из этого же села. Однако её дети всячески избегали приезда в село Байкалово...

* * *

В конце шестидесятых годов XX века старшая дочь Спиридона Егоровича была в гостях у своей сестры по материнской линии Марфы Григорьевны Сединкиной, жившей с семьёй в станции Талица Свердловской области, вместе со своим уже взрослым сыном, о котором идёт речь в этой повести. Она лет тридцать пять не виделась до этого со своей сестрой, даже не знала, как та живёт. Как понял её сын позднее, она боялась близости с Байкалово и детских воспоминаний.

Сёстры отошли в сторону и о чём-то долго спорили. Марфа Григорьевна так настойчиво убеждала в чём-то свою сестру, что приехавший с мамой молодой человек стал прислушиваться...

«Признайся, ведь это твои прямые родственники, и они живут в Байкалово! – воскликнула Марфа Григорьевна. – Ведь тебе в тридцатом году было семь лет, ты же всё должна помнить!»

«Да, я помню с твоих же слов то, что было с тобой, когда нас выслали. – Ответь мне на один вопрос, – повернувшись к ней, спросила приехавшая сестра, – почему вы вместе с мужем, Сединкиным, выехали из Байкалово?»

³ Так записано в справке, предоставленной Управлением архивами Свердловской области от 3 декабря 1990 года.

Трудно ответить, ведь твой муж был сотрудником НКВД, и всё равно пришлось уехать! Наверное, постоянно вспоминали родственные отношения с неуютными людьми? Нет у меня никаких родственников, ведь они всех нас бросили на произвол судьбы, даже куска хлеба не передали нам, когда мы были в холодной разграбленной церкви!»

«Ты же прекрасно знаешь, что подойти нельзя было, стояла охрана, и они могли загреметь в ссылку. Да что я тебе объясняю, сама всё знаешь! Нельзя быть такой неоправданно мстительной», – сказала Марфа Григорьевна, после чего диалог сошёл на нет.

* * *

Высланная по классовому признаку семья долго ехала по предгорью Урала в морозную и снежную погоду... Вместе со ссыльными ехал представитель НКВД, и его приказы должны были выполняться чётко и беспрекословно. Это был человек резкий, весь его вид внушал окружающим жалость к его росту, но отражал величие его власти. Его маленькие глаза беспрестанно бегали, выискивая что-то подозрительное; губы полные, страстолобивые. Весь его вид говорил о том, что он выискивал себе в поездках жертву для услаждения. Выполнял он свою работу с пристрастием, ведь она ему давала не только солидное вознаграждение, одежду и продукты для пропитания, но и самое главное – в поездках можно было насладиться естественными желаниями, никого об этом не спрашивая и ни перед кем не отчитываясь. Первоначально ссыльных было очень мало, но в последние годы их поток, к его удовлетворению, значительно возрос.

«Ишь, как на кулацких харчах-то разъелись!», – воскликнул он, взглядываясь в лица тех, кого ему предстояло сопровождать в ссылку на Север.

«Мама, мне очень страшно», – тихо сказала старшая восьмилетняя дочь.

Девочки и мать съёжились и инстинктивно прижались друг к другу.

«Да-а, и дороженька нам предстоит», – как будто выдавила из себя Ульяна Петровна. Она чисто по-женски интуитивно почувствовала угрозу для себя и своих дочерей.

В первые три морозных дня замёрз грудной ребёнок: он умер во сне от переохлаждения – глаза его резко открылись и дыхание остановилось. Матери заткнули рот мягкой шалью, чтобы не было слышно крика, а малыша бросили в стороне от дороги. Ночью у молодой мамы поднялась температура и начался бред: она бредила даже тогда, когда их везли по морозу. Снег, падавший с небес, ложился на её красивое увядающее лицо и таял. К концу следующего дня ей стало совсем плохо. В бессознательном состоянии она не пила воду, её тело горело так сильно, что сидевшая рядом с ней мать поняла, что до следующего утра она не дотянет. В низком доме, куда их поселили на ночь, ей отвели место возле печи. Хозяйка принесла молока и, открыв ножом рот, стали поить пострадавшую через трубочку.

Хозяйка покачала головой, пошарила рукой за печью в надежде хоть что-то найти из приготовленных трав от простуды – неприкосновенного запаса для детей, а затем приготовила отвар и поила молодую женщину всю ночь. Когда утром на востоке загорелась заря, хозяйка вышла в сени и увидела мать заболевшей, стоящую с веревкой в руках и готовую задавиться в любую минуту... Она бросилась к ней и произнесла: «Да будет ваша дочь жить, температура начала падать...».

Через четыре дня обоз прибыл в Туринск, где их уже поджидал Спиридон Егорович и Василий Егорович...⁴ Они были выпущены из тюрьмы – для отправки на Север в ссылку. Встреча произошла настолько неожиданно, что Ульяна Петровна не успела даже слово сказать, только положила свою голову на плечо мужу и заплакала...

Ещё через день после продолжения следования в ссылку и выезда из Туринска заболели воспалением лёгких престарелая женщина и девочка лет восьми, а через четыре дня их не стало... Девочка умерла от удушья. Она пыталась кричать, взывая к помощи свою мать, но воздуха не хватило, заболевшая замерла и повисла на плече у своей мамы, цепляясь за него своими ручками. На крики и плач матери сопровождающие не обратили внимания. Мёртвую девочку с открытыми словно от удивления глазами положили возле дороги, и повозки двинулись дальше в путь.

На третьи сутки пути усилился ветер, вызывая шум деревьев и снежные заносы; не было даже видно пролетающих птиц. Место было зловеще страшное, как будто здесь или чуточку подальше сидят в засаде бандиты и поджидают жертву.

Сопровождающие ехали впереди и совершенно не обращали внимание на слегка отставшие повозки, они как будто знали всё, что могло случиться в следующую минуту. Как вихрь, налетели на розвальнях незнакомые жестокие люди и забрали все ценные вещи, что остались у ссыльных. У тех, кто сопротивлялся, срывали серьги, не расцепляя замков, били деревянными кольями. Украшения, подаренные мужем, лежали в тканевой сумке, и Ульяна Петровна не успела взять их в руки, как сум-

⁴ Так свидетельствовали воспоминания старшей дочери Спиридона Егоровича, записанные в п. Луговом Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 25.08.2007 г.

ка оказалась у грабителей. Для грабителей присутствие небольшого количества мужчин не имело никакого значения, так как у одного из них был в руках наган. Над дорогой раздавались ужасные крики, плач, слышались проклятия и стоны (плач детей становился вполне нормальным явлением и к нему стали привыкать)... Через несколько минут грабителей не стало – они свернули на просёлочную санную дорогу и взяли путь на населённый пункт Таборы.⁵

Повозки тронулись дальше в путь; успокаивать избитых и ограбленных уже никому не приходилось. Всё утихло как-то само собой. Вот только за поворотом показались повозки с надзирателями: они стояли и дожидались всех, затем последовал резкий удар кнутом по тем, кто управляли лошадьми, – за отставание – и все, поняв, что это значит, молча сели в повозки и тронулись в путь, по дороге перевязывая тех, кто получил ранения. У многих началась истерика, со спазмами в горле и душераздирающим криком...

К вечеру разграбленный обоз со спецпереселенцами прибыл в Таборы: всем не хватило жилья для ночлега, поэтому в них поместили только детей и больных. Всю ночь взрослые жгли костры на улице и грелись возле них; было очень голодно и холодно в этом неприветливом селении...

Старшая дочь Спиридона Егоровича, 1923 года рождения, одетая в старый тулуп для взрослого человека, плотнее прижималась к своей матери и маленьким сестрам – это и спасло её от простуды. Помнила она, что заезжали в населённый пункт Чернявск (*ныне его нет на карте округа. – Авт.*), затем ехали через Карагаево и Сатыгу, далее

⁵ Запись о нахождении в пути сделана по воспоминаниям старшей дочери Спиридона Егоровича, п. Луговой Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 25.08.2007 г.

следовал, проездом через село Леуши, населённый пункт Ингуль, где шла проверка всех доставленных, оттуда семью вновь вернули в Леуши. Причина таких мытарств состояла в том, что коменданту при Леушинском сельском совете не понравилась статья, по которой Спиридоном Егоровича отправили в ссылку. И через два дня Лукояновы пустились в обратную дорогу на Ингуль.

Вся поездка заняла меньше двух недель; уже позднее дочери Спиридона Егоровича так и не смогли вспомнить общее количество дней, которые они провели в пути. Санная дорога, которая вела на север, была временами голодной и холодной, кормили редко, но иногда и сытно – чёрным хлебом с луком и водой, давали варёную картошку; жильцы домов, в которых им приходилось ночевать, охали, сожалея, но ничего поделать не могли.

Могла ли себе представить тогда сидящая в санях восьмилетняя девочка в старенькой нетёплой шали, в старом местах прорванном тулупе, в тонких носках и валенках, что через четверть века после побега из мест отбывания ссылки её вместе с родной (созданной в местах отбывания мест наказания) семьёй провезут вот так же в санях – в марте 1954 года в холодную погоду по части пути, которую они проехали в ссылку вместе с матерью. Везла их так же уныло шагающая лошадь. В санях уже расположились её рожденная в ссылке дочь, сравнительно тепло одетая, муж и внук Спиридона Егоровича – промёрзший до костей, одетый как-то не по-зимнему её пятилетний сын – в тонком свитере, в одних бумазейных штанах, валенках с тонкими носками, в стареньком, продуваемом колючим кондинским ветром, совсем не тёплом пальтишке без шарфика и в рукавичках... *(Таким предстал в своём прошлом тот самый седоватый мужчина – один из главных действующих лиц социально-исторического романа, которому так горько было вспоминать своё детство. – Авт.)*

* * *

Многоснежная и холодная северная зима постепенно шла на убыль. В конце февраля – начале марта 30-го года завьюжили по ледяной глади снежные метели, которыми, казалось, не было конца и края. Вдоль берега озера Туман, невзирая на холод и пронизывающий до костей колючий кондинский ветер, понуро брели подводы с людьми из числа спецпереселенцев. Дальняя дорога через предгорья Урала, через населённый пункт Еланский, затем по незаметным и занесённым снегом деревням, где временами казалось, что и самим-то есть нечего, а тут ещё десятки голодных, доведённых до отчаяния мужчин, женщин и детей, которых вымотала и обессилила дорога. Полуобмороженных, простывших и беспрестанно кашляющих ссыльных везли в бесконечную снежную даль. Спецпереселенцы в возрасте погибали быстрее всех: они, обессиленные и больные, замерзали в подводах, медленно закрывая глаза, и с облегчением для себя засыпали навсегда. Сидевшим рядом казалось, что они уснули от усталости... Замерзших спускали под обрывистые откосы берегов горных речек и Тумана, чтобы весенние воды унесли останки человеческих тел.

А поодаль, никого не опасаясь, привлечённые запахом возможной лёгкой добычи, стаи голодных серых хищников сопровождали повозки... При подъезде к обрывистому берегу Тумана, недалеко от посёлка Лиственничного, лошадь, везущая пятерых спецпереселенцев, провалилась под лёд там, где били подземные ключи: ехавшие успели разбежаться по сторонам, а розвальни на некоторое время устойчиво задержались на трескающемся весеннем льду. Серая старенькая лошадь по кличке Серко из последних сил била копытами, с каждым движением теряя силы. Мужчины схватили топор и ринулись в сторону леса, чтобы срубить ствол дерева и подставить его под

живот лошади. Вернувшись, увидели, что выбившаяся из сил лошадь, прикрыв глаза и оскалив передние зубы, медленно замерзала, уже не подавая активных признаков жизни... в полынье плавали сгустки крови от разбитых ног животного...

По прибытии в село Леуши всех, кто остался в живых, в сопровождении надсмотрщиков направили по лесному склону на высокий берег, где было приготовлено место для ночлега – в домах, стоящих на окраине села.

Однако через день основная часть прибывших была отправлена в населённый пункт Ингуль (*в настоящее время на карте района отсутствует. – Авт.*), находившийся в верховьях Конды и её притока Тап, что было примерно в 90 километрах северо-восточнее Леушей. Это было место, откуда, по мнению ссылавших, не было возможности сбежать, и туда направляли осуждённых за антисоветскую деятельность по ст. 58 УК РСФСР. Выехали осуждённые в сопровождении как обычно рано утром; при самом тихом движении лошадей, они могли прибыть в Ингуль поздно вечером. Длительная дорога и постоянное ощущение голода довели всех до иступления. Спиридон Егорович сумел уговорить сопровождающего остановиться на некоторое время на горе, возле посёлка Лугового, у зажиточного, многодетного сельского хозяина Николая Васильевича Зуева (*в 1935 году расстрелянного якобы за организацию антисоветской деятельности; его детей отправили по детским домам, знакомым и родственникам*)⁶, приблизительно 1885 года рождения, манси, который сумел передать хоть что-то солидное для питания семьи репрессированных в дороге. Николай Зуев долго смотрел вслед уезжавшим подводам с охватившим его тревожным

⁶ Так свидетельствовали воспоминания его дочери, Устиньи Николаевны Зуевой, записанные в г. Ханты-Мансийске, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 25.10.2007 г.

чувством: ведь и у него было восемь детей и своё довольно большое хозяйство, за владение которым в те времена особенно не хвалили.

Сопровождающие спецпереселенцев очень торопили, так как для поездки могло не хватить светового времени дня. Продолжение поездки шло в лесном массиве вдоль реки Конды, с небольшими выездами в пойму. Уже в сумерках три санные повозки прибыли в Ингуль – небольшой населённый пункт, откуда действительно было почти невозможно куда-либо уйти. Кругом была непроходимая тайга и единственная санная дорога.

При расселении оказалось, что дома построены недавно и даже не просохли; не везде для отопления домов были заготовлены дрова. Дома были как бы вдавлены наполовину в землю и напоминали землянки – их было не более десяти. На следующий день всем взрослым мужчинам вручили топоры и отправили на строительство жилья, остальных – на шпаклёвку больших лодок, которые были необходимы для транспортировки грузов в летнее время. Для членов семьи выдавались пайки, которые впоследствии начинали сравнивать с блокадными ленинградскими. *(Во время войны на кондинской земле в посёлке Ягодное работал детский дом для детей-сирот из осаждённого Ленинграда, и дети рассказывали о том, какой паёк у них был в родном городе в 1941 году. – Авт.)*⁷

* * *

Через несколько дней после отправки пересылаемых в службе контроля над режимом отбывания наказания спецпереселенцев села Леуши стало известно о том, что пересыльные получали продукты в двух местах – у Н.В. Зуева и Бронникова *(имя и отчество неизвестны. – Авт.)*, которые вели единоличное хозяйство на двух вы-

⁷ Частично записано со слов старшей дочери Спиридона Егоровича в п. Луговом Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 27.08.2007 г.

ступах леса в пойме реки Конды. Сопровождающие были лишены на месяц пайков продовольствия и на выполнение других поручений их отправляли очень редко... Даже при таких условиях голода и холода людей принуждали давать необходимые для контроля показания друг на друга в среде самих спецпереселенцев...

* * *

Однако жизнь внесла свои коррективы: ранней весной 1931 года, при сильном разливе Конды, их отправили обратно в Леуши, чтобы корчевать лес для будущего крупного коллективного хозяйства. Длинный путь на трёх больших лодках спецпереселенцы проделали за пять суток практически без еды – их несло в основном по большому течению Конды. Ульяна Петровна постоянно молилась о том, чтобы её девочки остались живыми и не заболели: всё съестное отдали им, что и позволило детям остаться в живых. Со стороны реки несло холодом... Родители заметно похудели, временами у тех, кто плыл на лодках, появлялись голодные видения, это было страшно...

По прибытии основная часть спецпереселенцев была размещена в большом доме в селе Леуши. Больных и простывших разместили поближе к печам, чтобы можно было их хоть как-то обогреть... вскоре закипел чай...

Следующий день был организационный – распределяли всех прибывших на выполнение работ и на «постоянное место жительства». А затем началось то, чего каждый переселенец боялся и от чего отгораживался: вновь строили временное жильё, как и в селении Ингуль, рубили лес. Каждый из вновь прибывших на территорию будущего колхоза «Красная поляна» надеялся на собственные силы, чтобы хоть как-то протянуть голодную и холодную зиму тридцать первого – тридцать второго года...

До наступления холодов все были расселены в основном по землянкам, выстроенным самими же ссыльными в полутора километрах от Леушей – в селе Тульи, а также на месте, где планировалось построить посёлок только для спецпереселенцев – другого населения здесь не должно было быть.

Семьи Спиридона Егоровича и Василия Егоровича сняли себе жильё в селении неподалёку от села Леуши Кондинского района; многие сразу заговорили о том, что им было чем рассчитаться. Судя по всему, до сих пор семейные реликвии Лукояновых – украшения, с помощью которых расплачивались за жильё, – носят потомки тех, кто когда-то, семьдесят с лишним лет назад, сдавал эти комнаты и углы в наём или продавал продукты питания умирающим от голода людям за слишком дорогую цену. Всех, кто остался в этом селении, комендант предупредил о том, что при систематических опозданиях на работу их отправят на постоянное место жительства в первый посёлок – в землянки, то есть прикрытые ветками и землёй ямы.

Все невзгоды помогала перенести крестьянская выучка, жилистая крестьянская рука и знание природы. Любил Спиридон Егорович пить чай на травах, что передали сердобольные соседи из Леушей трудолюбивым мужикам, стучавшим топорами, казалось, круглые сутки. Спиридон Егорович строил жильё вместе со своим братом Василием и сыном Алексеем: рубили дом на две семьи на самой окраине посёлка. Стройка была примерно такая же, как на окраине на зареченской стороне села Байкалово, с той лишь разницей, что дом необходимо было построить по однотипному проекту – длинным и узким, с острой крышей – барачного типа, чтобы издали было видно, что здесь живёт семья спецпереселенцев.

Еловые и кедровые брёвна заготавливали для стройки в 50-100 метрах от дома, затем тащили волоком вдвоём

с братом (лошадей на всех не хватало, да и бригадиры подгоняли – им нужна была рабочая сила весной при вспашке полей и посевах пшеницы; за невыполнение нормы посевной на спецпереселенцев могли быть наложены взыскания, вплоть до заключения под стражу). Чуть позднее первый построенный дом Лукояновых снесли, так как он нарушал общий строй домов, но семье дали другой, в строительстве которого принимала участие вся мужская часть семьи. *(Именно поэтому дома для семьи при описании равноценны и не выделяются отдельно. – Авт.)*

Кормили вновь прибывших спецпереселенцев скупой: всем выдавали сухой паёк, состоявший из муки и, редко, крупы. Ранней весной 1931 года вскоре после прибытия из селения Ингуль среди спецпереселенцев вспыхнула дизентерия, которая буквально косила всех. В июне заболел Василий Егорович – крепкий, физически выносливый сельчанин медленно сдавал: началось обезвоживание организма, временная потеря сознания, через пять дней нечеловеческих мучений его не стало. Прошёл ещё один месяц – и умерла его жена Анисья.⁸

* * *

Их дочь Ульяна Васильевна осенью 1931 года совершила дерзкий для одинокой женщины побег из поселения для осуждённых по ст. 58 УК РСФСР «За антисоветскую деятельность». Как всегда, кто-то из окружающих её людей сказал об этом участковому, который взял одну из лучших лошадей и поскакал по дороге в сторону второго посёлка, где и нагнал беглянку. Сорокалетняя женщина была практичной и очень хитрой: она вежливо попросилась завернуть за куст и сходить по-малому, для достоверности оставила представителю власти вещевой мешок с

⁸ Записано со слов старшей дочери Спиридона Егоровича, п. Луговой Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 27.08.2007 г.

продуктами. Через пять минут участковый пошёл за ней, но не нашёл.

Через девять лет она объявилась в Житомире у очень дальней родственницы, вела себя испуганно и очень осторожно, была неразговорчивой. На лице её был виден шрам (который она постоянно пыталась прикрывать прядью седых волнистых волос), – скорее всего нанесённый медведем во время её перехода через Уральские горы в одиночку и без продуктов питания. Когда она шла через леса в гористую местность, то более всего боялась встретиться с человеком, нежели со зверем.

Как Ульяна Васильевна впоследствии вспоминала, далеко за населённым пунктом Таборы она встретила таких же бежавших женщин, и они остановились ночевать в лесу у костра. Была поздняя осень, однако погода благоволила беглецам. Это была роковая ночь: именно тогда на них и напала медведица с медвежатами – все, кто были возле неё, погибли от медвежьей ярости, а ей чудом удалось убежать, получив вдогонку от пестуна скользящий удар медвежьей лапой.

Причиной нападения медведицы была пара медвежат, которые настырно лезли к костру, где попевала грибница, приготовленная из лесных грибов. Кто-то из пятерых беглецов поднялся, чтобы сходить в лес за дровами, и попытался отогнать незваных гостей. Один из медвежат жалобно пискнул, и тут же из-за кустов мелькнула тень медведицы... послышались крики, стоны и зов о помощи... – вот и всё, что могла потом вспомнить убежавшая женщина с окровавленным лицом...

Когда началась война, она вместе с беженцами уходила на восток, попыталась скрыться в общем потоке беженцев, но её узнали из числа местных жителей, как не свою, так она попала в плен, где пробыла полтора года. После освобождения каким-то образом прошла фильтрацион-

ные пункты... – ведь ей было всё знакомо после отбывания наказания в сталинском трудовом лагере, и она туда уже не желала попадать повторно...⁹

О её судьбе узнал двоюродный брат Алексей Спиридонович Лукоянов, прошедший в войну от Сталинграда до Восточной Пруссии. Первоначально, как осуждённому по статье за антисоветскую деятельность, ему предложили искупить свою вину и отправили в штрафной батальон под Сталинград, где осенью 1942 года он принял боевое крещение во время ледостава на Волге и отсутствия хоть какой-то связи с противоположным берегом. Командование бросило несколько уцелевших танков и штрафной батальон с зажигательными бутылками и связками оставшихся ручных гранат на прорвавшиеся к Волге немецкие танки... от батальона не осталось в живых почти никого... Сам Алексей, получил ранение и контузию – и временно ничего непонимающего и не слышащего бойца оставили в подвале какого-то тёмного здания без продуктов питания... но он выжил...

После этого его, как подготовленного и относительно грамотного молодого человека, по окончании коротких курсов посадили на танк Т-34, и его участие в боях приобрело довольно подвижный характер, а гусеницами танка он продолжал питать жестокость человеческого мира... Дальше пошли страшные и тяжкие по испытаниям солдатские дни и ночи танкиста – до середины мая 1945 года – и закончились они в Восточной Пруссии. Как затем вспоминал Алексей Спиридонович при встрече с племянником в декабре 1969 года, он, будучи глубоко верующим человеком, видел тогда, скорее всего последний раз, прошедший православное крещение офицерский

⁹ Записано со слов старшей дочери Спиридона Егоровича, п. Луговой Кондинского района Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 27.08.2007 г.

и рядовой состав армии в боях за свою православную Родину...

Особенно тягостное впечатление уже в мирное время, после демобилизации из армии, произвело жаркое лето 1946 года, когда их поезд урча и пыхая паровозной трубой, проходил по сельской местности Украины. Там он увидел, как на полях под палящим солнцем трудились женщины с неженскими плечами... Тракторов на полях не было видно. По дошедшим слухам, после окончания войны весной 1945 года не было техники, чтобы вспахать пустующие поля, и тогда для помощи в решении возникшей проблемы применили отремонтированные, но без башен, танки Т-34.

Жара и испепеляющее солнце в сорок шестом сжигали на земле буквально всё. Было видно треснутую, раскалённую землю, позабывшую дождь. «До чего же ты дошла, Россия!...», – как-то само собой вылетело у него из уст...

Вернувшись с фронта и увидев в двоюродной сестре одинокую свободную родственную душу, пригласил её к себе – на станцию Паклевская Свердловской области, где она прожила в стареньком, с виду неказистом доме до начала шестидесятых годов прошлого века. Здесь же Ульяна Васильевна Лукоянова умерла. В село Байкалово она даже перед смертью отказалась заезжать...

* * *

Для колхоза «Красная поляна» и в целом для государства труд спецпереселенцев был очень выгоден: они работали намного лучше, чем вольнонаёмные в других хозяйствах, при этом им не разрешалось собирать ягоды, грибы, кедровые шишки, ловить рыбу и многое другое... В первые годы жизни колхоза были небольшие исключения из этих требований: членам колхоза разрешалось пользоваться плодами леса только в том месте, где шла

раскорчёвка леса – и всё! В остальное время строго соблюдались все требования к статусу спецпереселенца в этом трудовом спецпоселении особого режима. Нарушения по разнообразию питания были редкими; за каждой семьёй был установлен взаимоконтроль: под разными причинами обязывали соседей давать показания друг на друга еженедельно по нескольку раз. Летом мужчины проносили в посёлок грибы в нижней одежде (обычно в кальсонах) – впоследствии и это было раскрыто... Вместе с тем, насильственных действий со стороны спецпереселенцев в адрес коменданта посёлка не было отмечено за весь период действия режима спецпоселения, за исключением гибели Окунева¹⁰. То, что осуждённые зарабатывали в денежном выражении, брали натуральными продуктами, ассортимент которых был на удивление мал... Если они этого не сделали бы, то кормить детей было бы просто нечем.

Рано утром, под звон от удара металлического прута по обломку металлического колеса, специально подвешенного на высоту полутора метров, всех поднимали на работу – на строительство домов и скотного двора. Любого, кто не выполнил дневной план, сажали в «холодную яму» на ночь, оставляя без пищи¹¹.

После ликвидации каталажки с холодной ямой здание перестроили и поселили семью спецпереселенцев, которые долго не могли спать по ночам от тяжёлых сновидений и доносящихся как будто из ниоткуда стонов...

У пропиленных в стене окон со стороны центральной улицы пышно росла и поныне ежегодно поздней осенью растёт рябина, красными крапинками обагря зем-

¹⁰ Записано со слов Ангелины Павловны Карфидовой (Черепановой) – дочери первого председателя колхоза, п. Лиственничный Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 20.08.2006 г., 25.08.2007 г.

¹¹ Записано со слов Василия Евлампиевича Смирнова, п. Лиственничный Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 25.08.2007 г.

лю после прилетавших полакомиться осенним урожаем птиц, словно кровью тех, кто мучился здесь под пытками в этих застенках...

Кого направлять в каталажку, а кого в холодную яму – решал комендант: за невыполнение нормы на предписанных работах согласно поданному табелю. В 1948 году был направлен в колхоз на работу первый свободный молодой специалист. По его записям о выполнении работы по разнарядке могли человека наказать, после чего тот мог стать калекой. Наказание могло быть наложено за допущенную грубость и неподчинение руководству колхоза, за несвоевременное возвращение из командировок, когда комендант мог квалифицировать это как побег с правом в особо опасных случаях применять табельное оружие. После гибели Окунева подобных ситуаций в трудовом спецпоселении не было: свирепствовала железная дисциплина, и каждый знал, что за нарушение режима он обязательно понесёт наказание.

Назначенные коменданты работали на месте не более трёх-пяти лет, последний комендант в звании капитана милиции выехал из посёлка Лиственничный в начале июля 1956 года и был направлен на работу в Ханты-Мансийск – в уголовный розыск... За ним специально пришёл водомёт с небольшой понтонкой; намеченная погрузка затянулась: никто из спецпереселенцев не желал грузить вещи своему бывшему «воспитателю», лишь личное вмешательство председателя колхоза позволило решить эту проблему во второй половине жаркого июльского дня.

«Я тебе говорила, насколько неблагодарная у тебя была работа, и дальше это продолжаться не могло, они всё равно добра не поймут, у них в крови свобода сидит», – сказала ему супруга.¹²

¹² Записано со слов внука Спиридона Егоровича Лукоянова, г. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 23.07.2008 г.

После того как бывший комендант третий раз ходил в контору за оказанием ему помощи в отправке вещей и вернулся ни с чем, возле водомёта услышал только одно: «Ты ничего не сделаешь, они тебя не будут слушаться сейчас, ты ведь уже не комендант, даже твои друзья не пришли проститься, отвернулись от тебя, вот фотографироваться – так они были первые, ведь с комендантом, с властью», – высказалась на прощание его жена.

Чертыхаясь, по колено в грязи подошёл конюх с лошадыю, больше никто не пожелал. Подвода с вещами, по самые колёса ушедшая в воду, чудом держалась на плаву. На телеге стояла старинная кухонная мебель. Было видно, что кухонный гарнитур у нее был недоукомплектован. Кто-то из присутствующих на берегу произнёс: «Где же они его могли взять, ведь он же дореволюционный, а они ещё молодые?..». Слегка поцарапанный гарнитур ещё сохранил старинный и достойный вид ...

«Очевидно, по наследству», – неожиданно для всех сказал молодой мужчина, что сгружал его.

«Да не скажи, наследство в Кондинском районе может быть только одно – конфискат, а затем покупка в магазине. Я что-то слышала об этой покупке через промтоварный магазин в посёлке Юмас. Вот только давненько это всё было», – уже никого не боясь промолвила седая женщина, стоявшая поодаль ото всех и, судя по внешнему виду, густым седым волосам и длинным, будто рубцам, морщинам на лице, в своей долгой спецпереселенческой жизни видевшая много жестокости и жадности.

Водомёт отошёл от берега во второй половине дня. Все, кто был на берегу, вздохнули облегчённо, но они не знали, как будет идти их жизнь без коменданта. В посёлке двадцать семь лет все проблемы трудовой дисциплины и правопорядка решались через него. Но то, что у всех не было в душе тяжести и мир казался совсем иным, – заметно было каждому, кто присутствовал здесь.

В этом же году колхоз имени Мичурина (бывшая «Красная поляна») получил право демонстрировать достижения сельского хозяйства на Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москве.¹³

«Как же быть? Как жить дальше? Ведь количество ссыльных за последний 1933 год в колхозе увеличилось почти в два раза, и резко возросли плановые задания по раскорчёвке леса и подготовке пашни к севу, – размышлял председатель колхоза, назначенный райкомом. – Из продуктов остались в основном мука да картофель. Как отправлять людей на стройку, на тяжёлые работы?..», – сказать об этом вслух нельзя было.

«Да, спецпереселенцы по своим качествам – люди разные, доверять им тоже нельзя», – продолжал свои размышления председатель колхоза Павел Михайлович Черепанов, потомственный сельский труженик. Его отец Михаил Антонович Черепанов, имея большую семью из четырнадцати человек, сумел поднять своё хозяйство во время столыпинской аграрной реформы, но спустя четырнадцать лет был репрессирован вместе со своим сыном, который и был назначен председателем колхоза.

В 1931 году в посёлке Лиственничный была пущена школа на 4 класса. Детей кулаков в школу-семилетку в селе Леуши не брали до сентября 1936 года, поэтому те, кто продолжал учиться, ходили пешком за 45 километров в школу в село Ягодное (в ночь с пятницы на субботу ребяташки шли к своим родителям домой и возвращались обратно в воскресенье).¹⁴

¹³ Записано со слов внука Спиридона Егоровича Лукоянова, г. Ханты-Мансийск, и А.Д. Вепрева, п. Междуреченский Кондинского района, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 02.02.2008 г.

¹⁴ Записано со слов Ангелины Павловны Карфидовой (Черепановой) – дочери первого председателя колхоза, п. Лиственничный Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 25.08.2007 г.

Дети семьи Лукояновых учились в начальной школе Лиственничного, а потом в селе Леуши в семилетке. Несмотря на все трудности жизни в показательном трудовом спецпоселении, обучение по той программе, что была у них в школе, давалось им относительно легко... Все девочки окончили здесь семилетку, что дало возможность двум из трёх получить в дальнейшем профессиональное образование после окончания войны. Это образование и разбросало их по всей Восточной и Западной Сибири. Вот только глядя на настроение Ульяны Петровны, очень часто им было не по себе, и они пытались чисто по-детски поддержать свою маму. Это была пожалуй единственная поддержка для Ульяны Петровны в трудовом спецпоселении.

Сам колхоз «Красная поляна» был организован 19 декабря 1932 года, до этого действовала неуставная артель, руководителем которой был Леонид Попов. К осени 1932 года был пущен детский сад, в здании которого в начале пятидесятых брошенный всеми замерзал внук Спиридонова Егоровича.

Председатель колхоза Павел Черепанов был убеждён, что и за ним присматривают «нужные» для НКВД люди, которые, конечно же, знали всю его личную жизнь. Его подозрения подтвердились, несмотря на то, что хозяйство, которым руководил он, уже до войны считалось крепким. В 1944 году по району был не выполнен план сельскохозяйственных заготовок. Районные власти обвинили в этом ряд руководителей колхозов, в числе арестованных был и П.М. Черепанов: по решению судебной тройки ему дали 4 года тюрьмы... но через 2 года – в голодном 1946-м – освободили и восстановили на занимаемой должности.¹⁵

¹⁵ Записано со слов Ангелины Павловны Карфидовой (Черепановой) – дочери первого председателя колхоза, п. Лиственничный Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 25.08.2007 г.

«Кто же писал доносы?.. наверное, кто-то из близкого окружения...», – подумал Павел Михайлович, выйдя из здания правления. Ему показалось, что дома, построенные первыми спецпереселенцами, слишком постарели, обдуваемые ветрами на краю посёлка. Самый крайний дом был построен сыном и отцом Лукояновых. – Уж очень обособленно, – продолжал свои размышления председатель колхоза, идя по улице, – но ведь и по-своему красиво работали отец и сын Лукояновы на краю посёлка». Черепанов начинал догадываться, что старший из них скорее всего до отправки в ссылку вёл достаточно крупное хозяйство и многое знал. Молодой и крепко сложенный Алексей Спиридонович работал не спеша, однако работа в его натруженных руках кипела. Именно по рекомендации Павла Черепанова через год Алексея перевели работать председателем колхоза в посёлок Дальний.

Труд на стройке был тяжёлым, но в какой-то степени позволял свободно решать собственными силами возникающие проблемы, как это Лукояновы делали, будучи свободными людьми. Отца и сына частично отвлекало от многих личных проблем строительство дома: необходимо было заготовить и положить под основание обтёсанные брёвна лиственницы, сопоставить планировку с общей планировкой улицы...

В декабре ударили морозы. В ближайшем лесу раздавался временами треск деревьев, и на стволах появлялись трещины от сильного мороза или перепада температур. Постепенно не стало видно воробьёв, на дорогах временами попадались замёрзшие на лету сороки, однако активированных дней для работающих не было, и тогда появились первые обмороженные, однако приказано было продолжать стройки, не считаясь с общим количеством больных. Для многих вновь прибывших спецпереселенцев такие морозы были прочувствованы впервые.

Работа на строительстве была почти постоянно ручная: брёвна обстрагивали, затем подтягивали и поднимали их наверх; лошадей не хватало, да их и берегли для вспашки полей и посевной, поэтому у многих тружеников мучительно болели позвоночники. Дед Спиридон, перенявший ещё в детстве искусство врачевания у своей бабушки, по вечерам долго и безуспешно пытался помочь стонавшим и кричащим от боли рабочим. Он знал, что мог лечить, но молчал, так как для этого необходимы были силы, а их от тяжёлой работы просто не было, несколько раз он из-за отсутствия врачей пытался помочь молодым женщинам, унимая боль при родах, но от этого кружилась голова и очень хотелось пить. Пришлось побывать и повитухой у безнадежных с точки зрения проходящих родов молодых женщин. Ослабли женщины, вымотанные до предела нервным перенапряжением, вызванным боязнью за собственные судьбы, судьбы мужей и детей. У последней принятой им женщины родилась двойня, только что-то не понравилось Спиридону Егоровичу во внешнем виде детей... Как впоследствии выяснилось, у вполне здоровой внешне женщины родились умственно отсталые дети: всего лишь несколько месяцев прошло с того момента, как приехали эти ссыльные – и уже всё это сразу же сказалось на потомстве...

Вечером Спиридон Егорович, сняв изношенный за несколько месяцев полушубок, заметил, что из десен стала временами течь кровь.

«Этого нам только не хватало», – подумал он.

Ещё через неделю такие же симптомы стали появляться и у более молодых работников... В трудовом спецпоселении разгулялась цинга. Однако на болезнь уже никто не обращал внимание. Всех пугал указ о раскорчёвке леса в 150 гектаров силами спецпереселенцев... В 1932 году на балансе неуставной артели числилось всего 2 га пахотной

земли, к 1935 году было освоено более восьмисот гектаров. Вдобавок ко всему была дана команда раскорчевать лес на дальних лесных гарях, что находились далеко в стороне за селом Леуши. К началу войны только посевные площади составляли 1140 гектаров. На раскорчёвке леса работали все трудоспособные ссыльные, простудные заболевания не считались причиной отказа.

Даже слывший своей богатырской силой Николай Андреевич Вепрев устал от поднятия пней на раскорчевке и всей непосильной работы и голода и сник за последний месяц, твёрдо решив сбежать из спецпоселения после смерти крепких с виду мужиков семейства Лукояновых.

«Дальше будет смерть от дизентерии или голода – сначала ребёнок, потом мы... Выбирать нам с тобой, супруга, видно нечего. Наступило время для нас, как в той прибаутке – или пан, или пропал. Пусть попробуют догнать, чёрта-с два это смогут сделать. Я всех, кто меня догонят, воткну свечками вниз головой в тавдинском болоте», – твёрдо заявил он.

Его супруга через несколько дней начала запасать крохи продовольствия для предстоящего побега через тавдинские болота.

Десятки людей лежали дома и не могли подняться из-за того, что надорвались при выкорчевывании пней после лесоповала. На раскорчёвке от леса и пней применялся детский труд школьников, которые обколачивали землю с корневищ. В 1934 году одна из шестиклассниц умерла от того, что надорвалась на этой работе...¹⁶

Даже хоронить не разрешалось при стечении народа, опасаясь бунта, поэтому при погребении присутствовало

¹⁶ Данные о раскорчёвке леса и гибели шестиклассницы приведены по воспоминаниям старшей дочери Спиридона Егоровича Лукоянова, п. Луговой Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 26.08.2007 г.

всего несколько человек да ничего не понимающих ребяташек, бежавших за гробом. Похороны ребёнка были удручающими: взрослые пришли с раскорчевки, сняли шапки и молчали – говорить было запрещено... Лишь надрывно шумели березы, разбрасывая по округе осеннее золото последних в этом году листьев... Зато все знали, что такие похороны будут не последними даже в оставшиеся месяцы уходящего года: количество больных с каждым днём увеличивалось...

Именно тогда ужесточились требования и наказания за прогулы, но никто не знал, как сделать, чтобы и на работу все ходили, и лишний день не лежали с болями, не говоря о том, чтобы записать себя в разряд больных. Неоднократные прокурорские проверки с выводами о неправильном и неполном использовании трудовых ресурсов в колхозе «Красная поляна» заставили задуматься многих: ведь над всеми нависла угроза быть отправленными под конвоем на «ударные стройки» второй пятилетки...

В 1936 году после очередного семинара (проводился органами НКВД в Свердловске) районных ответственных по спецпоселениям касательно проблем рационального использования труда при перевоспитании кулачества как класса и была привезена идея о строительстве «холодной ямы».

Место для строительства выбрал сам комендант: недалеко от металлического круга, по которому били со звоном, возвещающим о начале или окончании работы – это было в центре спецпоселения, возле правления колхоза, чтобы все видели, что может ждать каждого в случае пропуска рабочего дня. Здание строили не только по приказу коменданта, но и по его проекту, куда была включена комната для заключения под арест. Весь вид её был предназначен для проведения пыток и наказаний. Серое

бревенчатое здание имело несколько маленьких окошек, забитых решёткой, без крыши, с потолком из брёвен, засыпанных сверху землёй, чтобы при сильном дожде вся вода протекала внутрь и заключённому приходилось прижиматься к стене, ища сухое место. Это сооружение с холодной ямой производило подавляющее воздействие на психику человека и сбежать из этого здания было просто невозможно. Яма была вырыта в предвоенные годы и представляла собой узкое углубление, где заключённый всю ночь мог только стоять, а холодные стены окружали его со всех сторон. Для того чтобы и летом в яме было холодно, запасная яма в зимнюю стужу специально охлаждалась и даже замораживалась, отопление в здании отсутствовало полностью. Для нормального функционирования нового учреждения были также специально заказаны кожаные узко нарезанные ремни, привезены замки и наручники. Подобные комнаты с применением холодильников существовали в тюрьме Лефортово в Москве с одобрения Лаврентия Павловича Берия. Сколько могильных холмов появлялось после подобного рода наказаний, никто не подсчитывал, а сколько детей осталось сиротами...

Первое пробное применение холодной ямы показало её «результативность» в рамках колхоза: сорокалетний мужчина за невыход на работу по причине якобы сильных болей в области поясницы был по распоряжению коменданта поставлен в неё на ночь. Через три дня он скончался от воспаления лёгких. Страх попасть в эту яму толкал даже тяжелобольных подниматься и идти на работу в поле или на раскорчёвку леса, где для многих наступала медленная и мучительная смерть в течение полугода или года. Но самое главное было достигнуто: все пошли на работу, даже дизентерийные больные, которые лечились отварами корней шиповника.

Комендант спецпоселения облегчённо вздохнул: «Можно докладывать начальству о достигнутых результатах и ждать вознаграждения, а может быть и повышения в звании».

Трудовое спецпоселение для раскулаченных было в какой-то мере показательным по жестокости обращения с осуждёнными, поэтому в него отправляли многих... В 1934-35 годах в посёлок стали прибывать раскулаченные «единоличники» с территорий, окружавших Сургут; их расселяли на второй улице Лиственничного: среди живущих её стали называть «сургутский край».¹⁷

Ежедневно те спецпереселенцы, которые временно снимали жильё и жили с семьями в селе Леуши, проходили пешком из Леушей на работу четыре километра и обратно по безлюдной и продуваемой ветрами дороге через лес. Эта процедура отнимала много времени и сил: для живущих в Леушах осуждённых она была обязательной.

Два раза в неделю нужно было отметиться у коменданта в посёлке Лиственничный и сделать отметку о своём пребывании на месте ссылки. Сбитая обувь никуда не годилась – выручали валенки, да и те проносились, их наспех ушил Алексей Спиридонович: необходимых стелек не нашлось, да и вырезать их было не из чего, не было в достатке ниток и вара, чтобы проварить гудроном дратву для крепкого подшива валенок, поэтому обошлись скрученным конским волосом.

Ссылная жизнь и отношение к ссылным семьям внесли свои коррективы в распорядок работы спецпереселенцев. От тяжёлой работы ныли натруженные руки, болела спина.

¹⁷ Данные о раскорчёвке леса и судьбе раскулаченных с территорий, окружающих Сургут, записаны со слов Ангелины Павловны Карфидовой (Черепановой) – дочери первого председателя колхоза, п. Лиственничный Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 25.08.2007 г.

* * *

Согласно запросу, сделанному уже в наши дни тем самым внуком Спиридона Егоровича в государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа, была выдана архивная справка, что в просмотренных документах архивного фонда Ханты-Мансийского леспромхоза Остяко-Вогульского (с 1940 г. – Ханты-Мансийского) национального округа Уральской (с 1944 г. – Тюменской) области в списке трудпереселенцев за 1931 год значится Лукьянова Ульяна Петровна 1881 года рождения (так в документе) и Лукьянов (Лукоянов) Спиридон Егорович, напротив фамилии указано – «умер». *(Искажена запись фамилии, вместо «Лукоянова Ульяна Петровна» записано «Лукьянова Ульяна Петровна». – Авт.)*

* * *

Причиной смерти Спиридона Егоровича явилась сердечная недостаточность, но что послужило толчком к этому – никто из окружающих не говорил.

По воспоминаниям старшей дочери, Спиридон Егорович умер от истощения и психического перенапряжения 8 декабря 1934 года. По архивным данным, Спиридона Егоровича не стало в 1931 году. Какая дата смерти была истинной, никто не знает... Перед смертью, в возрасте 64(66) лет, он неделю не поднимался с кровати и всю пищу по пайкам отдавал своим дочерям... и ему постоянно виделось во сне дорогое сердцу с детства Байкалово...

Перед смертью Спиридон часто вспоминал семейную жизнь в селе Байкалово, венчание с Ульяной Петровной поздней осенью в далёком уже 1921 году. Народу тогда пришлось на венчание так много, что многие из родственников были удивлены. Всплывали в памяти те добрые и хорошие слова, которые были сказаны священником в адрес их уже не молодой пары, да и сводные в семье брат

и сестра Марфа и Алексей, которым было по четырнадцать и тринадцать лет как-то приутихли и с любопытством разглядывали своих родителей...

«Посмотрим, как он после венчания будет семейную верность нести со своей необузданной страстью. Мог бы взять себе в жёны и помоложе, без семейного хвостика», – высказалась ещё молодая, с длинными, чёрными, как смоль, собранными на затылке волосами, не потерявшая своей женской красоты, одинокая женщина, жившая рядом с домом жениха, на зареченской стороне Байкалово.

Ульяна Петровна, как и выбирал Спиридон Егорович, была трудолюбивой, безропотной и страстной женщиной. За восемь неполных совместно прожитых лет, она родила ему трёх девочек и всецело была занята их воспитанием. Опыта по воспитанию девочек уже не молодой хозяин семьи и бывший вдовец не имел, так как в предыдущем браке у него было только трое сыновей...

Своей женитьбой и выбором своей возлюбленной Спиридон Егорович многим женщинам поломал планы на обеспеченную семейную жизнь.

На следующий день после свадьбы что-то случилось в природе: после обеда налетел настолько сильный колючий ветер со снегом, что у ряда домов слетели прохудившиеся соломенные крыши и повалились некоторые деревья. Злые языки ещё долго судачили о том, что всё это не к добру и скоро лукояновское богатство, как многим казалось, полученное за счёт труда односельчан, погибнет в буре человеческого гнева...

В памяти всплывало любимое хозяйство, наследником которого он видел только младшего сына Алексея. Именно Алексей отмечал в отце и повторял в поведении всё положительное и нежелательное для окружающих. Стоило Спиридону Егоровичу при повзрослевшем, неугомонном и драчливом по характеру сыне поддать по задней

части кнутом пьянице, загубившему по нерасторопности молодого телёнка, и через год, когда началась коллективизация и пошли разговоры от председателя колхоза о том, что их хозяйство будет отобрано и войдёт в создаваемый колхоз «Гигант», как он, выждав момент, поздно вечером подкараулил и побил председателя, который утром пришёл на работу с огромным синяком под правым глазом...

За этот инцидент Алексей и получил небольшой (так как не было свидетелей) срок. Пробыл он в Ирбитской тюрьме всего несколько месяцев. Горько было думать об этом Спиридону Егоровичу, однако именно это обстоятельство избавило его сына от необдуманных действий во время раскулачивания... Спиридон Егорович планировал всё хозяйство в селе Байкалово передать по наследству сыну, так как он был более всего предрасположен его преумножать, а оставшееся золото по частям завещал дочерям.

«Алексей, сынок», – в полузабытьи тихо произнёс умирающий отец. Однако сына Алексея дома не было, он уже более года работал председателем колхоза в посёлке Дальнем, здесь на Севере, на кондинской земле.

«Успокойся, дорогой, побереги свои силы, ведь детей надо поднимать, вон они какие маленькие, все на тебя смотрят, ждут, что ты выздоровеешь», – поглаживая седые волосы супруга натруженной рукой, произнесла со слезами на глазах Ульяна Петровна.

Днём в памяти всплывал знакомый облик человека, снимающего крест на высоте пятьдесят метров с храма Покрова Божьей Матери и бросающего его вниз, а затем стоящего по своей воле вниз головой на самом окончании шпиля купола, как бы показывая своё превосходство над миром божественности и святости...

«Грешен род человеческий за всё, что он сотворил...», – эхом звучал в высоте голос...

«Но ведь я не хотел и не делал этого...», – прошептал он и медленно закрыл навсегда свои усталые глаза...

Гроб с телом умершего стоял в светлой холодной комнате того самого дома, построенного им вместе с сыном, а за окном свирепствовал пятидесятиградусный мороз... Могилу для похорон умершего долбили целые сутки, разжигая костры...¹⁸

* * *

Только старшая дочь Спиридона Егоровича в 1966 году проговорила своей дочери о насилии над своей бабушкой во время поездки в ссылку...

Сын Спиридона Егоровича Алексей очень походил на своего отца: русые волосы, коренастое жилистое телосложение, имел явный организаторский талант. Даже через сорок лет после высылки в посёлок Дальний, когда он встретился с тем молодым человеком, о котором идёт речь в книге, на станции Паклевская, в свои шестьдесят лет остался крепким и сохранился таким до конца своей жизни.

Летом тридцать второго года по июльской воде на лодке с женщинами, работавшими гребцами (*спецпереселенцы, всю жизнь проработавшие на земле, плавать под парусом не умели. – Авт.*), он был направлен за семьдесят километров от посёлка Лиственничного по водной глади Леушинского Тумана – для отбывания ссылки в посёлке Дальнем, где был назначен председателем колхоза.

Туман притих и казалось, что это могло тянуться целую вечность. Молодые женщины пели песни, далеко не морские, но уже связанные с водой.

¹⁸ Спиридон Егорович Лукоянов реабилитирован посмертно 5 сентября 1997 года, № 5/5 – 38 99, г. Екатеринбург. Частично записано со слов Марии Спиридоновны Токаревой (Лукояновой), г. Новосибирск, 18.11.2007 г.

«А ну, красавицы, поднажмём!», – воскликнул Алексей.

«Ой ли, хочешь отдохнуть с нами на берегу пораньше, всё равно дальше вон того мыса мы не поедём, так положено по инструкции. Смотри, нас ведь шесть красавиц, а ты один», – съязвила, задевая мужское достоинство, сидящая рядом молодая гребчиха.

«Ничего, нам бы только миновать эту горловину возле высокого берега пашни до появления ветра», – глядя то на женщин, то на равномерно опускающиеся и поднимающиеся весла, пояснил Алексей.

«Что, струсил?..», – улыбаясь, подтрунила другая.

«Они как договорились между собой, ну и жарко будет мне ночью», – глядя на молодых женщин, инстинктивно подумал Алексей.

«Ты ведь один плывёшь, да ещё почту везём, редко такое бывает, да ещё ты молодой и красивый председатель. Поговорить и отшутиться можешь, а то и мужиков-то не видно – все на раскорчёвке леса. С коменданта толку мало, у него только пистолет в кармане».

«Вот-вот, только пистолет в кармане, а мужика-то нет и в помине», – продолжала язвить сидящая рядом молодая женщина.

На северо-западе у самого горизонта появилось темнеющее облако, это сразу заметила сидящая за кормовым рулем.

«Девочки, будет сильный ветер с дождём и шторм. Нажимаем на вёсла и плывём к берегу, своё мы сегодня уже проплыли!»

Прошелестев на скорости по относительно спокойной с лёгкой рябью воде, большая тяжёлая лодка ткнулась в песчаный берег. Выпрыгнувшие из неё женщины-гребцы разминали отёкшие от долгого сидения ноги и, нетерпеливо переговариваясь, дожидались, когда молодой

красивый мужчина выйдет на берег, но он продолжал о чём-то думать, сидя на своём месте в лодке.

«Ну что стоишь, красавец ты наш! Собирай свои вещи и пошли в наш шалаш. Ночь ведь впереди и, возможно, дождливая. Необходимо приготовить дрова и что-то сварить», – обратилась к Алексею старшая, лет под сорок, женщина с большими натруженными мозолистыми руками. – Картошки нет, старая закончилась, новая не выросла, что варить-то будем? Пайки с продовольствием дома детям оставили».

«Грибы поищите, да чагу нужно сбить, вам ведь негласно разрешается в пути что-нибудь брать, как и рабочим, которые раскорчёвывают лес», – обратился ко всем Алексей.

«Ох ты, какой быстрый! – воскликнула старшая. – А как насчёт доносов?!», – и повернулась к Алексею, но тот уже пошёл к берёзам за чагой и грибами, что росли вдоль берега Тумана. Через час пришли все грибники, принесли немного грибов.

Поздно вечером возле шалаша горел большой костёр. В жестяном котле кипела грибница и её аппетитный запах разносился по всей округе; всем очень хотелось кушать. Молодой председатель достал фляжку добытой в селе Леуши самогонки и разлил всем в алюминиевые кружки. Старшая из гребчих сдержанно произнесла тост: «Чтобы все остались живыми и мужественно перенесли все невзгоды, которые рано или поздно закончатся».

После ужина наступило свободное от сна и забот время. Женщины по-своему преобразились и похорошели, хотя у каждой за плечами был воз нерешённых проблем, а у некоторых – смерть мужа или детей.

«Пойдём, прогуляемся», – тихо обратилась к Алексею молодая женщина, больше всего пытавшаяся разыграть молодого председателя.

Туча, надвигавшаяся с запада, осталась ночевать в предгорье Уральских гор, так и не спустилась на равнину. Рокотал гром, далёким эхом проносясь в стороне от озера.

Двое молча ушли вдоль берега и их было видно до поворота в белой июльской ночи. «Я слышала, что ты страстный мужчина, иди ко мне», – остановившись, молодая женщина обняла Алексея... Её красивое тело словно говорило: «я рожать хочу, детей воспитывать...».

«До чего же мы все докатились, женщинам такие условия создаём, такую красоту губим... Дураки в России так и остались, врезать бы этим «умникам» горе-управленцам – чисто по-деревенски – оглоблей... Вот только жаль – всё равно не поумнеют, их же специально по деревням отбирали... Управлять может тот, кто в состоянии уничтожить своего противника или классового врага. А ведь здесь – совсем другое, против природы никуда не попрёшь...», – промелькнуло в голове молодого председателя. И помолчав несколько минут, Алексей переключился: «Ну и хороша же ты...».

«Вот только стара я для тебя, да и ребёнок есть у меня».

«А где твой муж, что-то я давно его не видел?»

«Умер полгода тому назад от дизентерии...»

«Да, чувствуется, что сильно скучаешь...»

Утром плавание продолжилось. Пока светало, на озере было затишье.

В посёлке Дальнем лодку с председателем ждали: на берегу собралось много зевак и тех, кто действительно не хотел, чтобы здесь, на Севере, сеяли и убирали пшеницу, растили детей. Они были полны ненависти к тем, кто насильно отнял у них заработанное. Поджидал его и комендант...

Хозяйство по величине было почти такое же, каким владел отец нового председателя Спиридон Егорович в Байкалово. Завезённый пока ещё небольшой дойный гурт коров необходимо было раздавать дояркам, часть пустить на мясо и сдать в счёт обязательных плановых заготовок на следующий год. Алексей долго сидел вечером в правлении у керосиновой лампы, размышляя о том, каким образом развернуть возможности хозяйства. Государственный план был доведён не только на раскорчёвку леса и подготовку пашни к севу, но и на постройку в зимнее время складов для хранения зерна, сданного в счёт государственных заготовок. А репрессированные, надрынаясь, вели раскорчёвку: по плану необходимо было одному человеку раскорчёвывать 200 м² березняка в день.¹⁹

Почти на каждой планёрке всплывали проблемы строительства жилья, расширения начальной школы и детского сада. Быстрыми темпами проходило возведение поселкового клуба. Размах строительства был больше чем в Байкалово.

Алексей не привык жить богато и не умел козырять этим. Вот и работал руководителем, как у себя дома: бывало, что он зарабатывался и забывал, где находится – в Байкалово или в Дальнем.

Комендант, работавший в нескольких посёлках, кипел от зависти, глядя на то, как спорится работа у нового председателя. Для того чтобы иметь полную информацию о председателе, комендант имел информаторов, которые частенько поздно вечером стремились подсмотреть, чем же тот занимается.

Однажды, сидя в конторе, Алексей услышал, как скрипнула входная дверь, он встал и потихоньку подошёл к окну. Дверь без видимых причин продолжала открываться, и тогда Алексей резко рванул оконную раму на себя.

¹⁹ Записано со слов Анатолия Фёдоровича Леонтьева, г. Тюмень, 02.08.2008 г.

Хлынувший сквозняк громко захлопнул приоткрытую дверь, за которой послышались чей-то писк, шорох и сыпануло руганью – стало ясно, что какому-то любопытно-му наблюдателю прищемило нос.

На следующий день по посёлку поползли слухи о том, что новый председатель распускает руки и якобы от него досталось плотнику Поликарпу Степановичу, у которого в результате контакта с дверной ручкой под глазом появился синяк и распух нос. Однако пострадавший сам разбираться не пришёл, но его жена налетела на Алексея прямо в здании правления, и лишь комендант унял взбунтовавшуюся женщину... Те, кто не желал развития колхоза, не получили-таки повода для очередной кляузы.

На следующий день по настоянию председателя плотник был направлен на раскорчёвку леса на третье поле сроком на полмесяца – лес там был смешанный, работать приходилось с усердием... Решение было настолько жёстким, что даже комендант промолчал, а Алексей сам приезжал проверять выполнение плана раскорчёвки. Такого никто из подчинённых не ожидал, да и Алексей удивился сам себе, вспоминая при этом дедовский стиль управления хозяйством. Многие тогда задумались о том, как бы не попасть под гнѐв председателя, и злопыхатели стали обходить контору стороной в вечернее время...

«Слушай, – обратился как-то Алексей к коменданту, – колхоз в посёлке Дальнем по показателям идёт выше запланированных показателей, разреши половить рыбу – многие уж больно плохо выглядят».

«Не положено», – сухо ответил тот.

В местах раскорчёвки леса разрешалось пользоваться плодами леса, но ловить рыбу – нет. Однако с доведением плана вылова рыбы для хозяйства и этот запрет постепенно уходил в прошлое.

Где же удержишь подростков от желания поесть досыта того, чего хочется, но первоначально в ссылке нельзя было. Вот и связали кое-как небольшую рыболовную сеть и поставили на речке Евра. Каждую ночь приходили проверять. Подплывали на небольшом плоту и выпутывали рыбу. Возвращаясь поздно вечером и гоня потерявшихся телят из общественного стада, сосед увидел это и решил воспользоваться результатами чужого труда. Два раза подростки приходили по ночам пустыми, пока не заметили чужие следы на берегу. Голодные, они решили разыграть злую шутку с мелким воришкой. Привязали к концам небольшого плота веревки и сели в камышах, чтобы подождать «грабителя». Как только стемнело, вышел из леса человек, без труда нашёл плот в камышах и поплыл на нём в сторону рыболовной сети. Как только похититель распутал в сети щуку и бросил её в сумку, что-то сильно потянуло плот на глубину к противоположному берегу. Мужчина на плоту схватил весло и начал грести в обратную сторону, но плот продолжал двигаться, а дойдя до берега, резко начал движение в обратную сторону, и никакие усилия мужчины с веслом не возымели действия.

«Нечистая сила! – мелькнуло у него в голове. – Чур меня!», – воскликнул напуганный воришка.

Когда плот вновь повело к другой стороне против его воли, то на речке раздалось сначала куриное кудахтанье, а затем и пение петуха: то мужчина, находившийся на плоту, чтобы отогнать нечистую силу, закричал петухом, как бы возвещая о том, что наступило утро. С тех пор и прозвали в деревне незадачливого рыбака «Ку-ка-ре-ку».

Подростков по его доносу отправили, по решению коменданта – за грубое нарушение режима нахождения в зоне спецпоселения, на более тяжёлую работу – на раскорчёвку леса с обязательным выполнением плана.

«Детей-то пощадил бы», – произнёс тогда в правлении Алексей Спиридонович, оставшись один на один с комендантом.

«Ты лучше занимайся интернатом для твоих кровных детей кулаков, так-то оно лучше будет, а то не ровён час – и сам загремишь ещё дальше, сын кулака! Лучше всего позаботься о том, чтобы в стойле у коров постоянно чистили, да вёдра-подойники лучше мыли, ведь молоко на маслобойню сдавать надо, а там чистота нужна вместо разговоров!»

Постепенно, как-то незаметно все жители понемногу начали ловить рыбу. В посёлке Лиственничном ловить рыбу запрещалось, так как там находились спецпереселенцы, осуждённые за антисоветскую деятельность, и законы поддерживались более жёстко – ведь хозяйство в этом аспекте было показательным.

Как вспоминал сам Алексей Спиридонович, в тот же год подошли к молодому председателю двое мужчин вечером на улице у самого дома, где он жил со своей любовью. Как будто заранее ждали его – поговорить или выговориться очень хотелось. Один из них процедил: «Коммунистам помогаешь! Забыл, как они твоё хозяйство в Байкалово разграбили. Мы слышали о том, что после этого ты остался без наследства и без гроша в кармане... Батя твой от расстройства вскоре скончался. Помогай, помогай – всё равно на сердце легче не станет. Разве что забудешься маленько. Душа-то сельская: любишь хлеб сеять, землю любишь и женщин тоже – это хорошо. Решительный и резкий ты парень, можешь быть даже жестоким, не боишься ответ держать ни перед кем. К людям мягче стал в последнее время относиться, опыт приходит. Видно, что хозяйство можешь вести, заботу знаешь. Вот только тебя от зависти власть не любит, уж слишком ненавидит тебя наш комендант, чтоб его приподняло да шлёпнуло...».

Это был первый разговор по душам с обречёнными на пожизненную ссылку. Тяжело было осознавать правдивость высказанных слов, прозвучавших от людей, находившихся в рабском положении, поставленных судьбой по сталинскому указу выполнять план сельскохозяйственных заготовок на Севере.

Шумел под ночным бризом лес и словно приговаривал Алексею: «Не связывайся с политикой, работой, может что-то и по душе себе найдёшь, а там авось всё переменится, деваться-то тебе всё равно некуда...».

Уже дома в постели ему мучительно не спалось, он без конца ворочался... Чтобы не мешать молодой жене, встал, оделся и вышел на улицу, сел на беседку, как это бывало в Байкалово, только там были рядом молоденькие девчонки, а здесь он был один, и одолели его думушки... Завернул самокрутку и закурил... Так и встретил рассвет, не сомкнув глаз. За больное место его зацепили мужички – знали, чем можно временно вывести из строя.

«А ведь всё вроде бы ладно говорили, только вот получилось, будто судьбу предсказали мою... Бежать отсюда, пока силы есть и молодость не ушла, можно, но куда, и где тебя ещё поставят председателем колхоза... Без хозяйства своего или колхозного болтаться по свету совершенно ни с чем... Предать человека, который рекомендовал меня на должность председателя, – Павла Михайловича Черепанова – нет, на это я не способен... Буду тянуть лямку, пока тянется», – твёрдо решил для себя Алексей.

В 1937 году Алексей Спиридонович Лукоянов был арестован по лживому доносу. Несколько дней его держали в здании клуба (*в настоящее время перенесён на новое место и используется в качестве склада. – Авт.*) в Ягодном: комнаты для временного содержания арестованных не было, как в Лиственничном. Причиной ареста был начавшийся падёж крупного рогатого скота... Позже выяснилось, что

это было действительно вредительство обозлённых судьбой и высланных по принуждению бывших богатых сельчан. Однако судьбу Алексея Спиридоновича повторно уже никто не стремился решать: посадили, так посадили, значит, где-то недосмотрел за общественным хозяйством, да и другим руководителям будет наглядный пример. В деревне поутихли сплетни о похождениях молодого председателя, однако ещё долго молодые девчата вспоминали его на посиделках. Уж больно красив, горяч и молод был этот председатель, а его жгучие глаза не давали молодым женщинам покоя по ночам. Все присматривались друг к другу из знавших его женщин, не ждёт ли кто потомство от молодого бывшего председателя.

Его гнали вместе со всеми арестованными с первого поселка по второй улице Лиственничного, а рядом бежала двенадцатилетняя сестра Мария²⁰. На запястьях у него и других арестованных и обвинённых в организации диверсий и восстания были наручники. Алексей шёл по улице и вспоминал своего отца, который похоронен был совсем рядом возле дороги, в берёзовом околке возле шумевшего Тумана, а их самих продолжали гнать в сторону пристани села Леуши.

Ему показалось, что он отверженный в этом мире нет у него ничего роднее той женщины, оставшейся в Дальнем, всё остальное ему представилось таким чуждым, как никогда. Из Байкалово изгнали как сына кулака, в посёлке Дальнем его, уже председателя колхоза, казалось бы, помощника новой власти, всё-таки арестовали по доносу.

«И где же в этой судьбинушке можно найти себя?.. – подумал он. – Разве что расстрелять могут... В стране-то вон что делается... Ведут ведь нас всех словно на человеческое жертвоприношение... Так что за люди, какой веры, совершают всё это?», – продолжал размышлять Алексей,

²⁰ Записано по воспоминаниям Алексея Спиридоновича Лукоянова, ст. Паклевская Свердловской ж/д, 11.12.1969 г.

когда их уже начали подводить к пароходу «Храбрый», стоящему у пристани Леушей.

Загружали арестованных раньше, чем обычных пассажиров, – в камеры предварительного заключения, расположенные в самой нижней части судна: рядом шумел паровой двигатель, так что спать в пути почти не пришлось. Арестованные засыпали лишь тогда, когда не было сил двигаться и реагировать на шум двигателя. Через пять дней арестованных доставили в Остяко-Вогульск. Дальше, после остановки и допросов следователей, предстояло такое же путешествие по воде до конечной остановки в городе Тюмени, где должен был состояться суд над всеми заключёнными.

В 1942 году Алексей Спиридонович ушёл из тюменской тюрьмы, где отбывал десятилетний срок наказания, добровольно на фронт и попал в штрафной батальон – «искупать свою вину». Вернулся живым. Приехал жить и работать на станцию Паклевская Свердловской железной дороги, находящуюся недалеко от Байкаловского района.

* * *

В феврале 1969 года внук Спиридона Егоровича впервые встретился с Алексеем Спиридоновичем (т.е. со своим дядей) в квартире семьи Сединкиных, которые жили на станции Талица, когда сам приехал к ним в гости.

Алексей открыл дверь и шагнул в квартиру вместе с зимним, холодным воздухом. Был он в тёмно-серой телогрейке, какие носили в своё время заключённые, и в такого же цвета брюках. Когда сели за вечерний чай, он долго и пристально вглядывался в своего племянника, поздно вечером перед самым уходом пригласил его к себе ночевать. Несмотря на сопротивление хозяев дома, внук твёрдо решил побывать в гостях у своего дяди.

Шли долго, перешли через перекидной пешеходный мост и оказались в районе станции Паклевской: деревянные здания, почерневшие от времени, окружали их со всех сторон. Внимательно приглядевшись к ним, молодой человек догадался, что они в большинстве своём были построены в начале тридцатых годов во время коллективизации и индустриализации страны. Зашли в такой же небольшой дом: справа стояла круглая крестьянская печь, у окна – деревянный стол, рядом – курятник, где постоянно почему-то кудахтали куры, побелённые стены и давно не крашенный, выцветший коричневой пол. Хозяйка лет пятидесяти достала огурцы домашнего посола, хлеб своей выпечки (юноше показалось, что они сейчас где-то в доме сельского хозяина...), налила по стопке водки, развязавшей языки... и потянулись длинные разговоры.

Дядя спросил о том, как живёт в Кондинском районе его родная сестра, которую он не видел около сорока лет, расспрашивал о её характере. Последний раз он с ней встречался на похоронах отца – Спиридона Егоровича. Она ведь осталась жить на Севере после окончания срока ссылки. Вполне очевидно, он знал о ней достаточно много и, возможно, отрицательного. В его взгляде и словах многое было недосказано. «Скорее всего именно на похоронах зашёл разговор о золоте, спрятанном в лесу около Байкалово», – подумал племянник. Разговор был неприятный, признался Алексей Спиридонович, и отрицательный для него. Ульяна Петровна и не собиралась в чём-то уступать, ведь у неё было трое девочек на руках, и всё золото предназначалось им.

Его просто лишили последнего, он не знал, где золото лежит и сколько же его там зарыто. Так в один миг он стал для самого себя нищим – человеком, не имевшим ломаного гроша за душой. А ведь в укреплении богатства Лукояновых он тоже принимал самое активное участие,

и деньги в последние годы были заработаны в основном им. Именно тогда, заслышав неприятный разговор с Ульяной Петровной и Алексеем, старшая дочь отца накинулась на него со словами: «Убирайся вон отсюда!»,²¹ – и вцепилась пальцами в его руку, глаза её сверкали так, что от них шла волна какой-то необычайной оцепеняющей силы.

«Вот это да!», – вырвалось у Алексея.

Его сестре тогда было около двенадцати лет.

Много вопросов было задано по истории современного посёлка Лиственничного: стоит ли построенный вместе с отцом дом; давно ли распустили трудовой лагерь; как люди живут и уехали они или остались на вновь освоенных землях; кто председатель... Известием о том, что вместо колхоза уже крупный совхоз «Кондинский», был немало удивлён. Долго расспрашивал про посёлок Дальний, но племянник о нём знал намного меньше, и разговор перевели на Лиственничный. Внук Спиридона Егоровича (по молодости и незнанию всей истории ему об этом никто никогда не рассказывал, лишь его мать по приезду на каникулы впервые во взрослом состоянии пояснила судьбу его дяди), сейчас не понимал до конца всей сути расспросов, всё рассказывал и рассказывал, а дядя внимательно слушал...

И повеяло от взгляда дяди чем-то непонятным: тоска не тоска, но что-то горело у него внутри неугасимым огнём, как будто там, на северной земле, остался кто-то сильно желанный, его любовь и надежда, ведь его ребёнку было уже за тридцать...

«...Да и женщину, которую так страстно я любил, потерял за десятилетнее отсутствие... тюрьма... война...

²¹ Записано по воспоминаниям Алексея Спиридоновича Лукоянова, ст. Паклевская Свердловской ж/д, 11.12.1969 г.

Она осталась беременной... и исчезла вскоре после моего ареста, наверное, побоялась, что с ней и ребёнком будет то же самое, что и со мной... Где искать и кого искать, а самое главное – как искать, ведь мы же раскулаченные? О том, что она исчезла из посёлка, я узнал в пересыльной тюрьме в Остяко-Вогульске от следователя, который вёл допрос. А она так хотела обвенчаться в подвенечном платье... Слушай, парень, я вижу, тебе трудно материально, если что – я могу помочь», – произнёс он, глядя на ещё не совсем оформившегося в паренёк крепкого мужчину. – А сейчас пойдём спать», – закончил разговор дядя.

Большую часть ночи слышались вздохи и хруст кровати от ворочающегося на ней Алексея Спиридоновича. Даже в кратковременном, как говорят, мерцающем сне, он куда-то бежал или шёл и постоянно разговаривал с какой-то женщиной. Всем не спалось; лишь под утро все успокоились и уснули, вот только дядя продолжал ворочаться, как впоследствии сказала его супруга Лора (Лукерья Григорьевна), он встал рано и, как ей показалось, так и не сомкнул глаз. Его взгляд был непонятен даже ей, таким она его никогда не видела...

Утром Алексей встал, быстро собрался и, позавтракав, вышел на улицу вместе со своим племянником. Было морозно; дядя шёл задумавшись и, очевидно, вспоминая свою бурную жизнь во времена его ссылки.

«А ведь я побывал в Дальнем после возвращения с фронта и там никого не нашёл. Молча обошёл в форме военного рано утром посёлок, свой дом, где жил и провёл одни из самых лучших лет своей юности с молодой любимой женщиной. Зашел в крайнюю избу, где жили ещё не освободившиеся спецпереселенцы, они ещё раз подтвердили, что в посёлке никого из тех, кого ищу, нет...»

«Многие исчезли сразу же после вашего ареста, да и сейчас по прошествии стольких лет многие будут с вами

встречаться с опаской», – передавая дословно реплику, прозвучавшую в его присутствии много лет назад, закончил свой рассказ дядя.

«Вот только на прощание как-то по-своему шумел Леушинский Туман, да зло поглядывал на меня комендант, отсидевшийся всю войну за бабьими юбками и вполне возможно считавшийся фронтовиком», – как-то не сразу, помолчав некоторое время, высказался Алексей.

Так он и вернулся обратно на станцию Паклевская – окольными путями, вновь через тот же пункт Таборы. Вот почему добравшись до Тобольска, он передал одежду взрослой женщины своей взрослеющей сестре Марии Спиридоновне.

Вскоре запил, да так сильно, что не было у него времени опомниться и прийти в себя, ведь детей из-за болезни у него больше не могло быть, а он с возрастом так сильно хотел их иметь...

«Слушай, племянничек, как ты думаешь, в чём красота жизни?»

«Не знаю», – произнёс тот в свои восемнадцать лет, пропитанных постоянной ежеминутной борьбой за право жить на земле, не имея малейшей возможности что-то из всего прожитого проанализировать.

«Молод ты ещё, чтобы вот так сразу понять этот мир. В женской красоте, в ласке женских рук. Чтобы вот так можно было лечь рядом, ощутить её и прикоснуться к волосам любимой, к этой неповторимой красоте женщины... Слушай племянничек, что-то и тебя не очень-то балует жизнь... Небось твоя мамаша принимает в этом участие, чувствует моё сердце, что-то здесь очень серьёзное зарыто. Ночью спать спокойно не можешь, всё страхи какие-то выходят, то кто-то тебя головой об пол бьёт, то на расстрел водит. Не нравится мне это – уж слишком правдоподобно и жестоко звучит...»

«Не знаю, чтобы это значило, но в такие ночи, когда я просыпаюсь, очень сильно болит голова. Мне об этом никто никогда не говорил дома. Сказали об этом только на археологической практике мои однокурсники, и тогда тоже очень болела голова. Вот я по аналогии и сделал вывод о причинах головной боли», – ответил племянник.

«Если нужны будут деньги – пиши или приезжай, всегда помогу», – произнёс Алексей и ещё раз глянул прямо в глаза своему племяннику.

Оба замолчали и так дошли до станции. Алексей, пропустившись, торопливо ушёл в депо.

«Такую жизнь почти прожил, а к красоте сельской женщины тянет его до сих пор. До чего не простой, жестокий и здесь же красивый мир человеческих отношений предстал передо мной», – с широко раскрытыми глазами, смотрящими вслед уходящему Алексею, подумал его племянник.

Под ногами его хрустел снег в то очень морозное утро. И показалось тогда племяннику, что Алексею вновь вспоминалась его бурная, яркая и очень короткая юность...

Как-то нелепо он смотрелся рабочим: в каждом его движении чувствовался сельский потомственный труженик, всегда умеющий принимать собственные решения, а здесь он выполнял заданный ритм, что противоречило всему его виду. В его сельском хозяйском облике не получилась по внутреннему содержанию «союз серпа и молота». Даже на расстоянии было видно, что душа у него была беспокойной.

Беспокойной была и обстановка на самой станции по части преступности и нападения в ночное время на прохожих. Что-то общее было с некоторыми населёнными пунктами по пересылке спецпереселенцев в начале тридцатых годов прошлого века и станции Паклевская: в то далёкое время жители узловой станции видели то, каким образом государство расправлялось с неугодной, но боль-

шой частью населения собственной страны. Транссибирская магистраль проходила в нескольких сотнях метров от жилых домов. Да и сами жители были в основном не местные, а вновь прибывшие, и результат не замедлил сказаться: мужчины избивали друг друга и незнакомых людей. Порождённое в тридцатые годы зло прочно засело в инстинктивном поведении мужчин. Злая волна как бы ходила от дома к дому и порождала временами ещё большее необъяснимое и жестокое зло, носителем этого зла было уже второе поколение тех, кто перенёс все ужасы экспериментов далёких тридцатых годов

В очередной раз внук Спиридона Егоровича приехал к своему дяде через месяц, поздно ночью, и спокойно направился через мост. Было очень трудно найти дом, где жил дядя – ведь он видел его утром и вечером, когда было по-зимнему холодно и темно. В тёмном переулке впереди появился прохожий, одновременно племянник услышал хруст снега позади, он повернулся и услышал просьбу: «Дай закурить!».

Племянник не курил, он уже слышал о ночных нападениях. Его инстинкт подсказывал ему – надо что-то предпринять, ведь эти прохожие здесь не случайно.

«Неужели придётся быть сбитым, а потом меня будут пинать, пока не потеряю сознание, потом обнесут и оставят замерзать на снегу, – за одну секунду мелькнуло в голове племянника-студента. – Ну уж нет!», – решил он.

Всё его внимание осталось сосредоточенным на идущем позади него, шаги всё приближались, наконец догоняющий с силой ухватился за плечо и попытался повернуть лицом к себе. И тут же послышался треск рёбер и, вполне возможно, кисти руки того, кто нанёс такой силы удар, повергнувшийся в состояние ужаса как защищающегося, так и нападающего. Полноценному удару помешал

разворот корпуса противника, и часть страшного по силе боксёрского выпада пришлась не в солнечное сплетение, а по ребрам. Наступавший сзади плавно завис на своих ногах, с остановившимся дыханием и вытаращенными глазами... Идущий впереди резко побежал навстречу, но в стороне от идущего внука Спиридона Егоровича...

В этот вечер он всё-таки встретился с Алексеем, который вернулся после смены очень поздно и продолжил скупой рассказ о своей жизни. Вот только племяннику показались, что уж очень Алексею Спиридоновичу хотелось работать там руководителем, где он начинал – в посёлке Дальнем Кондинского района. Возможно, если бы не заключение в тюрьму до войны и режим спецпоселения по 1958 год, его судьба могла сложиться иначе... Он всё вспоминал последние дни, которые он провёл в Дальнем: как всегда по осени объезжал жеребцов и однажды выехал в поле, заметил что-то тёмное возле стога со снопами пшеницы, решил проверить и прищпорил коня, подъехал ближе... Прямо перед ним поднялся сидящий от старости огромный чёрный медведь. Жеребец, сделав стойку, так хватил с места, что наездник, имея большой опыт езды, едва остался в седле. Через секунду вдогонку ринулся медведь, однако сказалась его старость и нехватка сил; закончилась всё тем, что молодой жеребец с пеной у рта успел заскочить с краю в посёлок, а медведем занялись собаки. У жеребца случился сердечный приступ, и примерно через час после смертельной схватки за жизнь он скончался...

По первому снегу на Алексея понеслась жалоба в районную прокуратуру, что он, дескать, самолично постепенно изводит стадо лошадей в колхозе, организуя своего рода скачки... Да к тому же в колхозе начался падёж крупного рогатого скота... Так что писать было о чём...

После войны он переболел гонореей в запущенной форме, долго лечился травмами у знахарки и остался бес-

плодным. Стал попивать. Женился на Лоре, что в своей юности сводила с ума многих мужчин, с годами поутихла и несла свою ношу жены, силясь угодить мужу во всём.

В то утро перед уходом на работу Алексей ещё раз пригласил племянника, приезжать к нему почаще... Больше в живых его племянник не видел... Весной семидесятого года возвращаясь домой в вечернее время, Алексей Спиридонович был избит неизвестными людьми и умер в больнице от обширного кровоизлияния в мозг в результате черепно-мозговой травмы. Внуку Спиридона Егоровича сообщили о его смерти лишь через несколько месяцев...

* * *

На кладбище города Талица, на солнечном месте возле зеленеющих елей видны заросшие невысокой травой два могильных холмика без крестов, надписей и табличек, где покоятся безвременно ушедшие от нас в мир иной Алексей Спиридонович и Ульяна Васильевна Лукояновы...

Быстроенная Алексеем Спиридоновичем вместе с отцом, Спиридоном Егоровичем, половина дома для него в Лиственничном Кондинского района так и простояла пустующей сорок лет. После того, как в ней прожил несколько лет до своей смерти слепой мужчина, она словно звала хозяина сюда в эту уже родную северную даль, пока весь двухквартирный дом не снесли. Лишь стены дома издавали все сорок лет какой-то стонущий звук под шум пролетающего ветра, как будто стонала православная русская душа тех, кто строил его и существовал здесь без свободы и без права быть в православных храмах.

Два первых сына Спиридона Егоровича от первого брака жили не в селе Байкалово и остались вне репрессий, нажить большого богатства, какое было спрятано в земле у деда, они ещё не успели. Для них трагический ис-

ход событий в Байкалово был полной неожиданностью, и о смерти отца на Севере они ничего не знали до конца своей жизни.

Старший сын от первого брака Спиридона Егоровича Фёдор (*дата рождения автору не известна*) погиб в бою под Ржевом в августе 1942 года, когда его батальон был брошен в бой при взятии северной части города.²² В контратаке он попал под пулеметную очередь и с простреленной грудью и открытыми глазами остался лежать на пшеничном поле, в предсмертных судорогах последний раз обняв руками сельского труженика русскую землю с запахом зрелого хлеба и шумящими русскими берёзами под бездонно-голубым небом... По накалу, по ожесточенности, по методам ведения и потерям августовско-сентябрьские бои в районе Ржева сравнивали позднее в газетных сводках с боями под Сталинградом.

Второй сын от первого брака (по неподтверждённым данным) Александр Спиридонович с семьёй остался жить в городе Перми; с его сыном встречался в октябре 1977 года внук Спиридона Егоровича у Сединкиных, станция Паклевская (*ныне станция Талица*) Свердловской железной дороги. По виду это был наблюдательный мужчина лет пятидесяти трёх, среднего роста, коренастый и очень расчётливый в поведении, мало разговорчив.²³

* * *

При знакомстве с документами семьи Лукояновых, хранящимися в фондах окружного архива, выяснилось,

²² По воспоминаниям старшей дочери Спиридона Егоровича, п. Луговой Кондинского района Ханты-Мансийского национального округа, декабрь 1964 г.

²³ Данные о судьбе Фёдора и Александра записаны со слов Алексея Спиридоновича (станция Паклевская Свердловской области, февраль 1969 г.) и старшей дочери Спиридона Егоровича (п. Луговой Кондинского района Ханты-Мансийского национального округа, ноябрь 1965 г.), которая живёт на Севере, а также Марфы Григорьевны Сединкиной (ст. Паклевская Свердловской области, декабрь 1969 г.).

что в графе «члены семьи» указано «четверо». Высланы они были из Свердловской области, Байкаловский с/с (*так в документе*). Основание: ГАХМАО. ФФ 156. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, оборот. Документ был предоставлен за подписью начальника окружного государственного архива Л.В. Набоковой от 12.10.2004 г. № Л-13/707.

На заявление № 3/7-1125 от 26.08.2004 г. Главное управление внутренних дел Свердловской области впервые сообщило внуку Спиридона Егоровича Лукоянова о том, что архивное дело на семью Лукьяновой Ульяны Петровны находится на территории Тюменской области и, чтобы ознакомиться с ним, необходимо обратиться в ГУВД Тюменской области, где имеется архивное дело на семью Лукьяновой (*правильно – Лукояновой*) Ульяны Петровны за № 4082, однако и оно из-за скудости информации, содержащейся в нём, не могло дать необходимых сведений.

Ноябрь 1945 года: последний крестик, поставленный Ульяной Петровной в своей жизни на документах, которые были в её личном деле, где она предупреждалась о том, что в случае её самовольного ухода из мест отбывания ссылки она будет приговорена к десяти годам тюремного заключения. Во всех документах присутствовали подписи представителей правоохранительных органов. Умерла она 29 ноября 1949 года. (*По архивным данным, 28 февраля 1950 года. – ЧМ № 022/128.*) Причина смерти была записана в документе как «остановка органов дыхания».

Младшая дочь Спиридона Егоровича – Юлия, 1928 года рождения, была очень тонкой натурой, при соответствующем образовании могла стать музыкантом. Была очень наблюдательным и обидчивым человеком, что впоследствии и сыграло для неё роковую роль. Она сумела выехать с Севера во время учёбы в посёлке Ханты-Мансийске в 1947 году (статус города присвоен в 1950-м), скрыв свои

настоящие имя и фамилию, и добраться до станции Паклевской. После разговора с Марфой Григорьевной уехала в родное село, где родилась и выросла её мама Ульяна Петровна, и больше десяти лет жила в селении Комлевка Свердловской области, что находится в десяти километрах от села Байкалово. В начале пятидесятых годов работала учителем начальных классов, как самая образованная из жителей деревни, и помогала вести хозяйство престарелому родственнику Марфы Григорьевны. После перенесённых тягот ссылки на Север и тяжёлых родов в 1954 году получила тихое помешательство.

О её болезни сообщили Марии Спиридоновне, которая находилась тогда в городе Ялуторовске вместе с мужем (кадровым военным), ушедшим к этому времени в отставку. Она-то и взяла временно, до выздоровления Юлии, на воспитание её сына – Сергея Александровича Лукоянова. Он был худеньким: было ясно, что временами недоедал из-за болезни его мамы. В Ялуторовске ему была сделана сложная операция (при дефиците обезболивающих средств) по устранению дефекта верхней губы: голову ребёнка держали самые сильные медсёстры, которые могли перенести его душераздирающий крик; все боялись болевого шока, однако мальчик в свои пять лет всё выдержал.

Почему при болезни Юлии стали искать её сестру под другой фамилией, находящуюся за 300 км от Байкалово, а не родственников, которые были практически рядом, остаётся непонятным... А ведь её сын в возрасте четырёх лет вёл полуголодный образ жизни... и первую помощь могли оказать действительно живущие рядом близкие родственники, а получилось наоборот...

Скорее всего, сказалась ситуация доноса о родственной линии с осуждёнными по части второй 58-й статьи, ведь в деревне знали Ульяну Петровну, это была её родина.

И на родине её мамы Юлия Спиридоновна чувствовала себя, по её же воспоминаниям, отверженной всем миром: соседи ненавидели её, обходили стороной, и всё ждали того времени, когда умрёт её дед и они поделят всё его хозяйство. В одиночестве Юлия вряд ли смогла бы защитить себя, ведь она жила у дальнего родственника будучи не реабилитированной.

Умерла мама Сергея Александровича в 2002 году в городе Новосибирске.

Сын Сергея Александровича Лукоянова – Константин – в настоящее время оканчивает аспирантуру и стоит перед защитой диссертации по точным наукам. Он остался носителем фамилии Лукоянов – один из тех сыновей, что появились в следующем поколении семьи, сосланной на Север.

Средняя дочь Спиридона Егоровича – Мария, 1927 года рождения, – в возрасте семнадцати лет в 1944 году выехала в Ханты-Мансийск, попыталась поступить в медицинское училище вместе с сестрой Юлией, однако набор был закончен к этому времени как в медицинское училище, так и в педагогическое. Выбора для двух сестёр не оставалось, и они пошли в рыбный техникум, где проучились три года, после чего учебное заведение было переведено в город Тобольск вместе со студентами. Там Мария Спиридоновна переболела туберкулёзом, спасло её то, что директор взял её к себе в дом в помощь по хозяйству своей молодой супруге. Никто не знал, что она больна. Лишь по утрам ей приходилось подниматься с большим трудом – не хватало сил. Мария выносила в грязных вёдрах всё, что было ненужным в квартире, под не понимающие взгляды своих сверстников, и это упорство в конечном итоге спасло ей жизнь. Получая хорошее питание, она выздоровела и чудом осталась в живых.

В 1947 году к ней приезжал в поисках чего-то или кого-то её брат Алексей и расспрашивал её о посёлках Лиственничном и Дальнем, «подпитался» слухами, гуляющих там о нём и его юношеских увлечениях. Перед отъездом оставил ей одежду, привезённую из Германии, однако Мария догадывалась, что не вся женская одежда предназначалась ей.

В 1948 году после окончания учебного заведения Мария Спиридоновна получила с согласия комендатуры направление на работу на Дальний Восток для работы на рыбоперерабатывающих предприятиях города Преображенье Приморского края, где условия жизни, по мнению коменданта, были ещё хуже, чем в спецпоселении. После полученного разрешения выехала по назначению. Далее была Камчатка. Там вышла замуж за военного и после его перевода в другую военную часть переехала в город Новосибирск, где и проживает в настоящее время. Имеет двух сыновей: Владимира Фёдоровича, всю свою жизнь прослужившего в военно-морском флоте в Калининграде, и Юрия Фёдоровича, кандидата технических наук. Дождалась внуков и правнуков.

Когда она неожиданно получила телеграмму о том, что к ней приезжает старший сын её сестры с Севера, то приготовила чай, постряпушки и наказала всем соседям, выгуливающим собак, чтобы обязательно сказали в какой квартире она живёт (в телеграмме был неправильно указан номер квартиры). Весь вечер (17.11.2007 г., г. Новосибирск. – Авт.) вёлся интересный и непринуждённый разговор о давно прожитых годах на Севере, об отношениях между сёстрами, о родителях, что погибли в трудовом спецпоселении и о многом другом... На встречу приехал её сын Юрий Фёдорович.

Разговор получился настолько интересным, что незаметно пролетело время, и лишь приехавший таксист на-

помнил о том, что время для продолжения беседы закончилось.

После выезда из посёлка Лиственничного Мария Спиридоновна в нём не была и вообще не приезжала в Кондинский район. Очень часто вспоминает с тяжестью в сердце расставание с матерью и сестрой в далёком сорок восьмом...²⁴

* * *

Все знали о том, что на этом свете они с матерью, Ульяной Петровной, вряд ли встретятся... Ульяна Петровна вместе со старшей дочерью стояли на берегу возле телеги с лошадьёю и махали руками... Пароход «Храбрый», чадя трубами, унёс тогда всех уезжающих по водной глади речки Ах и реки Конды в безвозвратную даль.

Через год Ульяны Петровны не стало...²⁵ Она с самого начала нахождения в ссылке вместе с мужем работала на раскорчёвке леса – обколачивала вывернутые пни – и работала так до 1937 года. Потом устроилась сторожем на свиноферме и готовила пищу для животных, именно там она и простыла, что впоследствии явилось одной из причин её смерти.

После окончания войны все считали, что наступит послабление, касающееся спецпереселенцев, однако этого не произошло. В 1947 году у неё случился нервный срыв, вызванный тем, что бывшая жена Спиридона Егоровича не могла психологически всю свою оставшуюся жизнь ухаживать за свиньями под упрёки надзирателей. На следующий день Ульяна Петровна не вышла на работу и в наказание за это угодила в холодную яму, после чего серьёзно заболела.

²⁴ Реабилитирована 01.12.1995 г., через шестьдесят четыре года после высылки в Кондинский район Тюменской области.

²⁵ Реабилитирована посмертно 1 декабря 1995 года, № 5/5-6642, г. Екатеринбург.

По ночам ей стали сниться сны о счастливых и обеспеченных днях и годах совместной жизни с мужем. Её душа так рвалась к этой далёкой и недоступной свободе, что она дала себе слово никому не говорить о том, где спрятано золото в селе Байкалово, тем более что никто из дочерей тогда в селе не был в осознанном возрасте. По её мнению, именно этот жёлтый металл во многом ускорил их отправку в ссылку и принёс так много несчастья. Ей показалось, что Бог был слишком далеко от них в том месте, где они отбывали политическую ссылку.

Постепенно она стала ворчливой, с лица ушла приветливость, и только нужда и озлобленность на всё окружающее наполняли её чувства, которые и были скопированы уже взрослой женщиной – постоянно живущей возле неё старшей дочерью. Ульяна Петровна путано пыталась объяснить своей дочери перед смертью, что она по натуре очень изыскана и могла бы быть очень богатой, но окружающие её люди лишили всего этого, и она никогда в жизни не должна работать на грязной работе...

Дочь очень хорошо усвоила эти измышления: в 60-х годах прошлого века после освобождения из трудового спецпоселения, семья стала нуждаться в средствах, ей предложили работать техничкой, но она отказалась и сидела дома полуголодная вместе с голодными детьми, но за работу так и не взялась...

Поздней осенью 1949-го Ульяна Петровна почувствовала слабость и усиление кашля. Кашель в смертельной агонии был настолько удушающим, что сердце её не выдержало... Она прожила шестьдесят восемь лет... Её мама – сто четырнадцать и все годы могла ходить. Она любила жизнь и русские берёзы, которые остались стоять навечно возле её могилы...

Так получилось, что в 1950 году на Севере от некогда большого высланного семейства Лукояновых осталась только одна старшая дочь Спиридона Егоровича; муж-

ская половина семьи, прошедшая ссылку, погибла вся, за исключением Алексея Спиридоновича. Другие члены семьи с искалеченными судьбами были разбросаны по всей стране...

* * *

Поседевший со временем внук Спиридона Егоровича задумался о смысле жизни и смерти, о человеческой судьбе, заключённой в его жизненном пути...

В тридцатые годы люди погибали за идейное политическое несогласие с курсом правящей элиты. Сегодня смерть забирает к себе тех, кто заработал или кому достались по наследству миллионы...

Совсем недавно, поздней осенью 2006 года, погиб его друг Владимир Евгеньевич Матвеев, всю жизнь проработавший на Севере в школе на партийной и комсомольской работе, в окружном отделе молодёжи. Он ехал на арендованной легковой машине в сторону Ханты-Мансийска. Автомобиль проехал на большой скорости по дороге после поворота в сторону окружного центра, прошел дугой по асфальту, перескочил через кювет, описал полукруг в воздухе и уткнулся в снежную болотную кочку, на треть уйдя в неё... Когда подъехали спасатели и достали двоих погибших, денег, вырученных от продажи квартиры, в их вещах не оказалось...

* * *

Внуку Спиридона Егоровича, рождённому от его старшей дочери, параллельно с красотой природы и хорошими ощущениями вспоминалось детство, столь далёкое от всего, что окружало его в настоящее время...

Он не помнил, чтобы в детстве ему кто-либо читал или рассказывал сказки, говорил о добре и зле, о любви и уважении к человеку. Всего этого в его жизни просто

не было, и он жадно впитывал этот дефицит, наблюдая отношения близких к нему людей в семьях друзей, товарищей и просто знакомых.

Умению чисто и без всяких помех разговаривать сложными предложениями он научился у диктора центрального радио, копируя дикцию, тембр голоса, а также голоса артистов, которые часто принимали участие в различного рода радиопередачах. Родители иногда этому очень удивлялись и отмечали, что старший сын по характеру поведения, общению с окружающими не походит ни на кого в семье.

Все сказки он ежедневно слушал в передачах по радио. Мальчик заранее чётко знал, какая передача и когда будет транслироваться. К примеру, классическая музыка всегда исполнялась в четвертом часу дня. Достаточно много сказок он видел в кинофильмах позднее – когда их просто отпустили с места ссылки. Читал в младшем возрасте не так уж много, но довольно бегло, как впоследствии признавались сами учителя, что они вряд ли могли рассчитывать на это по причине очень слабого зрения у мальчика.

* * *

Из всех друзей, что были рядом в те далёкие времена, почти никого не осталось в живых: дети, прожившие в невыносимых условиях в спецпоселении для спецпереселенцев, не имевшие права отойти от него на расстояние более двух километров, не видя ничего в жизни дальше принудительно установленных пределов, после освобождения вместе со своими родителями либо не могли адаптироваться к окружающей незнакомой им жизни, либо погибали, не рассчитав сил на очередном повороте судьбы.

Михаил Чусов попал под тележку трактора, когда она перевернулась, – ему было 14 лет; Александр Лебёдкин, друг детства, утонул в Оби во время сенокоса – в 21 год; Пётр Серебренников отгородился от жизни алкоголем и просто спился, не видя смысла жизни ни в чём, – умер в 55 лет; и этот чёрный список можно продолжать и продолжать...

Другие в изменившуюся жизнь слишком трудно входили, не обученные этикету поведения, долго не ладили с городской жизнью, первоначально стойко перенесли бурные разочарования и тоску по Северу, а затем затосковали. Годы, проведённые в местах далёких, а для них – слишком близких, отпечатавшиеся в их молодых сердцах, в их отношениях с природой, сложившихся в раннем детстве, – с удивительной красотой северных просторов и северного неба, маняще тянули вновь к себе даже через десятилетия, как будто на увлекающее свидание.

Бывшие спецпереселенцы, прибыв на это свидание с северной природой и далёким детством, смогли увидеть лишь вросшие в землю лачуги, в которых они когда-то жили. Свежевыстроенные дома и новые улицы заняли место множества жилищ с остроконечными крышами, построенных в другую эпоху и не для выполнения добрых дел, как будто погибали старые строения за то «святое» дело, для которого они и создавались, унося воспоминания далёкой детской личной жизни спецпереселенцев. Стоя под тополями огромной высоты, выстоявшими в моменты неоднократных бурь, погибали эти строения при исключении возможных компромиссов с природой и обществом, породившим их.

Многим становилось не по себе от воспоминаний о перенесённой жестокости и надзираемой жизни в нищете – в том знакомом и осознанном только сейчас, в зрелом возрасте, детстве. Но увидев красоту природы и вместе с тем

вспомнив извращённость человеческих отношений между представителями своего поколения, воспитанными в духе доносительства, они покидали эти места навсегда, медленно включаясь в ритм городской жизни, и уходили далеко-далеко в своих мыслях и делах, как будто у них не было того несладкого детства...

Другие остались жить в этих местах навсегда и не собирались переезжать никуда, да и ехать в незнакомый мир просто не хотелось – сказывалась привычка прожитых лет на одном месте. Там, откуда они были высланы, уже были потеряны родственные связи из-за войны и высылки на специальные поселения. Дети и внуки оставшихся на своих местах спецпереселенцев уже давно получили в основном техническое, не гуманитарное образование, и сумели уехать на освоение нефтяных месторождений неподалёку от города Урая, многие из числа оставшихся занимались сельским хозяйством.

Всё изменилось в этом некогда диком медвежьем необжитом крае: появился город нефтяников Урай, посёлки городского типа Междуреченский, Мортка и другие; построены современные школы, дворцы культуры; железная дорога и автострады протянулись на сотни километров; в небе автономного округа стали летать скоростные самолёты; водные просторы пересекают быстроходные речные суда. Во многом изменилась и сама природа под воздействием человека, и трудно сказать, лучше от этого стало или нет, а самое главное – изменились ли сами люди, потомки спецпереселенцев, что большего в них осталось – добра и прощения или злости обиды за свою судьбу?..

Чем дальше в своей жизни внук Спиридона Егоровича стремился вникнуть в суть того, что произошло полвека тому назад, тем сильнее в реальной жизни от него отворачивались участники тех далёких событий начала пятидесятых.

Сестра выросла довольно скрытным человеком, напоминающая своим поведением тех, кто был в ссылке. В дом, где она проживает, пустила за всю жизнь только один раз. Её подруга из посёлка Лиственничного первоначально вообще ничего слушать не пожелала, лишь после второй встречи стала немного податливее и, улыбаясь, заговорила о том далёком детстве, в котором они жили в посёлке практически одной детской семьёй – со всеми курьёзами, обидами и радостями. Именно она по роду занятий и полученной профессии воспитателя чуть позднее встречалась и была лично знакома со многими участниками минувших лет. И, как выяснилось несколько позже, что-то не очень доброе они всё же подозревали в детстве, украдкой поглядывая на отверженного родителями ребёнка. Ведь её жизнь очень близко пересекалась с жизнью того мальчишки, который по-детски не понимал происходившего вокруг него и привык ко всему, что ему грозило, и беззаботно убегал от грозящей ему почти ежедневно смерти по улицам небольшого посёлка для спецпереселенцев с красивым названием Лиственничный, что находится в Кондинском районе, в юго-западной части Ханты-Мансийского автономного округа, где было одно из мест для спецпереселенцев, осуждённых по ст. 58 УК РСФСР...

Возможно всё то, что он вспоминал, и не назовёшь детством, чем всё это назвать – мужчина не знал. Самое главное, что его постоянно беспокоило: почему именно к нему было такое отношение в семье? Мать при общении с кем-либо из знакомых всегда делала ссылку на то, что сын рос совершенно не таким, как все остальные его братья.

* * *

Неординарность жизненного подхода к нему в детском и подростковом возрасте ещё раз подтвердилась

весной 1964 года, когда в хорошую ясную погоду отец задумал поохотиться на водоплавающую дичь и, взяв с собой сына, поплыл на долблётке вдоль берега реки Конды. Стояла действительно тихая погода с очень красивой северной весенней вечерней зарёй. После часовой поездки пристали к берегу и заняли места на вечерней охоте. Лишь в сумерках начался лёт водоплавающей дичи, но очевидно это была не их цель. Юноша не умел стрелять в летящую птицу из-за слабости зрения. Больше время он сидел на кочке с прошлогодней травой и наблюдал за своеобразием северного заката, как это было в детстве на берегу озера Туман: лишь на самой кромке горизонта закатившегося солнца показалась небольшая яркая краснорозовая линия, предвестница возможного сильного ветра на завтра. Появление такой линии было плохим предвестником: ведь лодочка могла вместить при плохой погоде только одного, а их было двое, но отец отмахнулся от предостережений и лёг спать возле разведённого костра – вместо матраца лежала сорванная и сложенная в несколько слоёв прошлогодняя трава.

Рано утром подул ветер, остервенело поднимая волны на Конде. Отец выкурил самокрутку, свёрнутую из обрывка газеты с завёрнутой махоркой, которую называл «козьей ножкой», минутку поразмыслил, сел в лодку и погрёб на волну – вскоре среди накатывающихся волн его с трудом можно было разглядеть, а потом он исчез, как будто его и не было.

В ушах у подростка стояли как будто застывшие во времени слова, брошенные отцом перед тем, как отплыть: «Лови попутную моторную лодку, возможно, доведёт и тебя, захватят и привезут к посёлку».

Подросток остался один среди шумящих волн и шуршащей травы... Шедшая с другой стороны реки моторная лодка не остановилась даже на ружейный выстрел вверх,

проскользнув возле самого берега... Надежда на скорейшее возвращение постепенно таяла под натиском ветра и начавшегося дождя. Мальчик развернулся и решил идти вдоль березняка, чтобы затем найти переход через протоку, который был для него знакомым по осенним походам за водоплавающей дичью. Медленно, оглядываясь на реку с ещё не потерянной надеждой на возможную помощь, он двинулся в рискованное путешествие в сторону дома, заведомо зная, что отец наверняка за ним не придет – да он и не обещал этого. По мере движения вдоль берега парень заметил, что дождь стал заметно тише и выяснило, но стало заметно холоднее. Часов у идущего не было, и он определял время по солнцу, что было относительно: как говорили раньше – часом раньше, часом позже. Выйдя на переход через протоку с довольно сильным течением, юноша постоял несколько минут, сосредоточился, отключив в сознании восприятие чужих звуков, и медленно, шаг за шагом, двинулся по двум вмёрзшим в лёд жердям на другую сторону протоки. Леденящая вода прибывала с каждым его шагом, и холод её пробивал через всю поверхность сапог. Идущий двигался к центру протоки, водяной поток усиливался, внизу под вмёрзшими тонкими жердями была ощутимая глубина. Синеющая весенняя вода как бы показывала, что в случае падения вероятность выйти сухим отсутствовала, а при холодной воде и встречном пронизывающем ветре можно получить переохлаждение примерно через час медленного движения в сапогах по такой воде. Юноша сжался весь в комок, балансируя, как акробат, выступающий на канате под куполом цирка, сделал ещё несколько удачных движений. Потом ещё и ещё, наконец он почувствовал под ногой твёрдое, но глубокое дно, но вода понемногу начала переливаться через верх сапог – они стали необычайно тяжёлыми и двигались по ледяному

дну, как утюги. Метров через триста вода под ногами понизила уровень, но было уже поздно: сапоги были наполнены холодной проточной водой и снаружи были так же окружены нестерпимо замораживающей водной массой. Движение продолжалось, и вместе с ним бежало время, отведённое природой на день и на ночь. Когда юноша, теряя последние силы, приблизился к берегу, солнце уже скрылось за горизонтом, оставив за собой розоватый с переливами весенний закат.

Сил идти или долго стоять не было, он зашёл в воду по пояс (в воде оказалось даже теплее, чем снаружи) и стал звать бригаду, работавшую на водомёте на другой стороне реки, чтобы его перевезли. Однако никто этого делать не стал: все, злорадствуя, начали уходить от берега. Юноша отчётливо понял, что и здесь ему никто не придёт на помощь. Он стоял в воде и видел, как уходили рабочие, оставляя его на другом берегу; кричать и звать о помощи было бесполезно. Подросток, привыкший к жестокости окружающего мира, молча наблюдал, как его оставляют замерзать на берегу, где нет даже возможности присесть – кругом была вода до колена. Подождав минут пять после их ухода, юноша наклонился к воде и, сложив руки рупором и повернув их в сторону леса, чтобы было эхо, с силой стал кричать, взывая о помощи. Крик настолько сильно стал отражаться первоначально от воды, а впоследствии от леса, что стало слышно на половину посёлка «химподсочников» – рабочих, собирающих «живицу» (смолу сосен) для химической промышленности.

От затрат последних сил у него начала слегка кружиться голова, а перед глазами показался седой лик деда Спиридона, и прозвучали до боли знакомые почему-то слова: «Держись, внучок!», – и лик исчез так же быстро, как появился.

Подросток осознал, что если он не прекратит на какое-то время кричать, то охрипнет, и тогда его положение станет совсем безвыходным, тем более что он уже изрядно начал замерзать от ветра и холодной воды.

Вдали послышался разговор, юноша попросил о помощи ещё несколько раз и каждый раз вдали был слышен всё усиливавшийся разговор. Через несколько минут пришла, ругаясь, та же самая бригада, завела водомёт и подъехала к берегу, забрала замерзающего, предложила спуститься в моторный отсек, но подросток стоял, взявшись за поручни, не веря, что его спасли от практически неминуемой смерти от холода. Рабочие высадили подростка на другой берег. При спуске по трапу на берег юноша вылил из сапог ледяную воду на подмёрзшую землю. Мужчины с удивлением смотрели на это, переглядываясь, затем спросили, откуда он пришёл пешком и кто его отец, и почему он не приехал за ним, а после ответа мальчика замолчали... Расстояние по воде было действительно большим, и не каждый взрослый, не имея физической подготовки, мог бы это преодолеть его по холодной воде.

Впервые после возвращения в семью у него закралось сомнение: а может быть, это было сделано специально, – но вспомнить предшествующие события в детстве в полном объёме он не смог. Но даже того, что произошло, хватило на неллицеприятный разговор с отцом при возвращении в дом, где «родной» отец мирно спал на пуховой перине.

Заслышав шум на улице, вышли мать и отец, весьма озабоченные, и сразу вопрос: «Как добрался?».

Подросток сжал рукой приклад одностволки и со злой усмешкой процедил: «Неужели я кому-то ещё нужен, чтобы кто-то меня хотел подобрать и привезти, особенно мокрого по пояс?».

Отец возразил: «Но ведь проезжал мой знакомый на шлюпке».

«Вот-вот, только проезжал, но меня-то он не взял!», – воскликнул почти взбешённый парень.

В ответ он услышал лишь молчание, которое прервала мать: «Так ты приехал домой?».

«Нет, я пришёл пешком. Вы можете взглянуть во-о-он туда...», – и сын показал на пойму, словно чашу, залитую до краёв весенней ледяной водой.

Мать опустила голову, развернулась и ушла домой, то же самое сделал и отец – было видно, что и он не поднимал взгляд. Подросток пошёл в летнюю кухню, нагрел воды, попил чаю и пошёл спать без чьего-то сопровождения. Назавтра он встретил гробовое молчание, никто не мог или не хотел сказать хотя бы что-то о случившемся.

Он собрался и пошёл в школу – молча, никому ничего не докладывая: к такому отношению он привык с детства. Лишь учительница подошла и впервые за всё время обучения в школе спросила о личной, внешкольной жизни. Очевидно, всему этому способствовала скрытность и молчаливость старшеклассника по поводу того, почему он так сильно кричал на берегу реки Касымьи. Подросток, не желая рассказывать никому ни о чём, вдруг непроизвольно разговорился, ведь подобные вопросы были заданы ему впервые за всю его жизнь, и временами ему казалось, что он вообще в жизни никому не интересен и не нужен, а тут он увидел интерес к нему, ко всему, что случилось, и недоверие к поведению родителей. Он разговорился, что выходило за рамки молчания – сложившегося стереотипа в раннем детстве. Учительница долго слушала, а потом попросила больше не ходить на охоту с теми людьми, которые бросают человека в смертельно опасную минуту.

После этого внешние проявления ненужности сына исчезли, дома никто не вспоминал об этом. Мать временно с интересом стала поглядывать на то, как повзрослевший и атлетически сложенный сын, на тренированном теле которого играла каждая мышца, начал ухаживать за девушками.

Однако у юноши после критической ситуации возвращения с охоты всплыли воспоминания двухгодичной давности: ничем внешне не спровоцированные ощущения жжения и сильных болей в области желудка в ночное время, и тогда он вынужден был обратиться в больницу. После осмотра некоторое время никто ничего не мог понять, однако на третий день после острейших болей ему несколько раз сделали промывание желудка. Каждый раз при промывании пена изо рта шла так обильно, что наполняла стоящий перед ним пустой таз. Создавалось впечатление, что подросток съел что-то отравленное. Однако этому никто не придавал значения, и всё утихло. Все об этом как бы забыли, ведь подросток не имел вредных привычек.

В сентябре по ночам стали вновь появляться боли в левой части живота и очень резкие – зимой. Приходилось пить большое количество воды и полуголым выходить на улицу и натираться снегом, чтобы потушить кажущуюся высокую температуру тела. Именно после этого у подростка появились постоянные боли в желудке. Они остались на всю оставшуюся жизнь.

Возникшие сомнения подтвердил услышанный ночной разговор матери и отца.

«Оставь старшего сына в покое. Я выпоила ему всё, что было в бутылочке, а он всё ещё живой, – как бы с удивлением в голосе сказала мать. – Больше не собираюсь ничего делать против сына, пусть живёт, как хочет и делает в этой жизни всё, как задумает».

* * *

На душе у ехавшего в автомобиле мужчины был такой тяжёлый камень, который разом сдвинуть было просто невозможно...

* * *

Он не знал, по какой причине в шестом классе весь год проходил в одной рубашке и вельветовой куртке, даже когда за окном был мороз за тридцать-сорок градусов. Лишь где-то в начале февраля ему как-то с нежеланием выдали вновь сшитую фуфайку, сославшись на то, что швея не справлялась со всеми просьбами по шитью. Подросток долго думал о том, стоит ли её вообще одевать, ведь зима практически закончилась. Через двадцать дней потекли ручьи и наступила ранняя весна...

* * *

Проехали помолодевший в последнее время город Урай с его многолюдными в центральной части улицами, детскими площадками, где играла детвора, с удивительно красивыми и заботливыми молодыми мамами, которые, казалось, беззвучно катили по асфальту в колясках «будущее» Югры на фоне дворца культуры «Юность Шаима», мемориала «Звёзды Югры» и памятника первооткрывателям западно-сибирской нефти. Судя по мощенным, заново заасфальтированным и чисто прибраным улицам, город жил сравнительно спокойной, размеренной и материально обеспеченной жизнью. С правой стороны по курсу движения машины у поворота напротив аэропорта показалась высокая белая стена.

* * *

Пятьдесят лет назад здесь, в весенней заснеженной тайге, в глубине леса возле бывшей лежневой дороги с

вывороченными корнями деревьев и уложенными спиленными стволами стояла экспедиция геологов. В просветах между вековыми соснами, доходившими в высоту до нескольких десятков метров, курилось печными трубами в холодное мартовское небо пятьдесят четвёртого года рубленное с русским размахом временное жильё для геологов – будущих первооткрывателей сибирской нефти. Крыши временного жилья были занесены снегом, а подтаявший мартовский снег крепко сцепил их в единое целое так, что проезжающим по лежневой дороге они казались ещё более массивными. Когда-то здесь, напротив дымящих домиков, в сосновом бору, висела выкрашенная белой краской табличка, на которой чёрной краской было выведено: «деревня Урай». Это были первые восемнадцать километров пути из ста пятидесяти шести при возвращении на место отбывания пожизненной ссылки, а дальше тянулась довольно длинная санная дорога: в зимнюю стужу по ней доставляли почту в виде приказов и распоряжений да редких писем, что приходили сюда с большой земли.

Везли завербованных по контракту людей на лесозаготовки в леспромхозы, один за одним открывавшиеся в верховьях Конды, да редких ссыльных спецпоселений с пожизненным сроком отбывания наказания за принадлежность к определённому классу или социальной прослойке своих родителей.

Иногда они делали попытку сбежать из-под контроля надзирающих органов и уйти через Уральские горы на юг, где возможно не было таких мест для ссылки. Бежать по Конде в летнее время было невозможно: кругом стояли скрытые заставы, проверка документов – и бежавших спецпереселенцев арестовывали.

Сегодня никто не желает верить в то, что когда-то здесь творилось такое, тем более что это совпадает с пер-

выми открытиями газоносных структур на территории автономного округа и приездом сюда десятков тысяч молодых специалистов и рабочих нефтяной и газовой промышленности, ехавших с определённым романтическим настроением и стремлением заработать. Многие даже не подозревали о том, что они могут встретить здесь что-то кроме романтики и запаха тайги.

* * *

Тянущиеся низкие перелески, смешанный лес, раскинувшийся на видневшихся вдали заросших островках среди болот, да берёзы вдоль старой дороги напоминали о минутах и часах далёкого детства, когда маленький ребёнок пяти лет, замерзая в повозке от налетевшей в конце марта – первых числах апреля лютой зимней стужи, инстинктивно отчаянно боролся за своё право на жизнь на этой холодной и безжалостной с точки зрения человеческих отношений земле. Острова со смешанным лесом в болотистой местности, что тянулись и тянутся сейчас вдоль дороги, вносили и вносят разнообразие в колорит северной природы. Вот и хорошо запомнившееся бесконечно простёршееся болото с низким уходящим под горизонт затуманенным сосновым перелеском, тем самым, который пересекали на конных санях в лютую стужу весны 1954 года. От воспоминаний о стуже, что была в том пути, ехавшему внуку Спиридона Егоровича стало не по себе: по спине пробежал холодок, и прокатилась, как в холодную осеннюю изморось, дрожь – так, как это было в то далёкое время. Он привычно для себя съёжился и прижался к сидению. Глядя на природу с ярким солнцем и весенней зеленью, бывший маленький узник судьбы и политического режима подумал о том, что как будто и не прошло этих прожитых пятидесяти лет.

Новая асфальтированная дорога была проложена совсем рядом с той санной, что была здесь ещё в начале пятидесятых, пожалуй, только она указывала на большой разрыв во времени уже в частично созданном природном ландшафте. Автомобиль подъехал к незаметному повороту на бывшую деревню Ворпавла, что открывалась своей весенне-зимней красотой светящихся окон ночью пятьдесят четвертого года. Деревни уже нет в действительности десятки лет. Водитель, улыбаясь, внёс ясность в маршрут. По его мнению, до административного центра Кондинского района – посёлка Междуреченского – ехать всего час и двадцать минут по асфальтированному шоссе. Пятьдесят лет назад это была поездка на санной подводе продолжительностью двое суток в стужу под тридцать градусов, со специфическим и характерным только для этих мест пронизывающим колючим весенним ветром при долго не заходящем большом и розово-холодном солнце.

В стороне, в просветах появившихся возвышенностей виднелся синеющий в своей озёрной водной глади тихий и спокойный, седой и по-прежнему красивый, своенравный Леушинский Туман. В его тёмных, железосодержащих водах, как в качающейся колыбели, в летнее время росли миллионы мальков рыб и тысячи птенцов водоплавающей птицы. Конечно, это не был бассейн под Кейптауном с хорошо просматриваемой в гигантских аквариумах плавающей рыбой – то был и есть пресноводный гигант с мутноватой тёмной водой, и он играл и играет особую роль в воспроизводстве всего живого на десятки километров в округе. Присутствие рыбы здесь чувствовалось везде, даже на берегу, где лежала выброшенная метровыми волнами при сильном шторме уже попахивающая пресноводная рыбина. Крича, летали над волнами неугомонные чайки.

Пятьдесят четыре года тому назад этот водный гигант стремился в своих бурлящих, пенящихся в непогоду волнах забрать к себе ребёнка, избавив его от возможных невзгод и несчастий. Тогда озеро Туман было жестоко, как и люди, многие из которых были по принуждению высланы сюда из родных любимых мест. Сейчас озеро как будто чувствовало все перемены в положении бывшего малыша.

Зеленеющие и пустующие ровные поля, давно не видевшие плуга, – безмолвное свидетельство смены политики в отношении сельского хозяйства и потери интереса к земледелию по причине ввоза более дешёвых продуктов из других мест России или из-за рубежа.

Поворот на село Ягодное – именно здесь в восьмидесятые годы прошлого столетия поставлен памятник погибшим спецпереселенцам: как вспоминал мужчина, исторически это был второй памятник в Тюменской области.

Легковая машина уносила внука Спиридона Егоровича в даль...

Где-то здесь должна быть «пашня» – место подле большого и крутого обрыва на берегу озера Туман, который видно за несколько километров издали, с озера. Именно там в тёмные осенние недождливые ночи, возле подмытого берега и кладбища погибших от непосильного труда на раскорчёвке леса и распашке земли и захороненных здесь спецпереселенцев, охотникам и рыбакам приходили и приходят белые видения, очень похожие на силуэт плачущей женщины, и многие из проезжающих старались и стараются, по рассказам очевидцев, избегать этих мест...

* * *

Ехавший в машине мужчина полагал, что за многие годы что-то изменилось в появлении самого лика возле

берега. Однако, приехав в гости к родному брату летом 2003 года и будучи на рыбной ловле, услышал подобный рассказ о появлении белых ликов возле «пашни» на крутом обрывистом берегу озера Туман. Вёл рассказ об этом молодой, с украинским акцентом, участковый, курирующий эти посёлки на берегу реки Конды, при этом помогая рыбакам тащить из воды невод с нехитрым уловом.

* * *

По воспоминаниям оставшихся в живых спецпереселенцев и их детей, в далёком тридцать третьем двое молодых сильных мужчин решили уйти, преодолев многие десятки километров по глухой труднопроходимой незнакомой тайге и спуститься по Уральским горам в Свердловск (нынешний Екатеринбург). Заранее запасли продукты, ближе к осени – тёплую одежду, правда совсем тёплой её не назовёшь, но идти в ней было можно, тем более что зима может сразу в резкой морозной форме и не нагрянуть.

Осень наступила незаметно быстро: четвёртого сентября выпал снег по колена, но в течение суток растаял. Резкая позолота берёзового вперемешку с редкой осиной леса, с переливами зелени и оттенков бордового и желтовато-красных цветов заполнила всю округу.

Однако спецпереселенцев эта красота мало радовала: зима, по всем приметам, могла придти в одночасье, а ведь надо было побыстрее убирать посеянную весной рожь и пшеницу и выполнить доведённые до абсурда чиновниками сталинские планы по сбору зерновых на Севере, иначе будут наложены взыскания.

В октябре ударили ранние морозы, выпал снег, хрустящий под ногами. Для тренировки и возможности ориентироваться на местности заранее сделали длительный поход в лес, а потом вернулись. При этом один из бегле-

цов – Александр Окунев – отказался брать с собой семью из-за дальности перехода, решив что за ней он заедет по зимнику на лошадях.

По времени пора было трогаться в далёкий и опасный путь. Надо было выйти из посёлка незамеченными (двое из негласных осведомителей жили напротив их домов), поэтому тёмной безлунной ночью они двинулись в лес, держа за спиной пошитые от руки вещевые мешки с провизией, держась всё время на юг и слегка уклоняясь на запад. При расставании, находясь уже в лесу, мать крепко прижала к себе повзрослевшего сына Александра, и тот вместе с соседским парнем двинулся в путь. Через сутки надо было придти в комендатуру для отметки, поэтому необходимо было уйти как можно дальше: по самым скромным подсчётам, за первые сутки путники должны были продвинуться на расстояние не меньше пятидесяти километров.

К исходу первого, наиболее продуктивного по продвижению дня они вышли к небольшому островку среди довольно опасного болота, которое на местном языке манси называется святилищем. Идущий впереди соседский парень приблизился к нему намного ближе, не очень-то понимая, из-за снежных завалов, что он делает. И тут они увидели стёсанные бревна и домик, стоящий на пне спиленного дерева на высоте примерно двух метров, стены и крыша его были припорошены снегом. Путники с удивлением и любопытством разглядывали окружение из деревьев и строение, чистое место возле него: всё, что было сделано рядом, было предназначено для приношений духам. Осознание того, в какое место они пришли, наступило чуть позднее, и они, испуганно перекрестившись, повернули и пошли строго по своим следам обратно, вспоминая о том, что общение с духами, скорее всего, должно принадлежать довольно узкому кругу местных

жителей этого таёжного края. Они слышали где-то раньше о том, что для прохода к священному месту нужно было пройти обряд очищения.

* * *

Через пятьдесят лет лесорубы столкнулись с подобным местом в глухом лесу: туда вела старая полу заросшая тропинка. Долго ещё тогда курсировали из рук в руки медные деньги восемнадцатого и начала девятнадцатого века, что были найдены при распиловке в большом дупле дерева. Часть тех тяжёлых медных денег попала в музей, вот только в какие – сказать трудно, часть из бывших сокровищ осталась в частных руках. Больше лесозаготовители ничего не тронули и ушли, не рассказав о расположении этого места никому.

* * *

Путники же далёких тридцатых годов, пытаясь ничего не нарушить из того, что их окружало, вернулись через какое-то время по своим следам на уже пройденное, но безопасное место, опасаясь различного рода возможных ловушек, которых либо не оказалось на этом месте, либо они их просто не задели по счастливому стечению обстоятельств. «Все эти страхи – бабушкины сказки», – подумал Александр, и беглецы вновь взяли курс на юго-запад.

К вечеру следующего дня произошло несчастье: спутник Окунева сильно подвернул ногу и с трудом двигался, затем и вовсе отказался идти дальше, мотивируя тем, что он не уйдёт далеко в таком состоянии по этой незнакомой тайге. Не считаясь с возражениями Александра, отдохнув за ночь, он взял небольшое количество продуктов и, попрощавшись с напарником, повернул обратно с мыслями о том, что они вряд ли когда-нибудь увидят друг друга в этой жизни. Идти вперед было в три или четыре раза

дольше, чем возвратиться назад, а подвёрнутая нога давала о себе знать. Он был уверен в том, что когда заживёт нога и он наберётся сил и психологического равновесия, на следующий год сможет повторить то, что попытался с другом сделать сейчас. Двигаться вперед означало практически неминуемую смерть от голода и холода, так как быстро и на длительное расстояние он идти не мог и мог загубить себя и даже своего друга. При этом не было гарантии, что они не станут жертвами таких хищников, как матёрые волки, что шли за ними буквально по пятам, но ещё не успели наголодаться из-за отсутствия большого снежного покрова, но и парни довольно часто пересекали следы ищущих стаю на зиму волков.

Колючий, характерный только для этих мест, с шумом пронесившийся ветер пронизывал, кажется, всё, что мог. Нога была слишком тяжёлой для быстрого движения, но беглец упорно двигался в сторону дома – к поселению для спецпереселенцев. Длинное болото никак не могло закончиться, промёрзшая клюква лежала в большом количестве на кочках и была единственной пищей для продолжавшего двигаться к себе «домой» молодого человека.

Через сутки, уйдя на северо-запад и сбившись с пути, он набрел на охотничью избушку, что стояла в верховьях реки Леушинки. Растопив печурку, путник надолго уснул и проснулся от холода и голода. Он собрал оставленные сухари и напился вскипячённого чая, а затем медленно двинулся в сторону казавшегося ему уже родным дома, определив предварительно по закату направление движения. Ночью выяснило: небесный млечный путь светился тысячами звезд, возвещая о возможном наступлении сильного холода в ближайшие несколько дней и ночей.

Наутро сотни, а может быть и тысячи тетеревов то взлетали перед ним, то делали перелёты целыми стаями,

садились на лёд небольшого озера, и невозможно было понять, почему они всё это проделывали.

В действительности, парень-беглец даже не представлял, насколько этот мир большой и бескрайний, и ему в этом мире явно нашлось бы место жить по его желанию и стремлению, жить вместе с людьми, занимаясь тем, что он пожелает, воспитывать детей и радоваться жизни. Но всё это было далёкой сказкой, реальная жизнь была суровой и беспощадной.

Через трое суток он с большим трудом, ковыляя с палкой в руках, вернулся в дом, где его уже поджидали внештатные сотрудники НКВД из числа соседей-осведомителей, которые были сбиты с толку рассказами его родителей да прошедшим снегопадом, что занёс оставленные следы от побега из спецпоселения. Родители его уже не ждали здесь.

Седая мать с натруженными руками, что-то шепча и крестясь, подошла к привезённой с родных мест семейной иконе, прикрепленной в углу чуть выше человеческого роста и завешанной белым полотенцем, снова перекрестилась, подняв свои голубые с зелёными крапинками глаза перед образом с зажжённой свечой... Её сын остался жив, а это было самое главное.

Низкое жильё с лавками возле стен вместо стульев и табуреток... Деревянный длинный обеденный стол, стоявший в центре комнаты, быстро был уставлен варёной картошкой, паренками из запечённой моркови и чаем. Мать вновь подошла к семейной иконе и шепча перекрестилась. Все молча сели ужинать, только пришедшему сыну после перенесённого им голода много есть не разрешили.

Александр же, отличавшийся упорством, в одиночку, почти без продуктов, зайдя два или три раза в населённые пункты – отогревался, отдыхал, тайком подкармливался, – из последних сил продолжал свой путь, голодный,

в изорванной одежде. Через восемнадцать дней вышел к возвышавшимся на насыпи железнодорожным путям и двинулся на запад по протоптанной совсем недавно обходчиком дорожке. Вдали, надрываясь и выпуская столб чёрного дыма с паром в морозное синее небо, гудел паровоз, и стало ясно, что парню необходимо сесть на платформу рабочего поезда, что он и сделал.

Беглый путник собрал оставшиеся силы для резких силовых движений. Затем при приближении поезда под монотонный стук колёс рывком схватился за холодную ручку тамбура и, с силой оттолкнувшись от заснеженной земли возле полотна, поставил ногу на приставку у вагона, втянув себя на мостик тамбура, упал от потери сил на деревянный настил и перевернулся к морозному синему небу лицом. Он лежал так, невзирая на временами прорывающийся под изгибом состава ветер, закрыл глаза от усталости и новизны ощущений, и уснул, как будто куда-то провалился.

Проснулся он при подъезде к городу – к какому, он ещё не знал; усталость куда-то исчезла, осталось только мучительное ощущение голода и холода... Вновь сконцентрировав оставшиеся силы, путник спрыгнул под откос и шагал по направлению к огням видневшегося города.

Паровоз, словно прощаясь с путником, со свистом загудел и, сбавляя постепенно скорость, скрылся за поворотом, увозя за собой вагоны с грузом...

Примерно так рассказал об этом машинист паровоза при допросе в НКВД, сотрудники которого занимались задержанием бежавших из лагерей ссыльных и заключённых... Далее следы беглеца затерялись в многотысячном городе, где каждый представлял собой маленькую песчинку...

Это был, как рассказывали спецпереселенцы, далеко не единственный побег из мест трудового спецпоселения,

но многие, отважившиеся в своё время на это, погибли в пути от переохлаждения и голода, заснув в пути. Останки их тел долго растаскивали по округе дикие звери. Люди узнавали о случившихся трагедиях от штатных охотников на пушного зверя.

В конце зимы 1934 года, достав немного денег, Окунев купил на рынке двух лошадей и добротные сани, двинулся по зимнику на Север за своей семьёй. Дорога для него показалась намного ближе и короче. Для безопасности своего передвижения он купил ружьё с зарядами.

Тёмной ночью к дому, где жили Окуневы, подъехала санная упряжка из двух лошадей, застучали открывающиеся двери, затем было видно, что навстречу им вышла женщина и быстро провела приехавшего в дом...

Лай одинокой собаки насторожил и соседей: соседка Анастасии знала о том, что за семьёй должен приехать хозяин – об этом проговорился несмышлёный ребёнок других соседей, который непроизвольно стал свидетелем разговора между сыном Пелагеи и его мамой. Она быстро оделась и прошла к коменданту... Через два часа всё было готово для поимки беглеца; комендант даже захватил с собой штатного охотника Егора Балахнина; однако и Окунева предупредили обо всем. Бросив одежду, продукты и захватив ружьё, он выехал на знакомую дорогу в надежде, что там сможет расправиться с погоней.

«В живых они меня в любом случае не оставят», – подумал он.

Погоня настигла его на тавдинской дороге. Загнав в лес лошадей, Окунев начал отстреливаться, но силы были слишком неравными: штатный охотник – профессиональный стрелок – и вооружённый наганом комендант против одного неопытного стрелка. Окунев знал только, что патроны у него заряжены усиленными зарядами пороха, и он мог стрелять намного дальше, чем об

этом думали догоняющие. Со второго или третьего выстрела он смог подстрелить с дальнего расстояния Балахнина в правое плечо, однако раненый охотник продолжал отвлекать своими выстрелами внимание Окунева, а комендант, подкравшись с противоположной стороны, выпустил в него всю обойму. Руки беглеца дрогнули, в глазах сверкнула угасающая искра ещё молодой жизни, с кончиков губ медленно побежала алая кровь. Он клонясь повалился на окрашенный каплями крови снег, и ещё какое-то время судорожно подрагивали политые собственной кровью его натруженные от работы руки, умевшие жарко обнимать любимую жену и детей, ради которых он и пожертвовал собственной жизнью...

«Собаке – собачья смерть!», – прошипел комендант, ещё не веря в то, что случилось.

«Вот же сука! – воскликнул Балахнин. – Он же меня на всю жизнь калекой сделал».

Рука у него после попадания пули, выпущенной из ружья Окунева, онемела и болталась как плеть. Балахнин оторвал ткань от рубашки и попытался перетянуть кровоточащую рану, но это ему плохо удавалось, подошёл и помог комендант.

«Как же я буду заниматься промысловой охотой?», – Балахнин сел на валежину и замолчал...

Он действительно остался инвалидом на всю оставшуюся жизнь: правая его рука постоянно усыхала и под конец его жизни безжизненно висела плетью, пугая своим видом прохожих.

В доме Окуневых было затишье: все ждали приезда Александра. Пелагея, его жена, накинув полушалок на молодые красивые плечи, сохранившие женственную привлекательность несмотря на тяжёлый труд спещереселенца, тихо смотрела в окно. Неожиданно завыла хозяйская собака. Вздрогнув, женщина увидела через окно

мужской строгий взгляд её любимого мужа. Её женское сердце почувствовало что-то страшное... Она незамедлительно вышла на крыльцо дома в то самое время, когда подъехали конные сани. С них свисали на снег окровавленные руки её Александра. Она бросилась к саням и забилась в истерике на груди мёртвого мужа, прикасаясь лицом и губами к любимым чертам лица уже остывшего тела...

Анастасия Окунева, мать убитого, не пережила смерть своего сына – умерла, как только по весне зацвели подснежники возле второго посёлка, что был возле «пашни», где её и похоронили. После этого и стали появляться в тёмные ночи лики женщины со вскинутыми вверх руками, пугающие людей... Лик этот был внешне похож на мать, потерявшую сына, как будто она искала и звала к себе своего единственного, родного, любимого сыночка...

Жена Окунева, Пелагея, была арестована по доносу в 1937 году, и о её судьбе больше ничего неизвестно...

Двое детей жили в посёлке самостоятельно: девочка пошла помогать учительнице нянчить маленького ребёнка, её брат Геннадий вырос в посёлке и жил в большом трёхквартирном доме вместе с детьми, которые потеряли родителей, работал в поле. Временами приходили живущие рядом женщины, помогали приготовить пищу, постирать бельё. Рос он суровым человеком, мало улыбался.

Весь его вид показывал гордую, свободную натуру – он полностью унаследовал характер и поведение отца. Кое-кто даже стал опасаться, что он может уже взрослым свести счёты за гибель отца и матери. У членов правления колхоза между собой всплывал такой вопрос... Уж слишком он был непокорный, и это пугало всех, кто был замешан в трагедии семьи Окуневых... В начале пятидесятых последний комендант трудового спецпоселения

Анатолий Бушмелев сумел добиться его досрочного освобождения... Об этом знали все, особенно подростки.

Июльским днем 1951 года он, одетый в серые брюки, вельветовую куртку, серую кепку, кирзовые сапоги и неся за спиной небольшой вещмешок, вышел из посёлка по маленькой дорожке в село Леуши для того, чтобы уехать по реке на пароходе «Храбрый». В летнее время это был единственный вид транспорта, на котором можно было куда-либо уехать вниз или вверх по реке Конде... Все провожали его прощальными взглядами и думали об одном: каково ему будет на свободе?.. Ведь он дальше одного километра от населённого пункта Лиственничный не был, не положено было. Ночь перед отъездом отпущенного на свободу молодого человека была малооблачной. Где-то на юго-западе полыхали в небе летние зарницы, предвестницы хорошего урожая зерновых.

«...Наверное, об этом знал его отец-хлебопашец, высланный (из-под Ирбита Свердловской области. – Авт.) практически на смерть», – размышлял сосед, уже давно привыкший и по своему привязавшийся по-отцовски к этому уже сложившемуся крепкому юноше. Они даже работали в одной бригаде на полях. Сосед ещё беспокоился о том, что на Севере осень традиционно была короткой, и затем быстро наступали холода, а у уехавшего парня тёплой одежды не было.

«Ой, неспроста его отпустили с мест ссылки, да так неожиданно, что времени на сборы практически не было: что-то задумали, и комендант здесь не был в стороне», – подумал мужчина.

«Как сложится его дальнейшая судьба – без родителей и чьей-либо поддержки, да ещё девчонка в посёлке убивается по нему?..», – вопрошали взрослые, непрестанно наблюдавшие за ним; бабы судачили об этом в магазине...

А он утром следующего дня шагнул в неизвестность, сильный и закалённый жизненными невзгодами, доживший до девятнадцати с половиной лет и не знавший, что такое свобода, материнская ласка и отцовская любовь, все годы после смерти родителей проживший на земле без благословения общества на его жизнь... Он действительно, как затаившийся зверь, припоминал всех, кто был прямо или косвенно связан со смертью его отца и матери. Многие поняли, что долго такое продолжаться не может, рано или поздно может произойти развязка с непредсказуемым финалом. Поэтому окружающее его общество при начинающем слабеть режиме, не желая связываться напрямую с молодым человеком и выделив немного денег для его отъезда, просто вытолкнуло его из этой обстановки в никуда – с возможно трагическим финалом для его жизни...

Даже выросшие в неволе, неприспособленные к жизни на свободе, сильные, крупные дикие звери в такой ситуации не выживали...

Прошёл он до кладбища, что находилось на полпути до села Леуши, подошёл к могильному холмику, поросшему низкой травой, где был похоронен его отец, нагнулся и медленно лёг на место упокоения... Минут через пятнадцать молча поднялся и, смахнув накатившуюся слезу, навсегда ушёл, оставив за спиной ещё не одну молодую отвергнутую судьбу обречённых во многом на медленную и малозаметную смерть, ушёл по колышущемуся под силой ветра, дующего с озера Туман, пшеничному полю из известного мира «несвободных жителей» посёлка Лиственничный...²⁶

²⁶ Частично записано со слов Ангелины Павловны Карфидовой (Черепановой) – дочери первого председателя колхоза – и Василия Евлампиевича Смирнова, п. Лиственничный Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 25.08.2007 г.

* * *

Осталась неизвестной на некоторое время судьба Николая Вепрева и его жены, которые летом 1935 года, посадив в короб для грибов и ягод трёхлетнего сынишку и взяв собой продукты, вышли в сторону деревни Сотник и на тавдинские болота, тянущиеся на несколько десятков километров, пошли на юго-запад в сторону Тавды... Через несколько лет прошёл слух, что семья всё-таки вышла на большую землю в Берёзовск – населённый пункт под Свердловском (ныне Екатеринбургом). Видимо, помогла недюжинная сила Николая: он, ещё когда работал на стройке, мог шутя одной рукой поднять угол сруба для дома и положить под него кепку зазевавшего строителя. Когда он уходил в июне 1935 года, то попросил передать возможным преследователям: «Если будут догонять, возьму и всех до одного головой в болото воткну вместо кольев, будут стоять вверх ногами...».

Однако погоня была организована практически в тот же день с участием Балахнина, коменданта и комсомольцев-активистов. Десять дней лежали беглецы, зарывшись в мох в последнем логоу перед населённым пунктом Междуреченским. Дважды подбирался Николай к преследователям во время ночлега и подслушивал разговоры тех, кто пытался идти по его следу. Лишь после того, как погоня была снята, беглецы двинулись дальше в путь. На третий день пути стали кончаться продукты: варили ранние грибы, ели прошлогоднюю клюкву, рассыпанную в изобилии на кочках. Только на тринадцатый день они вышли из тавдинских болот, худые и голодные, но не смирившиеся со своей судьбой ссыльных... Ослабевший от недоедания ребёнок уже не мог сидеть и потому лежал на дне большой пойбы, что применялась для переноски грибов и ягод из леса домой.

Через год Николай получил паспорт, устроившись на шахте, где постоянно принимали беглых и раскулаченных на нечеловечески тяжёлый труд шахтёра.

Его сын, Николай Николаевич Вепрев, который сидел в пойбе за плечами у бежавших родителей, проживает ныне в Екатеринбурге, ему уже под восемьдесят лет.²⁷

В 1932 году самых сильных мужчин мобилизовали на строительство Магнитки, и потянулись обозы спецпереселенцев в лютый мороз вдоль Уральских гор на юг – к местам их прежнего проживания, только теперь в бараках казарменного типа с ещё более сложными условиями жизни...

Во второй половине 1930-х годов по стране прокатилась волна арестов и судебных открытых заседаний, где были вынесены сотни смертных приговоров за организацию антисоветской деятельности... Чистки и расстрелы прошли и по кадровому составу НКВД.

Весна 1937-го наступила рано; и вместе с весенним паводком к пристани села Леуши пришёл пароход «Храбрый», с которого сошёл ответственный за все трудовые спецпоселения из районного центра Нахрачи (ныне посёлок Кондинское). Он молча шагал по главной улице Леушей с комендантом Лиственничного, в каждом движении представителя районной власти чувствовалась нервозность: на землю он бросал одну выкуренную папиросу за другой.

«Зачем же он приехал сюда за 300 километров от райцентра по воде?.. наверное, неспроста...», – продолжал размышлять комендант, принимавший участие в убийстве Окунева.

²⁷ Запись о побеге сделана А.Д. Вепревым по воспоминаниям биографии своих родственников, п. Междуреченский Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 25.08.2007 г.

Оба пришли к деревянному зданию Леушинского сельского совета, попросили всех удалиться... Приехавший из района представитель НКВД – слегка грузный мужчина, которому было за сорок лет – сел за стол председателя сельсовета... молча закурил папиросу «Казбек» и, выпуская кольцами табачный дым, прошипел: «Ты что, сукин сын, решил отсидеться?!». И, вытаращив злые зелёные глаза на коменданта Лиственничного, добавил: «Ты что, думаешь, до тебя это не докатится?! – и многозначительно указал на привезённую газету. – Да тебя же первым расстреляют за пособничество антисоветчикам, бежавшим из твоего спецпоселения. Сначала будут пытаться, ломать пальцы, безжалостно избивая... Из тебя всё выгнут... Ты этого хочешь?!».

«Не-е-е-т...», – заикаясь от животного страха, выдал из себя комендант.

«Вот и думай! Только знай, что среди арестованных должен быть этот самый, как его... тот самый оставшийся мужик из семьи Вепревых».

«Даниил Андреевич?»

«Вот, вот, он самый..., как в наказание за побег его «родненького» братца, чтоб его нелёгкая взяла! Я за эти побеги сам лично отчитывался. Другим не повадно будет. Да и нам отчитаться повторно надо. И поймут нас быстрее везде. Смотри у меня, если что не так будет, под расстрел мы можем пойти вместе... как пособники. Скажу тебе, уже был звонок от знакомого из Тюмени...», – выдал вновь прибывший.

«Но ведь это значит под расстрел отправлять людей-то... да ещё не всегда виновных», – с дрожью в голосе произнёс комендант: он боялся разъярённой толпы. И тут же трусливо выпалил: «Одно дело расправиться с Окуневым в одиночку, другое дело иметь дело со всем миром... На это вряд ли кто пойдёт из жителей».

«Ты чего разжалобился?! С чистыми ручками хочешь жизнь прожить, да чтобы жрать досыта... Мать твою... жалко стало, а себя ты пожалел... чёртов сын! – воскликнул ответственный за лагерь. – Надо подобрать одиноких спецпереселенцев, живущих на отшибе – тогда донос будет что надо», – приехавший встал и начал ходить по комнате...

15 сентября 1937 года последовали аресты среди спецпереселенцев с обвинением в попытке заговора и подготовке восстания: всего было арестовано двенадцать человек, тринадцатым гнали Алексея Спиридоновича... На следующий день жёны и дети столпились возле каталажки с холодной ямой, но их оттеснили активисты, вызванные комендантом из других посёлков, и участковый... На следующее утро под плач женщин и детей всех арестованных построили в колонну и в сопровождении конвоиров отправили в сторону Леушей, где их поджидал пароход «Храбрый», в трюмах которого была камера для пересыльных. Пароход ушёл в Остяко-Вогульск (23 октября 1940 года постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР окружному центру было дано новое название – Ханты-Мансийск. – *Авт.*), откуда заключённые были переправлены в Тюмень. 22 ноября 1937 года они были расстреляны возле стен Троице-Сергиевского монастыря...²⁸

К 1940 году, когда хозяйство, казалось, встало на ноги, стали выдавать хлеб на трудодни, высыпая его в стоящие перед каждым домом лари, овощи для заготовок на зиму вываливали прямо на землю...

Через год грянула война, и в 1942-м мобилизовали всех мужчин, которые могли носить оружие, и бросили в бой

²⁸ Запись о расстреле сделана по материалам ответа из прокуратуры Тюменской области Дмитрию Даниловичу Вепреву, п. Междуреченский Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа, 17.12.1991 г.

под Сталинград. Из этого лихолетья вернулись единицы...

В июле 1945-го начали возвращаться с фронта мужчины, награждённые орденами и медалями за боевые заслуги... На следующий день после их прибытия из посёлка вместе со своей семьёй сбежал кузнец, в своё время строчивший доносы на многих из них...

Через тридцать лет в лесу неподалёку от Лиственничного нашли труп пожилого мужчины с петлёй на шее, который в 30-е годы работал лесником. В посёлке прошёл слух о том, что это был тот человек, который оговорил своих односельчан в 1937 году...²⁹

* * *

Внук Спиридона Егоровича, постоянно сталкивавшийся по долгу своей работы с воспоминаниями свидетелей тех минувших дней, удивлялся пришедшей к нему из ниоткуда памяти времени: ведь это было полвека назад, но вспоминались даже рассказанные кем-то события о давно прожитых годах и продолжали наполнять его сознание. Они были весьма длинными и, казалось, бесконечными, как огромное озеро Туман, растянувшееся на девяносто километров в длину, противоречивыми и жестокими, как этот бушующий в непогоду водный великан. Временами воспоминания прокручивались в голове по нескольку раз в день и остановить их было почти невозможно: вспоминалось всё неожиданно и резко, какое-то событие всплывало так, будто оно происходило сию минуту, можно было ощутить привкус крови, которая когда-то сильно текла из носа после удара по голове, ощутить головокружение или безвыходность своего положения в детские годы. Пугали

²⁹ Запись сделана по воспоминаниям Д.Д. Вепрева, рассказанным его сыном А.Д. Вепревым, п. Междуреченский Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 25.08.2007 г.

ощущения взрослого, выдавшего виды человека, когда он почти реально ощущал холод, от которого в своё время чуть не умер ребёнок. Особые воспоминания остаются за перенесёнными ощущениями голода и поедания травы, одуванчиков, находившихся совсем рядом с лежащим на земле ребёнком. Пугала и вызывала сопротивление и желание жить прозвучавшая фраза проходящей со своим ребёнком женщины: «Сынок, не смотри на мальчика, он медленно умирает». От страшных воспоминаний пожилой мужчина «увидел» в воображении ситуацию, когда желание выжить и жить дальше вдавливало его в растущую траву на майской ещё не тёплой земле, а порывы холодного северного ветра с силой хлестали по траве и, шурша, пролетали выше спины мальчика.

Уничтожающий холодный и жёсткий взгляд матери, её слова: «Не умер сейчас, умрёшь в детском саду, нам ещё лучше». Ещё страшнее было выплывшее из ниоткуда ощущение расстрела.

Уйти от этих всплывающих, словно из неведомых глубин озера, воспоминаний было просто невозможно. С другой стороны, они позволяли связать воедино всю цепочку событий детства, разорванную столь длительной амнезией и потерей зрения.

Вспомнилась предыстория: 1978 год, когда сын-первенец старшей дочери Спиридона Егоровича Лукоянова впервые после полутора десятков лет отсутствия вновь появился в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного (тогда ещё национального) округа...

* * *

Больного, с большой и постоянно кровоточащей язвой желудка, привезла тогда его к себе родная мать с посеренным лицом. С женой у него, больного, жизнь не пошла: молодость не любит болезни. Неделю они сидели в

посёлке Междуреченском – не было вертолётов, а потом решили добираться своими силами до села Леуши – на огромном лесовозном «КраЗе»... Затем они начали спускаться с обрыва совсем не далеко от того места, где в 1950-м они возвращались с матерью, отцом и сестрой, когда шумел и бушевал Туман...

В голове его мелькнули мысли: «Возвращаюсь туда, откуда уже раз привозили». Он вдруг осознал, что у него, наверное, вечно будет стоять в ушах этот шум берёз и елей на берегу Тумана. И довольно чётко в сознании обозначились первые минуты выезда из зоны для спецпереселенцев.

* * *

Нехитрые семейные пожитки были сложены на старенький, выдавший виды водомёт, который в послеобеденном ослепительном солнце с урчанием тронулся от берега и понёс всех в этот бушующий, кипящими волнами мир водной стихии. Водный гигант будто прощался с мальчиком, выросшим в необычайно сложных ситуациях на его берегах.

Мальчуган стоял на самом краю борта водомёта, примерно так же, как стоял в возрасте трёх с половиной лет при побеге в посёлок Мульмья, только там мать не скрывала, что сын ей не нужен. Здесь же видимого недовольства не было. Тёмные волны предельной для озера высоты с белыми гребнями накатывались на небольшое судёнышко, болтали его из стороны в сторону, пытаясь перевернуть, но оно, цепляясь за кромки пенящихся водяных валов, держалось на поверхности выбрасываемой водной струёй и двигалось дальше. На берегу всё так же неистово шумели всё те же берёзы и ели, взывая бушующего водного гиганта к спокойствию. Он запомнил этот шум на всю оставшуюся жизнь... а водомёт уносил всех в неизвестную даль...

«Неужели, – с большой долей недоверия подумал мальчик, – за нами никто не будет гоняться и не будет возвращать обратно в первый посёлок – в зимнюю пору в лютый мороз». Неужели он больше не увидит жестокости жизни спецпоселения, когда могли избить подростка только за то, что он сорвал ещё зелёное яблоко, гонимый нехваткой витаминов... Он был очевидцем такого случая...

Что ждало всех впереди, представить было очень трудно. Оценивая небольшой жизненный опыт, накопленный в посёлке Мульмья после побега, ничего хорошего, очевидно, будущий ученик третьего класса не мог для себя вообразить: ведь его будут окружать незнакомые люди, а родители могут с ним сотворить всё, что задумают, и доказать после этого что-нибудь будет почти невозможно.

Расстояние в тридцать километров по извилистой реке водомёт, переполненный людьми и грузом, прошёл за шесть с лишним часов: помогло то, что на Конде не было такого сильного водяного вала, как на Тумане, а к вечеру наступил полный штиль. В такой тиши все прибыли под урчание мотора водомёта в посёлок Луговой, находившийся всего лишь в двадцати километрах от места отбывания ссылки. Выложили вещи на пристань, накрылись одеялами и марлей от комаров, и уснули.

Рано утром прошёл мощный по тем временам пароход «Храбрый», изрядно наचाдил, взял людей и груз и поплыл куда-то вниз по течению. Долго ещё над рекой стоял запах дыма.

Когда все поднялись, к вновь приехавшим стали подходить любопытные пассажиры с приехавшего парохода и спрашивать, откуда и куда держит путь семья и сколько дней ехала из Тюмени. Но все молчали, ни одним словом не выдавая себя, самое главное – из каких мест они были сюда.

В первые часы и дни после приезда из ссылки в посёлок Луговой солнце было таким горячим, что всё обжигало – даже внутри, в самой гортани чувствовался жар от невыносимо горячего воздуха, который казался таким сухим и всепроникающим, что от него не было возможности куда-нибудь скрыться, болела голова. Всем не понравилось путешествие по улицам рабочего посёлка: лошадь уныло, как в пустыне под невыносимой жарой и ослепляющими лучами солнца, везла груз, а дети вместе со взрослыми, ступая босыми ногами в жгучий песок или ставя их на спекшуюся, как камень, глину, брели по его улицам около часа, объезжая ещё не сформировавшиеся проезды... Начало сказываться неумение ориентироваться в сложном лабиринте непонятных улиц, которые виднелись с берега после прибытия, где вся семья провела ночь. Всё это пугало и настораживало детей.

Ребятишки весь день провели в ожидании приближения вечера, когда можно будет хоть немного отдохнуть от испепеляющей жары. Когда вещи поставили в небольшую квартиру в щитовом доме на четыре семьи, никто почему-то не говорил, что, например, туда-то идти нельзя – это было не совсем привычно. Оказалось, что со всеми «посторонними» разговаривать можно было без ограничений, вот только знакомых не было, да и длительность пребывания в запретной зоне сказывалась постоянно: люди были не очень-то общительными.

По всем улицам, на удивление мальчика, ходил, не оглядываясь и очевидно не опасаясь доносов за последние годы после смерти Сталина, населявший посёлок народ. Было непривычно видеть, как к концу рабочего дня приходил небольшой паровоз, привозивший с работы лесозаготовителей, до тысячи человек, – такого стечения рабочих он никогда не видел, а они шли и шли по вечерам от поезда домой к своим семьям, в стёганой рабочей одежде, как в трудовом спецпоселении при уборке урожая.

Десять лет, проведённых в ссылке в поселении в строгом, близком к лагерному, режиме, давали о себе знать на каждом шагу. Прежде всего – узость общения и привязанность к микроклимату. Ведь там они жили на пятачке – на площади около полутора километров – целых десять лет, и рядом было огромное прогретое озеро с очень сильными испарениями воды, поэтому воздух всегда был довольно влажным. Здесь же мучительно обжигали горячее солнце, сухой воздух и колючий песок. Даже за двадцать с небольшим километров от места заключения чувствовалось различие. Климат был другим: он с тяжестью ощущался теми, кто после десятков лет нахождения в спецпоселении вдруг неожиданно почувствовал себя свободным человеком, который никуда с детства не ездил, и для него многое было ново в ощущениях, в открывшейся возможности воспринимать мир.

Детские годы, проведённые в своё время в мире, заключённом в какие-то полтора километра с ограниченными в пространстве ощущениями запаха цветов и фруктовых деревьев, росших только в одном месте, сказывалось впоследствии всю оставшуюся жизнь, где бы этот человек ни был. Даже работая после окончания педагогического института на юге Тюменской области, он не смог перенести особенности совершенно другого климата – заболел бронхиальной астмой аллергического происхождения и вынужден был долго лечиться.

Однако по приезду в рабочий посёлок он мог воспринимать резко расширившийся мир без боязни того, что его вновь погонят по этапу в тридцатиградусный мороз без питания и в жалкой разорванной одежонке – вновь туда, где он уже был.

Для приехавших в посёлок детей было не совсем привычным видеть лес с соснами необычайной высоты, ощущать запах соснового бора, в котором они никогда не бывали, разве что при возвращении из побега их провозили

по низкорослому болотистому тёмному сосняку, который не очень-то и запомнился. Именно здесь возле посёлка впервые в своей жизни одиннадцатилетний школьник увидел, каким образом растут брусника и грибы.

Учительница, проводившая уроки в третьем классе, где учился приехавший мальчик, навела справки о том, откуда они приехали и почему так плохо одеты. Ученик был одет в тонкое чёрное трико, женские коричневые ботинки со шнурками, рубашку, серую телогрейку китайского образца и старую шапчонку... А ведь морозы стояли такие, что замерзали птицы на лету.

Когда все разошлись, она сказала ему, что они – ссыльные, и ей сейчас понятно, почему такие плохие знания по ряду предметов он имеет: «...За вами ведь никто не следил, помощи не оказывал...».

«У нас уроки шли в спаренном порядке для первого и третьего класса, а на следующий год – для второго и четвертого класса; учитель с нами работал только двадцать минут на каждом уроке, в классе было восемь учащихся. За день учитель тратил на все предметы для нас восемьдесят минут, на каждого ученика приходилось по десять минут, всё остальное мы пытались изучать самостоятельно. Я всегда ходил голодный в школе, потому что нам давали на обед кусочек чёрного хлеба и чёрный чай плиточный, без сахара...»

Учительница покачала головой, встала и быстро вышла из класса, больше она на эту тему не вела разговор с учеником, у которого была синева на щёках и под глазами, вдобавок ко всему он был полуслепым...

«Бедный и несчастный ребёнок, больной, да ещё и без любящей матери, которая о нём по-человечески ухаживала бы», – уносила с собой размышления уходящая из класса учительница начальных классов, никогда не видевшая в своей жизни ничего подобного.

* * *

Но сейчас, во время возвращения после окончания института и серьёзно больному, было просто не до этого воспоминания, тем более не было сил и желания выяснить причину того, почему же он в таком молодом возрасте так сильно заболел.

С озера Туман и речки Ах несло холодом и практически не чувствовалось, что днём было тепло. На другой стороне речушки, на мёрзлой, ещё не оттаявшей земле стоял такой же мощный «КрАЗ», готовый в любую минуту привести в посёлок Луговой – на место, где он жил до отъезда на учёбу в институт. Холодный сильный встречный ветер напоминал тот, что поднимал на озере большие с белыми гребнями волны. Ему это чётко вспоминалось: когда с детьми они играли на берегу, стоило зайти в воду, как волна накрывала с головой тёплой озёрной водой мелко-водья.

Дальше воспоминания не двигались, как будто память далёкого детства закрыла целую эпоху жестоких жизненных ситуаций, хотя на реальную память он никогда не жаловался, и даже многие завидовали ему в цепкости и быстроте воспроизводимой по памяти цепочке любых событий.

После столь длинного путешествия приехали в посёлок, где прошла вторая часть его детства и юность. Постоянные боли в области желудка не давали покоя, они как бы отвлекали молодого человека, заставляли забыть всё, что было вообще в жизни и хорошего, и плохого. Он пил все лекарства, что ему приносили, но лучше от этого не становилось.

Взрослый сын, как настоящий мужчина, держался стойко, сколько мог, ходил с братом на охоту, проходил по двадцать километров ежедневно, но болезнь не отступала, приступы повторялись ежедневно, и на уроках,

которые он вёл в школе, приходилось пить обезболивающие. Приступы повторялись каждую ночь, переставали действовать обезболивающие лекарства. Спасало то, что он ежедневно через силу ходил на охоту с братом, но даже после физического напряжения, без резких движений, боль нехотя отступала, полностью не сдаваясь.

Положение становилось критическим, и в конце мая 1978 года во время очередного болевого приступа ночью мать с сестрой отвели его в больницу. Он был в состоянии болевого шока, почти не отдавая отчёта своим действиям. Целый месяц интенсивного лечения крепко засевшей болезни, появившейся много лет тому назад после приезда из первого посёлка, не дал сколько-нибудь долгосрочных положительных результатов в лечении и его направили в Тюмень на операцию. После врачебного приёма в областной больнице его направили на плановую операцию, которая должна была пройти через неделю. Вводили сильные обезболивающие препараты, и от этого ему впервые за три месяца временно стало легче. Лишь красивые, в возрасте чуть более тридцати лет, женщины спрашивали о том, не выпивал ли он много в своей жизни, но получали категорический отрицательный ответ и с недоверчивым видом куда-то уходили.

Лежать приходилось много, накапливая силы, времени для воспоминаний было достаточно, и в вечернее время, когда все окружающие спали, в голове всплывали различные события, произошедшие с ним за минувшие годы. Различные в понимании того, что было ранее и сейчас, когда никто не знал, каким может быть исход операции, во многом ещё до конца не отработанной по специфике подготовки кадров для её проведения. И предчувствия его во многом подтвердились.

Память вечерами уносила его в далёкое и совсем близкое детство...

* * *

Почему-то часто вспоминалась реакция матери на его поездку в первый посёлок, когда после окончания шести классов он решился всё-таки спросить у родителей разрешения съездить в места, где прошло его детство. Мать, выслушав его, ничего против не сказала, дала деньги и попросила купить полуботинки, которые он собирался приобрести себе намного раньше.

Знал ли он, что именно эта поездка, возможно, будет одной из главных причин его хвори – язвенной болезни, так как именно после возвращения ему что-то подсыпали в пищу незаметно для всех. Эта поездка дала осложнения отношений как с матерью, так и с отцом. Однако он давно по-детски мечтал побывать там, где прошло его не совсем понятное детство с момента рождения и до десяти лет. Взяв деньги у матери и дав гарантии, что он через три дня приедет домой, он выехал на речном трамвайчике, что с шумом и не совсем быстро курсировал тогда между небольшими посёлками, расположенными вдоль реки Конды и её притоков. После пересадки в Междуреченском уже вечером он вышел на пристань в селе Леуши. В прохладной тиши дремлющего Тумана он шагал по главной улице Леушей первый раз в жизни, хотя можно было это сделать раньше, но украдкой: бывать здесь ему строго запрещалось практически весь период детства.

* * *

Лишь однажды в возрасте старше шести лет они детской гурьбой вошли в Леушинский сельский магазин... Тогда из числа покупателей вышла женщина-надзиратель, одетая во всё серое и неприветливое, и попыталась выдворить всех из магазина, а затем и из посёлка, пообещав по этому поводу разобраться с родителями. Мальчик долго не соглашался, мотивируя это тем, что он не заключённый и его не осуждали на судебном процессе.

«Я не осуждённый, меня не судили, я всё равно сбегу отсюда, вот только подрасту, и вы меня всё равно здесь не увидите», – очень громко, по-детски выкрикнул он.

И все, кто стоял в магазине, в гробовой тишине слушали правдивые слова мальчишки.

«Устами ребёнка глаголет истина», – прошептала женщина, что стояла у входа, и, тяжело вздохнув, вышла на улицу.

Однако, внимательно взглядываясь в лицо надзирателя, он понял, что с ней бесполезно о чём-то разговаривать: за все страдания детей она получала от государства повышенную заработную плату и дополнительное вознаграждение по льготам. Надзиратель схватила мальчика за руку и силой вытолкнула его на улицу, где принялась громко ругать: «Ты что задумал, сопля зелёная?! Вот я матери скажу да ещё спрошу у неё насчёт побега, всыплет она тебе по первое число, будешь знать тогда, как вести себя надо!». Следом за мальчиком она заставила выйти из здания сельского магазина его сестру и провела с ней подобный разговор...

После этого через несколько дней вновь была короткая, но многозначительная беседа надзирателя с родителями. После её ухода из дома осуждённых состоялся разговор родителей с сыном, которые к великому его удивлению поддержали позицию мальчика. Надзиратель поняла ситуацию в семье, ушла очень недовольная и пообещала разобраться с помощью районного начальства.

Однако эпоху сталинизма настигал исторически обусловленный финал, и на всех уровнях руководства оставшейся частью специальных поселении для спецпереселенцев наступило затишье: каждый, кто работал на этом уровне, впервые за всю свою жизнь подумал о своей судьбе после надвигающихся перемен... и о судьбе своих детей.

* * *

Проходя по улице Леушей, подросток осматривал её первый раз за весь период своей четырнадцатилетней жизни, хотя жил почти одиннадцать лет в нескольких километрах отсюда, но ему, по действующим законам о спецпоселении, ходить сюда запрещалось. Улица была очень длинная, и он шёл по ней, видя, как люди заготавливают дрова, чинят крыши, возвращаются с полными корзинами набранных грибов, которые он так и не пробовал, живя здесь. Так, не очень-то торопясь, мальчик вышел на маленькую дорожку на окраине Леушей, которая пролегла по самой кромке обрыва берега у озера Туман, и дальше кустовой линии вдоль дороги возле Леушей, где им запрещалось ходить. Казалось, всё здесь было знакомо – каждый бугорок, каждая травинка, что росла на обочине, шумели действительно очень знакомые осины и берёзы, и покачивались вечнозелёные ели.

Пройдя до окраины посёлка, он долго смотрел на дом, выстроенный в начале тридцатых годов их дедом Спиридоном Егоровичем, где жила до конца своей жизни их бабушка Ульяна Петровна. В этом доме они жили всей семьёй много лет тому назад, именно здесь их выстраивали шеренгой для пересчёта в далёких пятьдесят пятом и пятьдесят шестом, как выстраивают для переклички осуждённых в общем лагере. Он помнил, как все этому сопротивлялись: мать убеждала нового надзирателя не делать этого – ведь в любом случае всё это когда-нибудь закончится... Однако молодая женщина-надзиратель работала согласно проведённому инструктажу и требованиям. В следующий четверг семья вновь стояла, выстроившись в шеренгу, когда мимо, пересчитав всех присутствующих, прошла высокая, молоденькая, показавшаяся ужасно злой, только начинающая работать в этой должности надзиратель.

Шестикласснику так захотелось поулыбаться, порадоваться тому, что он после многих лет смог вновь увидеть красоты природы, а самое главное – Туман и услышать его шум, почувствовать внутреннюю жизнь этого водного гиганта. Он пришёл на окраину – именно там жил его друг детства, с которым ему так хотелось встретиться. Вечером появилась мать того знакомого мальчика и стала убеждать, чтобы он пошёл и заночевал у той женщины, которая ещё в его младенческие годы хотела усыновить его и носила домой, но её муж запретил это делать. Он действительно пришёл к ней, помог починить уже одинокой и быстро стареющей женщине забор, крыльцо и многое другое, однако ночевать не стал. Ему было как-то неловко увидеть ту самую комнату, в которую его приносили, как на торговую площадь для продажи: купят или нет, усыновят или бросят его, как это уже сделали родители... и в конечном решении бросили его на произвол судьбы, на растерзание взбешённых родителей, которым он не нужен был. Комната и даже цвет краски так запомнились ему, что ему сразу стало не по себе, и вечером он ушёл ночевать к своему другу... И больше никогда ему не суждено было возвратиться сюда. Даже при запоздалой доброте этой женщины визит к ней едва не стоил жизни шестикласснику, побудив родителей к агрессивным действиям против него.

Вернувшись домой через день, он застал весьма неприветливую обстановку: в летней кухне, распустив свои длинные чёрные волнистые волосы, повернувшись спиной к нему, стояла родная мать и спросила жёстким, незнакомым для него голосом: «Как съездил? Видел ли ту женщину, которая хотела тебя забрать к себе и предлагала ли остаться там? Если она предлагала остаться, то ты зря этого не сделал. Смотри, как бы тебе об этом не пришлось пожалеть».

«Был у этой женщины, но ночевать не остался. И вообще, я очень хочу на рыбалку», – ответил подросток и стал собирать рыболовные принадлежности.

Паренёк просто отмахнулся от всего сказанного, попросту по-детски не заострил на этом своё внимание, а чтобы как-то сгладить не очень приятные сомнения, вечером собрался и уехал на греблях на рыбалку с ночёвкой. Собирался долго, размышляя о том, что же брать с собой, а главное – куда же ему всё-таки направиться: на рыбалку или же спуститься на тридцать километров вниз по течению и устроиться жить у той женщины. Он даже начал подумывать попроситься в детский дом, который был в своё время построен в селе Леуши. Однако при возвращении в посёлок Луговой он специально подошёл к леушинскому детскому дому полюбопытствовать, как живут там брошенные судьбой дети. Времени до отправления речного трамвайчика было достаточно, и он решил подождать. Дождлся, когда начнётся обеденный перерыв и посмотрел, как дети, оставшиеся на лето в этом учреждении, строем пошли в столовую.

«Нет, в такую армию я не пойду», – уже по юношески, резко развернувшись, сказал себе подросток и быстро зашагал к пристани.

Верх всё-таки взяло мнение, что в родном доме несмотря ни на что намного лучше, тем более инстинктивно он что-то вспоминал уже прожитое и напоминавшее детский дом. Да и прожил же он в своей жизни более худшие времена, остался жив, и сейчас будет то же самое – ведь он уже не такой маленький, каким был тогда.

Плывя по реке, он остановился у впадения Касымьи в Конду и несколько минут сидел в лодке на сильном течении, долго не двигаясь, размышляя, что же делать дальше.

«Остаться здесь – могут убить... Уехать в леушинский детский дом – от стыда родители могут убрать...»

Затем принял решение остаться при условии усиления собственной физической подготовки. Быть в детдоме для него, с большим туманом в памяти, ассоциировалось с тем, что он перенёс под новый 1951 год, когда его бросили на пять голодных и холодных дней одного в детсаде, а ему было всего-то один год и два месяца.

После приезда с удачной рыбалки подросток действительно начал усиливать свою физическую подготовку специальными занятиями и боксом, выполняя соответствующие упражнения с набитым опилками мешком, отрабатывая скорость атаки. Получалось это хорошо, и с каждым днём он становился всё сильнее и ловчее.

Однажды родной отец в одной из критических ситуаций ринулся на него с кулаками, но получил отпор. Всё прошло как в настоящем бою: увидев перед собой громадной величины кулаки, подросток сделал обманное движение, но отец опасно приблизился к нему, не оставляя места для маневрирования и прижимая собственного сына к стене для очевидной и надуманной расправы по настоянию матери; сын понял, что он может остаться инвалидом, потеряв до конца своё зрение от планируемых ударов со стороны отца, – он присел и с силой нанёс удар ниже пояса... На этом бой закончился: от неожиданного отпора отец завалился на пол и побледнел, потеряв на минуту способность делать вдохи, а придя в себя, словесно «поблагодарил» тринадцатилетнего сына за нанесённый упреждающий удар. Подросток действительно был поставлен в безвыходное положение, в котором самооборона была просто необходима, он также понял, что будет изменена и тактика его возможного уничтожения.

Через день, когда он возвращался домой, подошла сестра и попросила открыть дверь в дом, так как отец закрыл-

ся на крючок. Когда парень отпер дверь, то увидел, что в коридоре стоит металлический ломик. Он понял, что если отец его увидит, самооборона уже не поможет – удар может быть нанесён молниеносно, выжить в такой ситуации будет просто невозможно. Он подошёл очень тихо, взял ломик, так же тихо вышел и выбросил планируемое орудие убийства в огород – там его в зарослях картофеля в ближайшее время вряд ли кто-нибудь найдёт... Тихо зашёл в дом, налил в тарелку суп и специально сделал движение, чтобы его было слышно.

Показался отец, если его было можно так назвать, в разъярённом виде, заглянул в сени, где он заранее поставил железный ломик, но ничего не смог найти. В это же самое время вошла мать: у подростка сложилось впечатление, что она знала всё и где-то рядом дожидалась результата возможного убийства, но каким же образом мать нажала на родного отца?.. Да и появилась она скорее всего для проверки того, что произошло в доме за считанные минуты пребывания в нем её сына. Далее шёл не совсем понятный разговор между горе-родителями, из которого можно было понять, что мать успокаивала плачущего, как ребёнка, отца, уставшего сопротивляться всему, что происходит вокруг него, намекая на будущую возможность сотворить обещанное.

Однако многое, как показала практика, не пригодилось, методы воздействия на него заметно изменились и стали ещё более изощрёнными, и чисто женскими: какие-то странные капли вдруг стали необходимы для улучшения его здоровья, после приёма которых он через месяц попал в больницу с болями в области желудка. Когда привели в больницу, долго не могли понять, что же происходило с подростком, а потом сделали промывание желудка, и изо рта обильно пошла белая пена. Из-за слабости медицинского контроля экспертиза на отравление

не проводилась, но ведь никто и не мог себе представить, что кто-то из родных попытается это сделать... Врач дал рекомендацию родителям регулярно соблюдать время приёма пищи и диету, и на этом всё ограничилось. Диету никто не соблюдал, да и не собирались что-то готовить отдельно, мать стала как-то обходить сына стороной, опуская голову или делая вид, что она его не замечает.

Через несколько лет парень с некоторыми трудностями поступил в институт: при довольно высоком конкурсе на историческое отделение необходимо было не только ответить на «отлично», но и скрыть от приёмной комиссии, что он почти слепой. С большим трудом ему удалось это сделать, а вот затем приходилось учиться с большими сложностями, перечитывая с большими глазами сотни и тысячи страниц.

После окончания второго курса института студент отправился на каникулярное время домой, где отец спровоцировал семейный конфликт, в результате чего на третьем курсе сын, не получая стипендию, полгода жил на девяносто рублей. Поступить на работу не представлялось возможным, хотя подворачивалась временная работа и за неё платили по тем временам хорошо, но денег всё равно катастрофически не хватало. Зимой одеться было не во что, даже шапки и шарфика не было, полуразвалившиеся полуботинки на ногах почти не имели подошвы – вместо неё была стопа. Стремясь как-то скоротать голодное время, он несколько раз ездил к родственникам в Талицу Свердловской области.

В один из субботних дней, проходя по перрону, увидел в вагонах детей из Вьетнама, махавшим руками всем, кто подходил поближе к вагону. В его мысли проник вопрос: почему государство так хорошо знает о проблемах жизни детей другой страны, но не своих, и почему на Западе желающие получить образование могли получить от государства кредит, а на Востоке это невозможно?

Вечером завьюжило и по городским улицам Тюмени понесло клочьями снег, который смешивался с падающими сверху мелкими жёсткими снежинками. Всё это кружило и кружило, как в нескончаемом ритме вальса, который он так любил танцевать красиво и ровно, с большим размахом дворянских обычаев, да так, что танцующим уступали место, с любопытством и интересом вглядываясь в танцующую пару.

Он стоял на улице полураздетый, без шапки, перебирая от холода ногами. Холодный ветер с завыванием, как будто выныривая из глубины сознания молодого человека, возвращал его на берег далёкого Тумана, с необузданной и знакомой силой трепал слегка седые у висков волосы, и ему представлялось, что он где-то в далёком детстве лежит голодный в холодной комнате. Вот только правда ли это была, он твёрдо сказать не мог и... протягивал руку, прося из последних сил у прохожих подаяние. Где-то далеко-далеко звучала почему-то приятная музыка и знакомые слова песни из кинофильма «Генералы песчаных карьеров».

«Хватит ли сил ухаживать с юношеским задором за девушкой своей мечты, – подумал он, – да и она что-то особого желания с самого начала для этого не проявляла», – как бы автоматически, последовало уточнение в его размышлениях. Ведь и по учёбе, скорее всего, в ближайшее время могут возникнуть проблемы при такой-то жизни. В сложившейся ситуации винить было некого, да и незачем.

Жизнь на пятнадцать копеек в день напоминала голодное изматывающее детство в ссылке на далёкой Конде. Он уже знал, что мать девушки съездила в Междуреченский, в восемнадцать километрах от Лугового, где жили его родители, и наверняка узнала слишком многое о его семье.

«Перспектив на будущее, – подумал он с определённой долей горечи, – остаётся не слишком много, да и для юношеского задора сил практически нет из-за плохого питания месяцами и ощущения полного одиночества в этом мире...»

Последний раз он ел сутки назад в железнодорожной столовой – то, что осталось на столах. На переданную просьбу к матери выслать денег и подтверждённую телеграммой ответ передала однокурсница, учившаяся с ним на историко-филологическом факультете: «Они просто не знали, что их не было у тебя».

Юноша остался в очередной раз не правым в её глазах: «Все поверили, но только не мне», – подумал он.

Просто мать могла и умела показаться очень умной и практичной женщиной, и спорить с ней без свидетелей, на расстоянии не имело смысла, она всегда могла найти выход из положения не за свой счёт. Жизнь её обучила всегда выкручиваться из любой ситуации. Даже когда юноша в каникулярное время зашёл в поселковое почтовое отделение и спросил о том, вручали ли они телеграммы с призывом о помощи ему, они ответили однозначно: мать была знакома с их содержанием.

Но когда вопрос стоял о сложной ситуации в жизни её дочери, просто показавшейся матери, она невзирая ни на кого и ни на что выехала в Краснодарский край, где дочь в это время проживала.

«Какое безразличие к моей судьбе...», – подумал он.

На работе, что подворачивалась вечерами, тяжести поднимать было противопоказано из-за прогрессирующего заболевания глаз, непонятно для него при каких условиях и в какое время появившегося. При одном упоминании среди родных о болезни все только отворачивались, не говоря ни слова. В таком положении заработать достаточно средств не представлялось возможным. Через

три месяца боли в желудке усилились, а по ночам они стали невыносимо резкими, примерно такими, какими они были в подростковом возрасте, когда он обращался в поликлинику и ему делали промывание.

Через несколько дней вызванная студентами старших курсов бригада скорой медицинской помощи после тщательного осмотра и расспросов поставила предварительный диагноз девятнадцатилетнему молодому человеку – язвенная болезнь в стадии обострения и крайнего истощения, осложнённая нервным перенапряжением.

На этом вспышки воспоминаний надолго прервались, а впереди его ожидала длительная борьба за жизнь, но без операции эта жизнь была просто невыносимой. Давила на психику ситуация постоянного контроля над состоянием здоровья, когда необходимо было глотать «кишку» (*гибкую трубку для исследования желудка – эндоскоп. – Авт.*) и проходить рентген, и ему казалось, что так будет продолжаться всю его жизнь.

Через неделю пребывания на кровати в областной больнице его отвезли в операционную, предварительно поставив укол – дали наркоз... Проснулся он после операции довольно быстро, но потом начались неприятности: его стало рвать большими сгустками крови из-за начавшегося внутреннего кровотечения, и его повезли на повторную операцию. Прошили заново стенки желудка, и, казалось, всё успокоилось, но это было только внешне.

К вечеру всё происходящее в природе за окном четвёртого этажа казалось каким-то невероятным и почему-то не совсем земным – в небе господствовала гроза: раскаты грома были настолько сильными, что временами казалось – вот-вот обвалится крыша здания; молнии бесконечно пронзали тёмное, закрытое тучами небо так, будто всё это было в каком-то другом, не распознанном мире ожесточённой борьбы с противоречивым и сильным

злом. Словно шёл процесс очищения от злой и несправедливой жизненной ситуации, шёл, как ему показалось, настолько сильно, под гром и молнии, что больной это почувствовал на себе. И одновременно с этим долго ещё в его голове звучала отрывками музыка, которую он не так часто слышал, да и не придавал особого значения ей в осознанные годы своей жизни: седьмая симфония Шостаковича, лунная соната Бетховена... А ведь он не был музыкантом. Вскоре многое из услышанных им музыкальных произведений куда-то медленно провалилось и стало забываться.

* * *

В школьные годы он делал попытку играть на духовых инструментах, но на этом всё и закончилось. Из какой кладовой память вынимала на поверхность целые пластины ранее закрытой музыкальной информации, он сказать не мог. Лишь по прошествии многих лет и восстановления памяти детства он понял, что многое из услышанного им, когда он находился в полусознательном состоянии, связано с периодом раннего детства. Именно тогда, брошенный матерью и воспитателями в детском саду в воскресные дни, лёжа в детской кроватке, он слушал часами музыку, которая лилась нескончаемым потоком из радиоприёмника... И в более поздний период – в зимние холодные дни, сидя в одиночестве у приёмника, когда выйти на улицу было нельзя из-за отсутствия тёплой одежды. Тогда ему очень нравились скрипка, виолончель, рояль, которых он не видел до пятнадцати лет... Причём игра на скрипке, довольно часто по настроению, ассоциировалась в его памяти с плачем матери по безвременно погибшему малолетнему сыну.

Многое забылось со временем: мозг, словно по заложенной природой программе, в своё время отключил всю

детскую память о жестоком отношении к нему, оставив одно желание – во что бы то ни стало выжить и попытаться предугадать очередной виток возможных действий против него со стороны самых близких к нему людей, выросших в страшном мире насилия и отсутствия человеческой радости жизни.

Возможно, с годами, при наличии условий, эту склонность к музыке можно было бы развить, но оставаться ради этого дома лишнюю минуту в присутствии родителей не имело смысла. После еженедельных плановых проверок, проводимых несколько дней надзирателями, ситуация была не лучше той, что оставляли в своих действиях родители по отношению к нему, поэтому мальчик убегал из дома, либо незаметно, создавая видимость его присутствия в доме, исчезал для того, чтобы лишний раз, что называется, не попадаться на глаза взрослым с нечеловеческим отношением к нему.

Никого в посёлке не было из грамотных музыкантов, кроме тех, кто пытался играть на посиделках да на различных деревенских мероприятиях, заканчивавшихся обычно пьянками и драками. Учиться музыке, глядя на всё это, просто не хотелось, да и не было подходящего музыкального инструмента. Отец постоянно обещал достать или купить его, очевидно, не смог сделать или просто не захотел выполнить обещанное, ведь при этом он часто ссылался на то, что сын у него плохо видит и ему будет очень трудно жить. Мать однажды увидела, каким образом родной сын с повреждёнными глазами что-то пытался записать в тетрадке, учась в первом классе во второй четверти: столбики, написанные им, ехали в стороны, причём смещения были достаточно большими. Встретив вечером отца после работы, высказала ему пожелание: «Его нужно убрать и чем скорее, тем лучше – меньше будет воспоминаний, переживём раз и навсегда».

Чтобы как-то снизить накал страстей вокруг него, ребёнок в отсутствие родителей пытался пилить дрова пилой, которая требовала больших усилий. Он точно знал, что отец не любит этого делать, а его мать вообще более чем полведра воды не носила в руках. Родителям это очень понравилось, тем более что зима на Севере длинная и работы по заготовке дров было весьма много.

Разговоры о музыке велись, когда отец частенько был выпивший, но как только всё это проходило, никто ни о каких музыкальных инструментах вспоминать не хотел. А вот пожелания матери, очевидно, оставляли каждый раз свой след в том, что собирался сделать отец... Впервые осознанно молодой человек смог это почувствовать на себе в возрасте четырнадцати лет, когда они перед открытием охоты пошли проводить пристрелку ружья.

Перед уходом мать как бы с упрёком сказала отцу: «Ты не сможешь это сделать».

«Посмотрим», – возразил отец.

Они долго шли по узкоколейке и вдоль насыпи... Осталось какое-то подозрение, которое подросток стремился развеять весёлыми рассказами. На третьем километре подошли к автодороге, ведущей в сторону от «железки», повернули на неё, и, пройдя метров пятьсот, увидели с правой стороны три сосны, выделяющиеся своей высотой среди других. Эти сосны было видно издалека, и молодой сосняк для обозрения не был помехой. Поставили на одной из сосен метку на срезе для добычи живицы и, отмерив положенные метры, отошли в сторону.

Отец дал возможность сыну выстрелить в ствол оставшейся после вырубki красивой сосны и пойти проверить на мишени кучность боя. Зрение к этому времени постепенно частично восстанавливалось, и юноша без особого труда нашёл место попадания дроби. Как только парень нагнулся к месту попадания в цель, ветер донёс до него

щёлканье затвора и взвод курков: он резко повернулся, но наведённого на него ствола уже не было. Ситуация уж очень походила на какие-то минуты в далёком детстве, но сами воспоминания куда-то исчезли, растворившись во времени и пространстве.

В воздухе витала смертельно нависшая опасность, и, чтобы как-то её разрядить, юноша, резко повернувшись, стремительно подошёл к отцу, не дав тому возможности отреагировать на быстроту движений, и уже не юношески улыбаясь, перевёл разговор на тему кучности попадания дробию в мишень, а затем взял ружьё в свои руки. Отец же в отмеченную мишень стрелять не стал, и парень догадался – в стволе была пуля, либо картечь, или крупная дробь. После этого отец взял обратно ружьё, разрядил его. По спине у парня пробежал холодок: он понял, что его поездка к другу в первый посёлок может со временем сыграть роковую шутку – родители чего-то серьёзно опасаются. В душе стало беспокойно, и он решил жить своей жизнью, больше ни к кому из знакомых из первого посёлка не ездить и по возможности просто обходить их стороной.

Пришли домой. Отец выглядел очень подавленным от сопротивления чему-то очень сильному и жестокому, как будто его какая-то внешняя сила вела и заставляла всё это делать помимо его воли. Он обессиленный присел на стоящий в летней кухне стул, словно желал восстановить силы, затраченные на внутреннюю нечеловеческую борьбу со злом, лоб его покрылся потом, глаза полузакрыты. Он долго сидел неподвижно, никуда не глядя...

Мать, недовольная поведением отца, блеснув своими немигающими глазами, которые не раз заставляли замолчать всех в семье в критической ситуации, махнула на него рукой, как будто это во многом уже повторялось, когда он никак не мог выполнить её поручение, произнесла: «Слабовольный ты!».

Отец же, повернувшись, сказал в ответ: «Парень уже слишком большой, мы опоздали, года через три будешь его женить, а ты говоришь о совсем другом, не связанном с жизнью...».

Именно после этого случая чай, который подавали к столу для всех, как заметил сын, проходил через женские руки. Через месяц он попал в больницу с сильными болями и явными признаками отравления, но на это никто не обратил внимания. Младший медицинский персонал сделал ему промывание желудка, из которого вышла на ружу белая пена, и все успокоились, кроме подростка, который всё стал делать самостоятельно и усилил наблюдение. Чаще стал уходить на охоту или на рыбную ловлю, где всё готовил сам, даже продукты заменял перед тем как уйти. Однако после промывания желудка стали появляться периодически усиливающиеся боли.

В девятом классе, уже зимой, он стал замечать необычайную собственную активность, силу в прыжках в высоту за мячом при игре в баскетбол, что вызывало удивление не только у него самого, но и окружающих. Вот только сердце билось с такой скоростью, что, казалось, могло выскочить из грудной клетки, и в груди что-то сильно давило. Так продолжалось около недели, затем всё затихло. Однако по ночам он долго не мог уснуть: сердце слишком медленно выходило из возбуждённого состояния. В голове вновь промелькнула мысль: очевидно, что-то вновь добавили, но совершенно другой препарат, вызывающий иные симптомы, чтобы не вызвать подозрения у медицинских работников в случае обращения в больницу. Однако сердце выдержало, молодой организм выстоял. После очередной зимней пробежки на лыжах на дистанцию три километра подросток вернулся в дом, что называется налегке, у самого крыльца стояла родная мать

и пристально глядела на него, словно спрашивая о том, сколько же ему необходимо яду, чтобы его здесь не было, но юноша стоял, улыбался и совершенно не обращал внимания на её взгляд, хотя в глубине души информация об этом отложились и как бы перерабатывалась.

«Может быть, уйти сейчас?», – подумал подросток и тут же дал себе ответ: «Нужно закончить школу, тем более что мне нравится история, а потом ещё и отучиться в институте... Интересно, как прореагируют родители на моё решение?..»

Верх опять же взяла лагерная установка: пережил сегодня проблемы – переживёшь всё, что будет сделано против тебя и на следующий день, – это была позиция тягловой лошади, прививавшаяся с детства...

В последние месяцы учебы в выпускном классе точка зрения ухода в общежитие и устройства на работу в лесозаготовительное хозяйство сразу после окончания школы была доминирующей, но всё изменилось, когда он вдруг сам решил поступать в институт. Родители узнав об этом, не очень-то поверили в такую возможность из-за его слабого зрения и недостаточной подготовки. Все знали о том, что конкурсы в высшие учебные заведения в те годы были весьма высокими и поступить было очень престижно – как для выпускника школы, так и для семьи.

* * *

Примерно к пяти часам утра, когда затихла гроза и в небе наступило спокойствие, больному в реанимации стало заметно хуже: подскочила температура, куда-то уплывало сознание – у юноши назревал перитонит. Его тело горело так сильно, что он временами путал цвета: белый ему казался синим; а время пребывания в реанимации протекало для него непонятно и противоречиво: вместо одних суток ему чудилось, что прошло двое...

На третий или четвёртый день пребывания в реанимации пришёл парикмахер и по просьбе дежурного врача побрил больного. Юноша, лежавший на больничной кровати, взглянув из последних сил на парикмахера, слабым, теряющим силу голосом произнес: «Останусь жив – обязательно рассчитаюсь». Парикмахер пристально смотрел на молодого человека, лежащего с бледным с синеватыми оттенками лицом, и взгляд его был так наполнен сожалением, что больной, поняв, что с ним происходит, молча закрыл свои теряющие блеск молодые глаза и провалился в беспамятство.

Заглянул знакомый врач, Сергей Карлович, и спросил больного: «Как дела?». Ответ он услышал не сразу. Больной, силясь ответить, закрыл глаза, чтобы сохранить силы для произносимых слов, и промолвил: «Лучше всех». Врач улыбнулся, хотя и не искренне, однако оставил за собой право надеяться на лучшее.

Неделю молодой человек лежал, находясь как бы между небом и землёй. В минуты, когда приходило сознание, он приказывал себе жить и обязательно выжить. В конце недели наступил переломный час: стремительно начало падать давление, открылась рвота, ему было мучительно плохо, давила тяжесть во всем теле. Он чувствовал, как будто всё уходит из-под контроля: организм, перенёсший в жизни много сложных и напряжённых минут, был натренирован, но теперь начинал давать сбои.

Вокруг мужчины с есенинской шевелюрой было много врачей и медицинских сестёр – одни давали кислород, так как ему не хватало воздуха, другие делали попытку ввести сильнодействующее лекарство в вену. Затем больной резко потерял восприятие света и начал терять все ощущения, впадая в сон, который продолжался несколько часов, после чего ему стало намного легче.

Вечером к молодому человеку стали подходить молоденькие санитарки, практикантки – будущие медицин-

ские сёстры и врачи, очевидно, по просьбе Сергея Карловича, чтобы как-то поднять настроение красивому молодому человеку, которому неосторожные практиканты на вид давали уже более сорока лет, учитывая седеющие пряди красивых тёмно-русых волос, а затем, узнав, сколько лет больному, молча отодвигались в сторону, задумываясь о чём-то своём...

Через неделю подошла лаборантка областной больницы, присела на кровать и очень тихо сказала молодому человеку, что он скорее всего родился в рубашке после всего того, что с ним произошло...

«Если бы ты знал, какая РОЭ была у тебя, да с такими показателями за всю мою жизнь никто не выживал!»

Вечером реанимационную комнату завалили цветами и букетами роз, приносили их женщины, мужья которых находились в тяжелом состоянии после операции – такого количества роз он не видел за всю свою непродолжительную, но бурную и нечеловечески жестокую жизнь.

К нему в больницу так никто и не приехал. Возможно, он и пожить свои годы радостно и приветливо не успел, чтобы влюбить в себя молодую женщину. Всё как-то на этом фронте не получалось, да и времени между перерывами от болезни было не слишком много, а больных особенно никто не приветствовал. Сказывалось, возможно, и то, что за всё детство родная мать ни разу даже не погладила по головке своего отверженного ребёнка. Однако пришла ещё со студенческих лет знакомая уже в солидном возрасте женщина и привезла десяток куриных яиц, которые молодой человек распределил на десять дней.

Перед самой выпиской приехал отец и, пропьянствовав несколько дней у знакомых, забрал сына, который от истощения после операции не мог ходить даже на небольшие расстояния. Уехали в посёлок Луговой на последние деньги молодого человека, где ему и пришлось

восстанавливать силы, когда за ним впервые за всю осознанную жизнь делала попытку ухаживать родная мать. Сестра начала заглядывать к матери чаще обычного да поглядывать на брата, которого, вполне очевидно, и не могла представить увидеть живым после всех перипетий, о которых она всё знала. Однако в самом поведении не чувствовалась осознанность того, что было сделано в детстве с сыном и братом всеми недоброжелательными действиями. Лишь временами, в моменты ухаживания, возникало кажущееся ощущение, что они пытаются вызвать доброжелательность к себе со стороны сына, а самое главное – со стороны соседей и жителей посёлка, которые знали о ситуации только сегодняшнего дня и не знали того, что было совсем недавно, но по последствиям имело слишком большое значение в период выздоровления. Всё остальное было известно только участникам трагических дней теперь уже далёкого прошлого – и хорошо, что не все из них, по разным причинам, могли воспроизвести в своей памяти или связно рассказать об этом. Именно поэтому люди молчали, и молчание хоть и надолго сохраняло хрупкое равновесие.

Временами, когда у молодого человека появлялись спокойные от болезни часы и дни, что-то начинало прописываться в памяти, а затем вновь всё исчезало. После операции было мучительно трудно подниматься, не хватало сил, казалось, не было возможности жить и чувствовать красоту жизни.

Да и сосед, который приехал в гости к своей сестре и не всё знавший о голодном детстве молодого человека, как-то в пьяном виде напомнил о том, чего многие годы так добивались окружающие его близкие люди. Вечером, когда начало темнеть, сосед двинулся в сторону дома, куда после длительного перерыва вернулся больной и жаждавший жить молодой человек.

«Ты куда пошёл?», – спросила его жена.

«Добивать этого выскочку, его нам родители всегда в пример ставили, как выпускника школы, поднявшегося вот до такой высоты в своем положении, что многие ему начали завидовать! – воскликнул и показал в сторону сидящего на крыльце, рано начавшего сесть молодого человека. – Слишком он умным стал... вот видишь, что из этого получилось – высоко в жизни залезать не надо. Учёным стал, ха-ха... Родители прикидываются добренькими, ухаживают за ним, помогать лучше надо было, когда он учился в институте... Вот он и вернулся в наш круг общения, откуда сам вылез... Дальше он не пойдёт, всё равно не выживет... Да и родители в детстве его не баловали, всё стремились избавиться от него... со стороны-то оно виднее... Отец же бросал его в девятом классе на охоте весной. Наверное, думал о чём-то, когда так поступал... Так нет, всем наперекор выжил ведь... Мать-то его назавтра всем рассказывала о том, что сын так хочет жить, что по ледяной воде вышел, как будто хвалилась злыми приключениями, устроенными для её собственного сына, прикидывается глупенькой, хотя и образованная... Что он здесь в своей семье нашёл и что он в жизни своей, как нищий, искал? Вот и лишился своего здоровья. Авантюрист он, вот кто! Не было денег в семье, отец ленивым был, и нечего было лезть так высоко – сохранил бы здоровье, а сейчас вон он сидит, жалость всех вызывает, ха-ха... Жена его вон какая крутая оказалась, не склеилось у них что-то, да больной он ей ненужным стал... Видно, хана ему придёт скоро, жена ведь это чувствует намного раньше всех окружающих...»

Сосед, почёсывая руки, двинулся было в сторону больного... Жена повисла на его плечах, умоляя не идти туда, где при схватке может получиться всякое...

Подошла озабоченная мать молодого человека и удивлённо спросила: «Почему он тебя собрался добивать?».

«Не знаю точно – весь разговор не расслышал...», – ответил юноша.

На следующий день семья ретивого соседа уехала из посёлка.

Морозным днём рано наступившей осени молодой человек, глядя в окно, видел, как домашние птицы добивали своего больного сородича прямо в ограде их дома у самых окон...

В глазах больного, как будто пришедшая издалека, стояла кровавая картина расстрела Окунева. Среди краснеющего зелёного соснового зимнего леса как будто упала снежная масса с вершины сосны и окончательно унесла в этом падении юношеское романтическое воспитываемое годами и десятилетиями революционное восприятие мира. И чтобы не ощущать тонко и болезненно этот мир, отгородившись от его повседневной жестокости для собственного же спасения, необходимо было надеть на лицо маску и играть в окружении близких и знакомых свою заданную роль – и в то же время иметь свою точку зрения...

Ведь его родители, как бы сделав вызов окружающим в сталинском трудовом спецпоселении – по старой русской поговорке: «Умный поймёт, да не скажет...», – словно издеваясь над проверяющими, жившими в атеистическом мире, не знавшими религиозной культуры, поставили по углам вовсе не просторной квартиры большие, во весь рост, портреты своих «любимых вождей», как иконы, и проходили мимо, не смотря в их сторону... При этом по праздникам в парадном углу появлялись настоящие иконы, убранные белыми полотенцами, и стояли зажжённые свечки...

На местном уровне из средств народной медицины оперированному мог помочь только кондинский ёрш, поэтому ему приходилось постоянно тратить время на рыбную ловлю удочкой – с целью поймать небольшую по размерам рыбёшку, имеющую специфическое лечебное воздействие на желудочно-кишечный тракт. В перерывах между поездками на рыбалку можно было постепенно наращивать мышцы, занимаясь, насколько это было возможным, плаванием на самодельной калданке.

Так прошло первое полугодие; однако чем дальше летело время, тем сильнее становилось осознание сдерживающего ощущения места пребывания и культуры окружающего мира на приложение своих сил. Окружающий его мир словно чувствовал, что бывший больной по своим знаниям и способностям не должен быть здесь. Этот мир постепенно выталкивал его в другой, неизвестный мир жизненных приключений и оценки его интеллектуального уровня.

Через два года после реабилитации от перенесённой операции его взяли на работу в РК КПСС инструктором в отдел пропаганды и агитации. Довольно часто привлекали в качестве лектора по проблемам международного положения, что было достаточно модно в те дни. О себе рассказывать ему не очень-то хотелось, да и не разрешалось: стоило проговориться о своём хотя бы неполном детстве, как можно было потерять работу и все льготы, в том числе и лечебные. Приходилось молчать, зная, что было просто необходимо восстанавливать здоровье, отнятое той же партией при выполнении её указов фанатически настроенными полуграмотными людьми.

В 1981 году он приехал в посёлок Лиственничный в командировку от райкома партии и долго сидел на ступеньках крыльца закрытого на замок здания бывшего детского сада, требовавшего капитального ремонта. Был обычный жаркий июльский день, примерно такой же,

какой был в 1950 году во время поездки тогда ещё грудного ребёнка вместе с родителями в посёлок Луговой к родителям отца. Обхватив руками голову, сидел на ступеньках крыльца молодой человек, силился что-то вспомнить, подходил несколько раз к закрытым дверям, окнам и вновь отходил, что-то манило его внутрь помещения, но огромный замок преграждал путь внутрь здания.

Припоминалось детство с большим трудом и обрывочно – сказывалась эта не совсем понятная травма: нижняя часть левого глазного яблока уже три десятка лет была залита кровью и не поддавалась никакому лечению...

Молодой человек поднял взгляд: напротив стояла пожилая седая женщина с тросточкой в руках, работавшая в своё время заведующей детским садом, когда что-то произошло в его детстве, но что, он не мог себе даже представить, и все почему-то молчали. Мужчина вежливо поклонился и медленно пошёл вдоль улицы, с каждым шагом удаляясь от страшной неизвестности, которая давила в подсознании всю жизнь, особенно в молодости, когда он чувствовал, что он – красивый, молодой и сильный, а травмирован на один глаз, кудрявые и уже седоватые волосы на молодой голове словно говорили ему о внутренней противоречивости происшедших в детстве событий.

В райцентре – посёлке Кондинское Ханты-Мансийского автономного округа – он стал свидетелем разговора знакомой хозяйки частного дома о том, что он уж очень похож на того политически осуждённого вместе с родителями полузамёрзшего мальчика, которого привезли поздно вечером весной 1954 года в село Ворпавла, где хозяйка жила ранее, и куда привезли семью беглых ссыльных, она видела как сопровождающий приказал лечь спать всей семье осуждённых на голый пол, на который впоследствии всё-таки кое-что постелили.

Поздно вечером при встрече на улице хозяйка дома, испытующе глядя в глаза, спросила бывшего политического узника: «Наверное не очень-то хочешь того, чтобы об этом рассказывали, опасаясь, что с работы уволят».

«Да, и, наверное, это долго ещё будет продолжаться», – ответил тот самый молодой человек с рано поседевшими волосами.

* * *

За пятьдесят прошедших лет изменилось в жизни многое – как в стране, так и в Ханты-Мансийском округе. Повзрослел и успел постареть внук Спиридона Егоровича, о котором идёт речь в этом социально-историческом романе. Другие молодые люди уже в котором поколении живут в его окружении. Совсем не тот подход к жизни, другие интересы, иные взгляды на настоящее и прошлое страны и округа. Многое забыто, часть истории просто зарыта в землю, остальное закатано асфальтом...

В декабре 2003 года он почувствовал, что кровавое пятно в глазном яблоке стремительно сокращается, а затем оно и вовсе исчезло. Ему впервые за всю сознательную жизнь пришлось учиться видеть двумя глазами одновременно после пятидесятилетнего перерыва, хотя левый глаз стал частенько затекать кровью от напряжения.

Одновременно непроизвольно из небытия стала возвращаться секундными картинками глубинная, закрытая ранее, тяжёлая и даже страшная память детства. Постепенно становилось понятно, почему же столько лет он мучительно просыпался в холодном поту, а потом долго не мог уснуть. Иногда, особенно в вечернее время, мужчина даже жалел о том, что память детства, потерянная много десятилетий назад, к нему вернулась, но от неё деваться было просто некуда. Память так неожиданно давала о себе знать стремительно приходящими из ниот-

куда картинками жизненных ситуаций детства, что даже взрослого человека страшила своим нечеловеческими по жестокости воспоминаниями. Мужчина понял, что «исторический архив» его жизни заставил трогательно переживать содержательную суть этих периодов. Страшные события, попытки убийства как бы стёрлись, были вытеснены из памяти о детстве, что и помогло ему прожить эти детские годы без нервного срыва и возможных отрицательных психических последствий.

* * *

В возрасте тридцати двух лет он почему-то начал ощущать внутренний страх по ночам, просыпался с криком о помощи, примерно так, как это бывает у военнослужащих, прошедших службу в «горячих точках». Картинки воспоминаний детства постепенно то удалялись к пребыванию в яслях, то приближались к периоду начала школьных лет.

В попытке отвлечься от назойливых воспоминаний детства молодой человек стал общаться с природой. Привитая в тринадцать лет любовь к сбору дикоросов – после прожитых лет в трудовом спецпоселении – тянула в свободное время в лес. Хотя он впервые увидел грибы и ягоды в тринадцать лет, в двенадцать лет мальчик долго расспрашивал о видах рыб после своей первой свободной рыбалки, ведь для него закончились ограничения в жизни, как и для всей его семьи, но он этого не знал, так как в жизни спецпереселенца всё это категорически запрещалось.

Осенним днём в конце сентября, будучи в отпуске, он с приятелем направился на шлюпке по знакомым местам за брусникой. Стояла золотая осень, солнце не по-осеннему светило ярко и тепло. Жёлтое от осенних листьев золото тайги маняще тянуло каждого жителя таёжного края оставить все заботы по дому на субботу и воскресенье и

выехать в тайгу. Они проехали около сорока километров и остановились ночевать в Илькином бору, получившем такое название по причине курьёзного случая, произошедшего многие годы тому назад.

* * *

Тогда молодой секретарь партийной организации вёз на заседание бюро райкома партии кандидата в члены КПСС – молодую красивую женщину. После трудного однодневного перехода на тихоходной моторной лодке по речным заламам и завалам необходимо было заночевать. После длительной подготовки легли спать. Однако им не спалось, оба долго ворочались, и произошло то, чего, быть может, и не ожидал от себя молодой мужчина: долго и страстно ухаживал он за женщиной и мило пытался уговорить её пуститься в длительное любовное плаванье, но ничего не получилось... А по приезду в пункт назначения завели на него персональное дело, и получил он тогда строгий выговор по партийной линии.

Вот так и стали этот бор называть Илькиным, что был справа по течению горной речки Юконда. Односельчане ещё долго подтрунивали над страстным влечением молодого красивого мужчины к безответной молодой привлекательной девушке.

* * *

У самого берега догорал костёр, над ним висел котелок с варившейся рыбой, моторной лодки рядом не было. Место, где стояла палатка, было изрядно истоптано, как будто кто-то очень быстро собирался по какой-то причине; под обрывом виднелись следы человека, спрыгнувшего с высоты трех метров, – всё это настораживало.

Приехавшие выгрузили вещи, вытянули на берег лодку, подбросили в костёр валежник и пошли осматривать

местность, выясняя причины появления таких необычных следов людей на песчаном берегу. Метрах в ста пятидесяти от кромки воды картина прояснилась.

Очевидно, тот, кто прибыл на берег за брусникой, развёл костер и после этого прошёлся по ближайшему сосняку, согнал рябчиков. Успел выстрелить мелкой дробью по выводку рябчиков, а летевшая дробь охватила спавшего на сломанных сосновых стволах, как на постели, медведя. Затем, скорее всего, они увидели перепуганного и разъярённого большого чёрного медведя. После чего были, очевидно, и прыжки по обрывам с высоты трёх метров, и самый быстрый в мире спринтерский бег в северном исполнении до стоявшей на берегу моторной лодки.

Двое приехавших на сбор дикоросов молодых людей смело перезарядили свои одностволки самодельными литыми пулями, слегка разошлись друг от друга и побрели по звериной тропе вглубь леса, зная, что где-то недалеко за ними пристально наблюдает хитрый и воинственно настроенный зверь. Возвращаясь обратно по тропе на ночлег, путники заметили, что отпечатки медвежьих лап тринадцать раз пересекли их следы: постепенно петля из медвежьих следов, как удавка, сдавливала расстояние между ними и медведем. Оба поняли, что охота за ними началась и что хозяин тайги где-то совсем рядом. Посоветовавшись, они слегка увеличили расстояние между собой и двинулись дальше, держа наизготовку охотничьи ружья и ножи. Однако каждый понимал, что в случае нападения на них зверя всё это вряд ли сойдётся, так как это будет слишком быстро, почти молниеносно. Так в напряжении путники и добрались до своей лодки.

Ночь наступала быстро, и любителям сбора дикоросов ничего не оставалось делать, как остаться на ночлег. Но для этого приехавшие и вынужденные остаться здесь

молодые люди решили основательно подготовиться, чтобы можно было спать спокойно и не волноваться за свою жизнь. Развели большой костёр, поставили палатку, со всех сторон насыпали песка, пропитанного бензином. Поскольку берег был рядом, то палатку поставили к самому краю обрыва, вдобавок берег утыкали лезвиями использованных бритв, предварительно поломав их пополам – для большего количества, и легли спать.

Спали, очевидно, очень крепко; молодому человеку с есенинской шевелюрой привиделся сон, который мог прояснить смутные воспоминания. Ему приснился белый человек (возможно, именно он приходил к нему, когда они жили в большом доме в посёлке Лиственничном), который наклонился к нему: глаза его были зелёными, а тело напоминало белую вату. Но потом ему приснилось, что на него было направлено двуствольное ружье с нарезанными отверстиями на окончании стволов. Кто это сделал, он не успел разглядеть, лоб его покрылся испариной, глаза раскрылись, ничего не видя в кромешной тьме.

Он быстро повернулся; и в этот миг огромная чёрная голова медведицы, медленно подтягиваясь со всем туловищем вдоль обрывистого берега, приблизилась к палатке. С ювелирной точностью зверь бесшумно проставлял лапы между лезвиями бритвы, специально воткнутыми в землю. Зверь даже ночью чувствует опасность для себя, тем более что палатка со спящими людьми была в поле его видимости. Костёр примерно к четверем часам ночи прогорел, и кругом была такая темнота, какая бывает только поздней осенью, и про которую говорят в народе: «хоть выколи глаза». Спящий молодой человек, находясь в тумане дрёмы, лежал ближе к краю, и зверь подошёл к нему. Медведица летом на берегу реки потеряла своего медвежонка, но врага своего она запомнила по запаху и пришла проверить, не тот ли человек приехал сюда за

очередной добычей. Подойдя к палатке, медведица насторожилась, но звериный инстинкт толкал её на месть за своё дитя. Ей надо было разобраться с тем, кто пришёл сюда, и узнать, не тот ли это злой человек, что убил её медвежонка и ранил её в лапу на берегу Юконды, когда они купались в реке с детёнышем, изнывая от летней жары. Она слегка оцетинилась и ткнулась носом через брезентовую ткань в плечо лежащему в палатке человеку. Но тут же возле самого носа ударило что-то живое и сильное, она передвинулась к следующему краю и тоже, ткнув носом в ткань, стала втягивать воздух в себя, и вновь что-то сильное и живое ударило рядом с носом и она отпрянула. Запах был не тот, что был на берегу во время убийства её медвежонка. Сильная волна одновременно ярости и растерянности от сдачи, полученной от спящего человека через брезент, не давала покоя «хозяйке леса». Сложившаяся ситуация была весьма опасной, если учитывать, что именно чёрные медведи не любят получать отпор во время планируемого ими нападения. Медведица против своей воли ринулась прочь от палатки напрямиком в лес, поближе к кочкарнику, где можно было скрыться так, что никто её не заметит, даже если и пройдёт совсем рядом.

Проснувшийся от возни возле палатки сын старшей дочери Спиридона Егоровича достал финский нож ещё до того, как медведица убежала и перерезал тонкую прочную веревку, которая застегивала плотно вход в палатку, и только после этого услышал топот убегающей медведицы. Спавший возле известного нам действующего лица парень проснулся, выскочил из палатки и с большого перепуга расстрелял куда попало около двадцати патронов и только после окрика опомнился, но в патронташе было уже пусто – осталось только четыре заряжённых пулей патрона...

* * *

Перенесённый внуком Спиридона Егоровича в случае с медведицей стресс плотно закрыл в памяти всё то, что только начало приоткрываться в воспоминаниях о детстве.

С большим трудом восстанавливалось здоровье, потерянное в раннем детстве, при побегах родителей и постоянных избиениях. Только стремление выжить во многих ситуациях делало его рабом положения. Он постоянно вспоминал наставления пожилой женщины, видевшей жизнь во всех её плоскостях, когда освобождался из спецпоселения.

«Смотри, нигде не проговоришься о том, что ты с родителями был осуждён за антисоветскую деятельность. Очень быстро от тебя смогут избавиться, даже в учебных заведениях», – молвила она.

Юноша первоначально не придавал значения высказанным предположениям. Но оказалось, что в семидесятые годы это было вполне реально, когда более спокойно стали говорить об эпохе Сталина и усилилась идеологическая чистка. При всём том довольно тщательно, по словам осведомителей на факультетах, шла проверка на благонадёжность всех, кто учился на историческом факультете, где формировались кадры будущих идеологических, партийных работников. Так что приходилось отмалчиваться по вопросам о личной жизни; лишь изредка эта тема затрагивала душу, но страх перед тем, что он вновь будет нищим и никем и не восстановит своё здоровье, брал верх. Впрочем, молодость всегда была права в своём стремлении жить и радоваться, тем более что в детстве ничего этого не было.

* * *

Даже после успокоительной поездки на Кавказ с его минеральными водами и посещением всех исторических мест – всё, что могло вместить пребывание в Ессентуках в санатории ЦК КПСС, – не создало условий для выяснения того, что так мешало в жизни молодому человеку.

Он тихо и спокойно, не привлекая особого внимания, жил в санатории Калинина в Ессентуках, и из его комнаты через шторы цвета морской волны открывался вид на величавый снежный Эльбрус. Каждый день был связан с поездками по историко-культурным местам. Лечение проходило в первой половине дня при добротном обслуживании и в весьма доверительной обстановке: на этажах ни одна комната не закрывалась на ключ, который даже оставляли в дверях – не было никаких проблем, никогда ни у кого ничего не пропадало. Такой доверительный мир был весьма интересен для человека, потерявшего доверие к самым близким людям.

Однажды, гуляя по Ессентукам, внук Спиридона Егоровича услышал наставление матери в адрес молодой армянской девушки, её дочери: «Ты должна идти так, чтобы всем было видно, что ты армянка, и ты должна нести свою женскую культуру для всех, даже в своей походке». Это была молодая и, как все в этом романтическом возрасте, красивая и обаятельная женщина, одетая в длинное платье, что было редкостью для того времени.

При поездке по лермонтовским местам он долго стоял на месте гибели поэта, размышляя о чём-то своём, непонятый всеми, кто окружал его, затем молча нагнал свою группу, сел в автобус и уехал на многие десятилетия с этих трагических мест.

Удивительный мир элитарной культуры, основанный на материальном достатке того времени, создавал атмосферу отдыха, и вполне сравнимый на сегодняшний день

по степени материальной обеспеченности с социальным пансионатом для престарелых в США.

* * *

Как это всё выглядело контрастом для него по сравнению с тем, что произошло через двадцать пять лет. Чтобы получить справку о реабилитации, нужно было найти свидетелей через пятьдесят лет после описанных событий (из-за отсутствия документов в полном наборе в архивах) и судиться с государством. Найти свидетелей среди бывших ссыльных по особо опасной статье «за антисоветскую деятельность» – больных, искалеченных судьбой людей, сохранивших порой агрессивность в поведении, – с одной стороны, было не очень-то трудно. С другой, беспокоить воспоминаниями тех, кто перенёс все тяготы спецпереселенца, – значит заново пытаться их.

Поездка по местам прохождения ссылки не была столь радостной, хотя взглянуть на места, с которыми связала судьба спецпереселенца, было любопытно, и он отправился туда на следующий день после приезда из города Урая. Утром после заказанной побудки в гостинице внук Спиридона Егоровича вышел на улицу. Было прохладно, до восьми часов утра было ещё около двух часов свободного времени, и он прошёл до бывшей конторы Кондинского лесопромышленного комбината, тщательно вглядываясь в лица прохожих. Многих он, очевидно, знал, когда двадцать лет тому назад работал инструктором РК КПСС. Однако годы берут своё, и одно поколение людей сменяется другим...

Где-то около восьми часов подъехало заказанное для мужчины такси, и он выехал из райцентра Междуреченского в сторону Лиственничного. Накануне прошёл дождь, и дорога в самом посёлке местами превратилась в глиняное месиво.

Во внутренней части бывший посёлок для спецпереселенцев сильно изменился, расстроился: многие дома, что были построены ссыльными, заменены новыми, светлыми. Знакомые, оставшиеся жить здесь, ушли в основном на пенсию по старости, среди них были в живых и те, кто замерзал в землянках вместе со своими родителями в 1930-1932 гг. и отмечался в комендатурах (*из которых в живых остались только пять человек: Кузьма Михайлович Серебренников, Василий Евлампиевич Смирнов, Мария Михайловна Лебёдкина, Клавдия Николаевна Савинцева (Ермакова), Ангелина Павловна Карфидова (Черепанова) – дочь первого председателя колхоза. – Авт.*), кто своим трудом создавал экономический фундамент для освоения Севера.

Накопленные с великим трудом богатства были приватизированы людьми, которые и вблизи-то не видели всего ужаса человеческих трагедий, что пришлось перенести ссыльным спецпереселенцам и заключённым, чьим уделом, как и всех простых жителей страны, стало существование на весьма ограниченные средства своей заработанной пенсии. А проводимые реформы в первую очередь ударили по сельскому хозяйству, где проживает значительная часть потомков спецпереселенцев. Всё вернулось на круги своя: потомки некогда цвета нации в совсем иных исторических условиях вновь попали под жесточайший удар лихолетья новой России.

Оставшиеся в живых спецпереселенцы тепло встречали своих знакомых, приехавших по разным причинам, как весточку из далёкого прошлого, и, усадив за стол на чашечку чая, вели неторопливый, спокойный, многочасовой разговор о прожитых здесь молодых годах своей нелёгкой судьбы. Нечасто бывает, когда приходит человек, с которым не виделся пятьдесят с лишним лет. Вот так, за чашкой чая и долгими беседами с больными, порой

привезёнными на кресле-каталке людьми и пришлось повстречаться нашему общему знакомому со своим прошлым...

Уезжал он из посёлка, когда почти всех, кого возможно, посетил, поговорил с ними и многое для себя решил. Вот так и были собраны свидетельские показания, необходимые для судебных дел. Восемнадцатого января 2006 года все дела были решены, и состоялся суд, вынесший вердикт о признании седоватого мужчины жертвой политических репрессий. Вот только в голове у него настойчиво мелькала мысль о том, что судиться, отстаивая свои права, очевидно, приходится из всей когорты перекрученных человеческих судеб только одной категории – бывшим узникам всех видов лагерей на территории России. У «противоположной» категории граждан все документы были на месте и в полном порядке.

Однажды, когда внук Спиридона Егоровича был в Москве на одном из совещаний по проблемам преподавания отечественной истории, там из уст молодого учёного прозвучала мысль о том, что существование трудовых спецпоселений в предвоенное время было исторически необходимым для России. Он в конце сообщения взял слово и предложил молодому историку проехать по России, найти лагерь, похожий на сталинский, и отсидеть в нём десять лет. После этого (если ещё останется в живых) он, очевидно, будет иметь нравственное право сделать вывод, нужны ли были такие лагеря для России или нет...

* * *

Вообще-то история является предметом, где споры могут идти без конца, подумал учёный, и компромисс с совестью здесь вряд ли возможен. Согласно Библии, человек является падшим грешником. Вот только «с ка-

кого этажа» этот человек иногда падает, сказать действительно трудно, и дай Бог, чтобы он окончательно не разбился, часто претворяя в жизнь свои сумасбродные идеи о создании Царства Божьего на неподготовленной для этого родной земле.

Неужели, подумал внук Спиридона Егоровича, даже по прошествии стольких лет идеи о полезности существования лагерей, казарменного социализма могут найти место здесь – в научной среде конца двадцатого и начала двадцать первого века. И как показалось мужчине, не скоро ещё наступит тот день, когда всё общество будет готово к покаянию перед предыдущими поколениями, пострадавшими в период тоталитарного режима, чтобы в будущем всего этого не повторилось. Никто не раскаялся перед всем миром за содействие укреплению этого тоталитарного режима.

* * *

Через двадцать лет после случая с медведем у реки Юконды, внук Спиридона Егоровича стоял у окна своего дома и вглядывался в майское небо, где постепенно гасла вечерняя с переливами заря, какая была в тот майский вечер пятьдесят лет тому назад при попытке расстрела его на берегу озера Туман. Что же чувствовал он сам, глядя своими глазами на надвигающуюся смерть от возможно выстрела родного отца?..

Впрочем ребёнком его вполне очевидно уже было трудно назвать после того, как он почувствовал и осознал всю жестокость отношений к нему. Когда с отбитыми ножками съел из-за голода почти всю траву, возвышающуюся вокруг покрывала, на котором лежал один целыми днями под северным ветром, пронизывающе налетающим даже в летние дни. Он тогда прижимался к родной

для него земле, интуитивно пропуская воздушные потоки сверху, подставляя солнечным лучам, идущим сквозь бездонное синее северное небо, полуголую, почти ничего не ощущающую после удара отца, спину, чтобы хоть как-то согреться. Согреться от земли, но отнюдь не от родной мамы. Временами от голода у него не хватало сил шевелиться... Тот малыш не мог открыть даже бутылку с молоком, оставленную возле него – слишком плотно она была закрыта пробкой.

Вся жизнь для него уже не казалась такой страшной, с каждым днём он всё больше привыкал к тому, что, возможно, его не будет скоро в живых... И подтверждением были воспоминания об ужасных действиях по отношению к нему: когда родная мать опустила его с высоты на пол вниз головой; когда от голода и холода он замерзал, брошенный под новый год в детском саду; когда молча стоял перед «расстрелом»; когда пил что-то такое, после чего попадал в больницу с явными признаками отравления; когда ходил больной, голодный и полураздетый в студенческие годы, – каждый раз стремясь выкарабкаться из-под тяжести давивших на него жизненных ситуаций...

Внук Спиридона Егоровича опустил свою седую голову, ещё раз задумавшись о противоречивой сущности человеческого мироздания. Насколько же этот окружающий мир, уже изменённый вновь пришедшими поколениями, делает попытку измениться к лучшему и вернуться частично к духовным основам православия, очеловечивая внутреннюю сущность самого человека. Вот только удастся ли сделать это одному, двум или трём поколениям, сказать пока действительно трудно...

* * *

С начала девяностых годов XX века свой материальный вклад в дело возвращения к духовным основам православия вносили всем миром в городах и населённых пунктах Ханты-Мансийского автономного округа... В 1993 году всем миром в Ханты-Мансийске строили Знаменскую церковь в деревянном исполнении – добротной, из лиственниц, привезённых из Горноуральска Октябрьского района; стройматериалы привозили из посёлков Луговского и Кирпичного Ханты-Мансийского района; отделочные внутренние работы выполняло ООО «Держава» (руководитель Николай Григорьевич Рыжков) – в основном за счёт собственных средств фирмы. Ранее утверждённый проект строящегося храма пришлось по ходу возведения утонять самим строителям по чертежам и рисункам с участием прораба ООО «Держава» Павла Константиновича Корсунского и руководителя строительного предприятия «Луч» Юрия Васильевича Пестышева, который к тому же отвечал за всю стройку. Свой вклад внёс торговый дом «Сибирский привоз» (руководитель Юрий Нуждин – именно его фирма оплатила все расходы, связанные с приобретением внутреннего церковного убранства). Построили храм с всенародной помощью, когда бабушки варили картошку для рабочих, угощали зеленью, выращенной на своих огородах. После небольшой, но содержательной беседы с нужными людьми на строительной площадке появились гвозди, олифа, цемент, битум, продукты для строителей – от узкого круга людей, желавших ещё раз покаяться перед миром за возможные грехи в своей личной жизни. Стройматериалы, оплаченные по разным каналам, в том числе из средств, частично выделенных администрацией города, доставляли на строительную площадку под личным

руководством Василия Толстого (Василия Михайловича Шаламова). По стоимости вся стройка тогда обошлась в 430 тысяч рублей – по ценам сегодняшнего дня на эту сумму невозможно построить даже ограду вокруг храма.³⁰ Завершили строить всем миром деревянный храм в честь иконы Божией Матери «Знамение» в 1994 году. При большом стечении народа он был освящён архиепископом Тобольским и Тюменским Димитрием в 1995 году.

Десятого декабря 1999 года был заложен камень на месте будущего строительства храма в честь Воскресения Христова – по инициативе общественности и администрации автономного округа во главе с губернатором А.В. Филипенко. План храмового комплекса был разработан ООО «Студия «КиФ» под руководством архитектора Н.З. Казакова. Двенадцатого августа 2001 года Ханты-Мансийск впервые посетил святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

* * *

Розовато-красные облака на закате возвещали о том, что завтра, если верить приметам, будет ветреная погода, однако за сутки перед грядущими событиями облака разгоняли с помощью авиации. 22-24 мая 2006 года в Ханты-Мансийске проходили Всероссийские дни славянской письменности и культуры. После божественной литургии в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и малого освящения храма в честь Воскресения Христова прошёл крестный ход. Словно очищая грешные земные души и площадь перед храмом, прошёл тёплый весенний майский дождь с первой в этом году грозой.

³⁰ Вопросы строительства деревянного храма в честь иконы Божией Матери «Знамение» были записаны по воспоминаниям Юрия Васильевича Пестышева, г. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 19.10.2007 г.

Несколькими годами ранее на одном из семи возвышающихся над поймой Иртыша холмов, на которых раскинулся город Ханты-Мансийск, воздвигли храм в честь Воскресения Христова – вновь на всенародные пожертвования, пожертвования предприятий и учреждений, – и он сверкал в электрической подсветке блеском позолоты и белизной своих стен в майской ночной тиши. На пути к Храму, в обрамлении каскадных мини-водопадов, на бронзовых «пергаментках» – библейские заповеди, которые под очищающий звук падающей воды взывали к нравственной человеческой чистоте – «Ни убивай», «Не кради» и т.д. Все вместе они имели прямое нравственное отношение к изложенным в книге событиям, коснувшимся истории округа.

Важно, чтобы сохранились исторические места, где были захоронены останки жертв репрессий сталинского режима – такие памятные места, освящённые духом православия, создали бы положительный фон влияния на мировоззрение подрастающего поколения. А великолепный православный храм с первым в России православным парком будет вносить весомый духовный вклад в формирование нравственного сознания будущих поколений.

«Православие накопило огромный опыт воспитания людей и готово дальше разделять с людьми их радости и горести. Остался позади XX век, когда церковь была отделена от государства. В последнее десятилетие пришло осознание, что у русского народа одна история, Отечество и одно будущее», – произнёс святейший патриарх Алексий II во время визита в Ханты-Мансийск.

* * *

Этой весной в Ханты-Мансийске рано зацвели дикие яблони и рябина – их цвет было видно возле домов издали. Только в Ханты-Мансийске цвет рябины означал,

что здесь в годы войны кого-то не дождались – сына или дочь, ушедших на войну солдатом, медсестрой, любимого друга или мужа, отца или не успевшего состариться дедушку.

По улицам Ханты-Мансийска и ханты-мансийскому «арбату» в выходные дни гуляли молодые, сидели на скамейках с внуками пожилые люди... В красивейшем концертно-театральном центре были вывешены во всей красе афиши, которые возвещали о предстоящем выступлении Мариинского театра...

Только внуку Спиридона Егоровича, как всегда, не давали спать его мысли, и думалось как-то по-особенному. Потребовалась не одна поездка, чтобы записать в определённой последовательности все события ссыльной жизни. Вспоминалось последнее возвращение из Кондинского района: как всегда – тайга на сотни километров и везде объездные дороги – до самого Ханты-Мансийска. Только один город Урай, как в далёком детстве того молодого человека, о котором идёт речь в книге, всё стоит на жизненном пути и никуда от этого не уйдёшь, тем более что за последние десятилетия он стал красивее и уже слегка «покрылся сединой» на крышах двухэтажных деревянных зданий. Да древняя своеобразная река Конда плавно, местами закручивая течением водовороты, несла свои воды в ещё более древний и могучий Иртыш. Возле посёлка Мулымья вода в Конде блестела от мощных фонарей, освещающих переправу через реку, и этот свет увлекал путника в новые воспоминания, времени на которые вполне хватало – это было семичасовое путешествие из встречи с историческим прошлым древнего красивого края в его современность.

После многочасовой поездки на микроавтобусе по бетонной дороге, где временами трясло весьма ощутимо, выехали на хорошо асфальтированную магистраль.

Справа, в сосновом лесу, виднелись факела, лизавшие своими языками чёрную бездонную холодную темноту ночи, а дорога словно упиралась в огромное звёздное уже не летнее небо и уходила, плавно змеясь, в бесконечную даль поймы Иртыша. Впереди показались огни Ханты-Мансийска и силуэт огромного даже по сибирским меркам, покрашенного в красный цвет моста через Иртыш: среди водителей его называют по-восточному – «красный дракон».

С приближением к дому на душе стало как-то спокойнее, постепенно стал забываться и уходить куда-то вдаль Кондинский район с воспоминаниями бывших спецпереселенцев, переданными другими людьми с не менее горькими судьбами. И у путника было огромное желание снизить уровень зависимости от стресса, неоднократно перенесённого им самим при записи рассказа...

Приехав домой и отбросив всё, кажущееся лишним, он, будучи начинающим и ещё не достаточно опытным писателем, закончил через много дней и ночей черновик своего социально-исторического романа и решил познакомиться с ним своё окружение... Он никогда не писал ничего подобного и очень волновался...

Супруга писателя Елена Георгиевна взялась знакомиться с социально-историческим романом поздно вечером и затихла сразу, хотя знала, что муж никогда не занимался литературными делами, а вот здесь – на тебе, книга!.. В комнате было слышно лишь, как шелестят переворачиваемые листы исписанной бумаги...

Не имеющий стажа и достаточного опыта писатель дважды входил в комнату, однако читательница даже не подняла головы от страниц... Прошло достаточно много времени прежде чем она произнесла слова, обращаясь к супругу: «Ты что – всё это придумал?..», – и её лицо стало бледнеть...

«Ты же знаешь, что в последнее время у меня бессонница, вот и придумал...», – ироническим тоном произнёс ее муж.

После множества сомнений, по мнению внука Спиридона Егоровича, ехавшего в легковой машине, воспоминания всё-таки брали своё вполне последовательное начало, которое можно было записать, и преподнести читателю, только с момента поездки его из Урая в Междуреченский...

От объявшего холода воспоминаний он съежился, но всё-таки, частично преодолевая себя, сел за компьютер...

Детскими тропинками, или Взгляд через призму прожитых лет

*В экстремальной ситуации чаще выживают
не физически крепкие, а сильные духом.*

У.Н. Шелестёв

Ульяна Петровна в душе радовалась тому, что, несмотря на все трудности жизни в спецпоселении, оставшаяся с ней дочь росла весьма своеобразной, временами очень капризной и своенравной, при этом её невозможно было переубедить, если она что-то решила сделать. Дочь добивалась своей цели, чего бы это ей ни стоило. Однако цели эти были зачастую несбыточными. Будучи матерью-одиночкой, Ульяна Петровна часто переживала за свою дочь, когда та в качестве ветеринара путешествовала по лесу на десятки километров в другие посёлки и на Дальние гари. Поначалу она даже выговорила это слово – «ветеринар» – не могла и лишь по прошествии времени привыкла к нему. Будущую бабушку настораживало ещё и то, что в такое путешествие в одиночку почти одновременно с её дочерью отправлялись молодые парни верхом на лошадях...

Незаметно в заботах Ульяны Петровны прошёл возраст взросления её дочери, и она, как и все молодые девушки, стала исчезать на вечерки и посиделки. И только один Туман что-то подслушивал и знал о многих почти всё...

Ульяна Петровна, всматриваясь в лицо своей дочери, стала замечать некоторые изменения: что-то часто та ста-

ла прикладывать руки к своему животу. Через неделю всё встало на свои места: дочь сказала, что ждёт ребёнка, а вот от кого – как бы забыла сказать. Бабушка знала по себе, что подсказчиком в этой ситуации лучше не быть, тем более что аборты (по сталинскому указу) были запрещены. За два года до смерти Ульяны Петровны поздно ночью на свет с криком появилась её внучка. Всю свою словно ниоткуда возникшую материнскую любовь старшая дочь Спиридона Егоровича отдала своей дочери. Недосыпала, пыталась успеть на работу, оставив дочку на руках бабушки, нанятой специально для этой цели.

Однако папа для дочери так и не объявился; только по вечерам молодая мамаша вновь куда-то уходила... Часто приходила заплаканной, обиженной, долго ворочалась на своей кровати, вздыхала и ещё более стала замкнутой и обзлѐнной на всех. Внучка Спиридона Егоровича росла здоровой: детский смех сглаживал все возникающие конфликты, в девять месяцев начала ходить, и к осени ей спшили понравившееся бабушке детское платье.

В эту осень молодая мать очень понравилась приехавшему на заработки по родительскому контракту молодому с пышной шевелюрой мужчине, который всю войну из-за глухоты работал на сапожной фабрике города Омска. Поскольку молодых мужчин после войны было не так уж много, никто его отношения не стал отрицать, хотя по молодости он много пил, а иногда вѐл явно разгульный образ жизни. Завязавшиеся отношения вскоре переросли в более глубокие, а присутствие дочери никого не расстраивало. Они много времени проводили на лоне природы... Вскоре стало ясно, что у них в семье будет второй ребёнок, которого с определённой долей опаски ожидали все – и в первую очередь бабушка. Когда Мария Спиридоновна приезжала в студенческий отпуск, их отношения ей очень не понравились: не такой она представляла судьбу своей родной старшей сестры.

Ребёнок у них появился поздней осенью – это был мальчик, которому семь месяцев не могли дать имя, а он внимательно, почти не мигая, смотрел на свою родную маму, как будто уже представляя себе, что ему уготовила судьба...

* * *

Апрельским вечером она пришла в детский сад (если можно было назвать его таковым: спальная комната не более десяти квадратных метров да небольшой зал возле печи), где дети вместе с воспитателями старались скоротать холодные зимние длинные дни без родителей. Пришла забрать домой свою дочь, а ей предложили взять на «воспитание» собственного сына, оставленного на круглосуточное содержание ещё в начале августа прошлого года, после чего она ни разу не пришла и не взглянула на своё дитя – даже когда ему в октябре исполнился год.

В тот осенний дождливый вечер подошла заведующая садиком и скромно попросила подойти и посмотреть на сына, которому сегодня исполнился год; женщина отвернулась, забрала дочь и сказав, чтобы её сына забрали в детдом, ушла.

Мальчик лежал в кроватке, ему казалось, что в комнате очень жарко и душно. Он наклонил головку в сторону матери, голос которой он слышал из другой комнаты за тонкой перегородкой. И так продолжалось каждый вечер: ребёнок ждал, прислушиваясь к тому, когда придёт мать, чтобы забрать свою любимую дочь. Однако она не подошла к нему, и от напряжения в его маленькой головке, как у взрослого, загнанного судьбой в угол человека, постепенно вспоминалось всё, что он мог воспроизвести: тёплый дом на краю посёлка, прогулки по свежему воздуху на руках у матери, светлая комната и сама мать, периодически подходившая к кроватке... Но уже тогда, в

возрасте шести или семи месяцев, он испытывал какое-то недоверие: передавалось это по очередным вздохам матери, смотрящей на него совсем не так, как он этого хотел... Казалось, мама желала куда-то уйти, а он задерживал её.

Весенним вечером пришли подружки и начали «блатовать» мать на «вечёрку» (*что по нынешним временам можно понимать как тусовку. – Авт.*), она сопротивлялась, ссылаясь на то, что у неё маленький ребёнок, но они были настойчивы и стали комментировать поведение матери.

«Мужик любит ту, которую ему вовремя подсунут!», – воскликнула толстушка, стоявшая ближе всех к ребёнку.

«Только вот этот вряд ли примет такие условия, что-то слишком вдумчиво он на всех смотрит, а это значит, он будет выбирать, и бросать непонравившихся женщин, – продолжила свои размышления другая. – Другими наших мужиков мы не научились воспитывать».

«Со временем мы ведь все будем сварливыми хозяйками дома и менее всего женщинами. А мужик есть мужик – ему только женщину вовремя подавай, а чуть что – хвост поднял и ушёл...»

«Это ты защищаешь его, этого будущего мужика, который подрастёт, и будет бросать женщин, как перчатки?! Так зачем же ты ласкаешь его, для чего тебе это надо?!», – вновь воскликнула толстушка, обращаясь к матери ребёнка.

После этого по вечерам она начала куда-то исчезать, уходя, очевидно, на молодёжные вечерки, надолго оставляла малыша одного в тёмном холодном доме, голодного, лежащего в кровати уже не в сухих пелёнках. Однажды поздно вечером пришла повитуха и застала ребёнка в таком положении. На следующий вечер, придя в гости, она отчитывала неугомонных незамужних подружек матери за их попытку увести мать на очередную вечерку.

Приехал из командировки отец, который не был ссыльным и имел право свободного перемещения, и стал о чём-то беседовать с матерью на высоких тонах. Мать беспрестанно пыталась успокоить отца, а он расвирепел, и его голос становился громче и грубее. Ближе к полуночи всё утихло, но только для отца. В глубине души матери усилилась уверенность, что эта семья ей не нужна, её мучительно тянуло в объятия того мужчины, которого она так страстно, но безответно любила.

После этих не совсем спокойных бесед родителей очень часто семью стала посещать повитуха, радуясь тому, как быстро поднимается её подопечный. Именно воспоминания о ней были наиболее ранними у мальчика – казалось, почти с момента его рождения.

Приезжали знакомые и, сидя за кружкой чая, передавали привет от бабушки и дедушки со стороны отца и просили не забывать и навещать их. Просили показать им своего единственного внука, так как у старшего их сына к тому времени были только дочери. Молодой папаша, загордившись, сказал, что они, очевидно, подьедут, когда потеплеет, по большой воде на долблёнке, тем более что плыть было недалеко по тем меркам – километров двадцать напрямую по воде. Зимой же было ветрено и холодно, и из-за отсутствия тёплой одежды можно было промёрзнуть и заболеть, а в спецпоселении для оставшихся спецпереселенцев не было квалифицированного медицинского работника. Из тех, кто по разным причинам приезжал в посёлок и мог претендовать на эту должность, в большинстве своём могли только констатировать смерть, а антибиотиков вообще не было.

На том и порешили. И заинтересованные стороны, словно затаив дыхание, стали ожидать этой исторической встречи поколений свободных и осуждённых, ещё грудного ребёнка и убелённых сединой и жизненным

опытом, находящихся в возрасте взрослых и незнакомых для него людей. По итогам этой встречи через считанные месяцы зависнет на десятилетия жизнь маленького сына-первенца в семье, где мать была осуждена за действия её отца по статье 58 УК РСФСР «за антисоветскую деятельность».

Сосланные на вечное поселение в этом лагере трудового перевоспитания спецпереселенцы знали в своё время голод, холод и смерть чаще, чем другие категории людей, живущих на Севере. Мать ребёнка помнила смерть от физического и нервного истощения своего отца в голодном 1933-м. Это произошло вскоре после того как их привезли в ссылку в посёлок Лиственничный, когда он отдавал свой скудный паёк детям. Силы его таяли на глазах, тяжёлая принудительная работа и возраст сделали своё чёрное дело: поздней зимней ночью он скончался, последнюю неделю не поднимаясь с кровати.

В год рождения внука, испытав за свою жизнь великую нужду и голод, унижения и насилие по отношению к себе, смерть всех близких в ссылке, умерла его бабушка, которая сделала всё, чтобы защитить своих дочерей от насилия во время отправки в ссылку. Похоронили её в глубине леса, метрах в ста от берега озера Туман. Там, в вечном сне, она будет слышать шум водного гиганта, что приютил её семью на своих берегах.

На некоторое время семья переехала в Леуши, где снимала жильё в той же квартире, которую в своё время снимал Спиридон Егорович, однако было приказано вернуться в первый посёлок на место отбывания ссылки и жить в той квартире, в которой они жили до переезда.

Незаметно для всех пришла весна; и чем теплее становилась погода, тем отчётливее в беседах родителей можно было слышать одно желание – побыстрее отправиться в путешествие на лодке к родителям отца, которые так сильно ждали своего первенца.

Летним вечером, когда озеро Леушинский Туман, ворча, понемногу уснуло в тишине и безветрии, и лишь стаи стрижей, гоняясь за мошкаррой, безудержно носились у края высокого обрыва, – семья решила ехать в гости. Родители быстро собрались, взяли с собой выдавший виды деревянный чемодан, привезённый ещё дедом Спиридоном из Байкалово, с недорогими пожитками, в основном пелёнками, да красивым по тем временам платком для матери, и выехали, тем более что контроль над спецпереселенцами в послевоенное время был частично ослаблен.

Долблётка, похожая на обласок, который обычно делали кондинские манси и называли калданкой, с большим трудом вместила четверых, и, шурша по воде и росшей на лугах осоке и плавающему пырею, понесла всех к желанной и трагической встрече. Но тогда ещё никто не знал, что каждый после этой встречи будет что-то таить в душе, чтобы их сын не узнал ничего или, не дай Бог, чего-то не вспомнил. Ноша оказалась слишком тяжёлой, и каждый из участников этого путешествия нёс её через всю свою нелёгкую, порой голодную жизнь обычного ссыльного, почему-то осуждённого за «антисоветскую» деятельность.

Мальчик помнил солнечное утро следующего дня. Много гостей, пришедших к соседям не столько посмотреть на внука, сколько избавить себя от мучений после бурно проведённого дня с выпивкой бражки. Шумный домик с низким потолком и частые перегородки, отграничивавшие комнаты, и мало места на полу, где всем приходилось ночевать, когда его принесли в дом к деду в посёлке Луговом. Дед, отвечающий за работу почты в посёлке, как сказал его папа, долго ждал приезда своего сына с внуком, не отличался сдержанностью к бражке и изрядно выпил – по его лицу было видно, что он с глубо-

кого похмелья. Небритый и неумытый, вытаращив глаза, долго смотрел на принесённого матерью своего внука. И не было у него чувства гордости и самоуважения при виде «богатыря» в пеленках, который от такого обращения с ним наделал по-большому в пелёнки. Мать привела его в порядок и вновь через какое-то время бесконечного дедовского питания показала своё детище, а внук, закрученный в белые пелёнки, снова наделал в них, и на этом знакомство деда со своим вторым поколением закончилось.

За окном шумел ветер с летним кратковременным дождём, как будто сама погода чем-то была сильно недовольна и капризничала. Вечером второго дня ребёнок смог чётко слышать слова, адресованные в том числе и к нему. Они были сказаны отцу, и тот их выслушивал. Дед высказывал назидание отцу ребёнка: «Кого ты к нам привёз – жену ссыльную, дочь незаконно рождённую, да ещё непонятно от кого, своего сына какого-то...».

На третий день, очевидно не выдержав «гостеприимства», мать малыша захватила с собой всё, что могла унести, и вышла на берег к той самой долблёнке, на которой все приехали. Послала за мужем свою дочь, но та вернулась ни с кем и ни с чем... Ожидание длилось очень долго, но никто не приходил. Тогда она отправила свою дочь ещё раз, и через какое-то время пришёл полупьяный отец ребёнка и на повышенных тонах долго о чём-то ругался с матерью. Затем он ушёл в родительский дом – очевидно, проститься перед отъездом.

Наконец всё утихло, и лодка понеслась довольно быстро в обратную сторону. Сосны, росшие у спуска к старому руслу реки Конды, стояли плотной стеной и лишь несколько из них возле поворота наклонились к самой воде, подмытые большим половодьем. Именно здесь лодка путников задержалась, огибая не только поворот, но и принесённые течением бревна от молевого сплава. Отец,

казалось нечеловеческими усилиями удерживая лодку на плаву, расталкивал веслом и руками бревна в надежде побыстрее покинуть этот мыс, но это было весьма трудным и опасным занятием. Природа вновь противилась возвращению всех домой: более часа длилась изнурительная работа веслом и руками двух взрослых путников. Уставшие и уже обессиленные, они смогли-таки выехать на чистую воду.

Тёплый, кристально чистый воздух, смешанный с запахами сосновой смолы, слегка разморил и расслабил изрядно уставших и уезжающих с плохим предчувствием родителей. Дул несильный встречный ветер, когда они обогнули мыс, поросший раскидистыми высокими соснами, стоящими у самой воды, – где сегодня находится заброшенная взлётная полоса для самолетов Ан-2. Именно здесь когда-то жил и вёл своё хозяйство Зуев, раскулаченный по решению партийных органов. Долблётка с пассажирами повернула в сторону Бронниковских пашен, прижимаясь к болотистому, затопленному водой и поросшему багульником перешейку между островом Варькиным и луговой частью большой поймы.

Каждый думал о своих проблемах. Все были рады, что появилось время подумать и осмыслить вопросы со своих позиций и по возможности дать на них ответы.

Вскоре долблётка с путниками доплыла до заброшенной после коллективизации пашни деда Бронникова. Остановились в ожидании того, чтобы сильный с порывами ветер утих – тогда удобнее будет плыть по водной глади, покрытой маленьким «лесом» пырея и осоки, которые сглаживали гребни кипевших от пенистых завихрений волн, запросто способных утопить перегруженную калданку.

Мать наотрез отвергла предложение отца возвращаться к его родителям, решив заночевать здесь, на берегу

Бронниковской пашни, и резко, повелительно сказала: «Лучше я переночую здесь на свежем воздухе, чем буду слушать нарекания от твоих родителей». Скорее всего, это её решение более всего не было приемлемо для брошенного мальчика, так как он остался бы лежать на земле ещё половину суток и мог бы получить переохлаждение от утренней погоды и холодной земли. В глубине души каждый из родителей всё-таки надеялся продолжить плавание и пересечь самую узкую часть гигантской водной массы в устье реки Ах. Но даже при таких намерениях ссора между родителями продолжала расти и ничего хорошего уже тогда никому не сулила.

Ребёнок, брошенный на берегу, лежал, чувствуя неловкость и инстинктивно боялся змей, проползавших рядом с ним в невысокой траве. Отец попытался категорично поговорить с матерью по поводу ребёнка, но она отмахнулась от него и сказала, что если змея укусит мальчика, и тот умрёт, ей будет намного легче, чем сейчас, после встречи с его родителями.

«Ладно, приедем домой – разберёмся», – сказала она.

Ребёнок затих в траве, дыхание его стало очень редким, а организм сохранял тепло понятным только ему биологическим способом. Сжавшись в комок, затаив дыхание и не шевеля ручонками, малыш в надвигающейся на него смертельной опасности так и лежал в траве, изредка поглядывая в сторону отца и матери – в надежде, что они возьмут его на руки...

Толстая гадюка, предвестница смертельной опасности, вышвырнув из воды, молча подползла, пошевеливая траву, и окинула ребёнка, неподвижно лежащего в состоянии испуга и гипнотического шока, леденящим взглядом маленьких глаз. Затем, ещё сырая и холодная, проскользнула куда-то дальше за бугорок – очевидно, греться в жёлтых лучах клонившегося к закату солнца. Временами солнце

куда-то исчезало, небо темнело, налетал сильный ветер, и был слышен лишь перемешанный с шелестом стоящих рядом берёз шум прибоя, напоминавший мальчику плеск воды, в которой совсем недавно его купала мама.

Отец просил мать присмотреть за лежащим не земле в свёртке сыном, опасаясь за его здоровье и жизнь в этом кишачем после наводнения змеями месте, но его жена будто специально отошла от ребёнка ближе к берегу, изредка поглядывая на него неприветливыми глазами. «Вот приедем домой, там и разберёмся!», – произнесла она со злостью, повернувшись к мужу. Отец временно вынужден был согласиться с этим и подошёл к лежащему на земле свёртку, отогнав свернувшуюся клубком гадюку...

Несколько раз мать поднималась на высокую берёзу, вглядываясь в бушующий под сильным ветром, потемневший и пенящийся гребнями волн Туман. Ветер то утихал, то вновь налетал порывами, правда, к вечеру он стал заметно ослабевать, и родители, отказавшись ночевать на берегу, решили плыть, тем более что все были в не очень приятном расположении духа.

Собрали всё, что было выставлено на землю, слегка подкрепились, но каши для сына не было с собой. Мать подошла и, как бы спрашивая саму судьбу ребёнка, произнесла: «Ты ещё жив, и даже змея тебя не укусила?». За чем-то, очевидно любопытствуя, подходила к малышу сестра, что была почти на два года старше его, и долго изучающее смотрела на него.

День стал клониться к вечеру. Мать, не желая оставаться на ночлег и продолжать ссору с мужем, положила свёрток с нежеланным сыном, как багаж, в самый нос долблёнки, где трава осот, что росла на мелководье, заглядывала прямо на маленького мальчика. А он с улыбкой смотрел вверх, на летящие в небе облака, слегка успокоился, так как не было рядом с ним тех страшных змей...

Но тут появилась новая опасность – бушующая за бортом мутная вода, которая вполне могла проглотить кого угодно, в том числе и их калданку... Он слышал, как об этом сказала его мама.

Плыли долго... Протрезвевший отец изредка подбадривал мать, в его словах была попытка найти компромисс в возникшей ссоре, и он просил супругу держать лодку то левее, где вал воды был значительно меньше из-за росшего в воде пырея, то правее, или грести сильнее и как можно быстрее.

Порывы ветра, нёсшиеся по чистой воде со стороны озера Туман и по заливной пойме около пятидесяти километров, после некоторого затишья стали нарастать, а налетающие с белыми гребнями волны на чистых от травы местах не очень-то желали отдавать свою возможную добычу и только набирали свою силу. Седой Туман, переживший тысячи лет, как будто чувствовал, что может случиться осенью и будущей весной, и желал избавить мальчика от будущих страданий, забрать его к себе.

Мать кричала сквозь ветер, и отец неистово грёб вперед. Долблёнка то исчезала в волнах, то вновь появлялась, лишь в самом носу лежал уже почти никому не нужный свёрток с мальчиком. Крики и шум набегавших волн разбудили ребёнка и ему послышались слова о том, что если даже лодку зальёт водой, то такой плотно увязанный свёрток ещё долго будет плавать на воде, пока его не подберут. Под шум ветра и налетающих волн мать на всякий случай придвинула к себе дочь – ведь она могла доплыть до берега, держась за лодку, даже с дочерью... До сына, который лежал в свёртке на носу лодки, уже мысленно не доходили руки – после ссоры между двумя поколениями взрослых людей. Вполне возможно, у всех сидящих в лодке не было никакого желания его спасти.

Тёмно-серые облака, опускаясь всё ниже с неба, закрыли собой горловину вытекающей из озера речки. Ближе к обрыву неистовый ветер раскачивал шумевшие ели и берёзы – этот шум ребёнок запомнил на всю оставшуюся жизнь. Лодка, медленно наполняясь тёмной, мутной водой, начала погружаться во вспенившуюся бездну, но по инерции всё ещё двигалась вперед. Наконец ещё один взмах вёсел и нос долблёнки, ещё видневшийся из воды, с хрустом выскользнул на песчаный берег. Оставшаяся часть лодки погрузилась в волны. До того как лодка затонула, из неё вышла по колено в воде мать, держа за руку свою дочь, и лишь отец, стоявший в воде, сильным окриком приказал ей взять свёрток с ребёнком из-под самого вала накатившейся волны. А мать, повернувшись к отцу, с ухмылкой сказала, чтобы тот взял своего сына и воспитывал его сам: она заниматься этим не собирается, у неё есть дочь и этого достаточно. Через мгновение последовал отрицательный ответ. Однако мать ребёнка твёрдо решила не воспитывать более ненавистного от рождения сына и попросту избавиться от него, как будто давно искала для этого подходящий повод.

Удивительно, но малыш инстинктивно понял всё, о чём было сказано – и весь мир в глазёнках его потемнел и потерял свой приятный и манящий свет, и улыбки самых близких ему людей стали какими-то безликими. Кругом шумели берёзы и трепетала осиновая листва, усыпляя малыша. В пути ребёнок уснул на руках у отца...

Стоял знойный испепеляющий июль... Мальчик не помнил того, когда его занесли в дом и уложили спать. Это была одна из последних ночей в таком состоянии в родном доме. Утром мать унесла его в детский сад на круглосуточное пребывание, несколько вечеров приносила его на ночь домой, а в начале августа унесла и больше не взяла обратно.

* * *

Лёжа в постели, мальчик вспоминал светлую комнату до поездки в гости к деду и ему казалось, что такого детского блаженства он никогда не увидит и не почувствует, тянулся ручонками к деревянным перилам кровати, силясь встать. Бока его онемели, к нему никто не подходил, разве только кормили по возможности. На ночь он оставался один в помещении детского сада – без воспитателя или ночной няни. За окнами всё темнее становились ночи, постепенно исчезала зелень с деревьев. И только прилетавшие синицы бесцеремонно посматривали в окно, как будто подглядывая за мальчиком.

Выпал ранний снег. И как-то всё временно посветлело, но потом наступила ночь, и редко появлялся дневной свет... Все говорили о том, что на улице слишком холодно, и плотнее закрывали окна, рано включая освещение в домах.

Его байковое одеяло лишь слегка согревало ночью, и малыш не засыпал, слушая по ночам страшные шумы: в ветреную ночь дымовая труба выла пересвистом ветра, пролетающего через широкие зимние просторы озера Туман. Иногда это очень пугало ребёнка. Воспитательница, догадавшись, в чём дело, перекрестилась, как будто на чердаке была нечистая сила, и стала плотнее закрывать на ночь трубу, но ребёнка всё равно оставляла одного... Труба по ночам стала меньше выть после этого, но зато стало слышно, как ветер что-то сильно рвёт на крыше. И малышу показалось, что лучше бы он не показывал пальцем на причину беспокойства, но говорить внятно он ещё не умел и только прислушивался к тому, что и о чём говорят.

Холод и вьюга смешались в ту зиму 1950-1951 годов: снежные бури заносили прочищенные санные дороги и двери у домов, их даже приходилось откапывать, так как

из дома никто не мог выйти вовремя на работу, что сулило по тем временам суровым наказанием.

Даже волчица вместе со своим детёнышем, молодым волком, гонимые холодом и голодом, приближались к посёлку так, что в лунные ночи был слышен то далёкий, то близкий, голодный зовущий вой. Волчица, под самое утро пробравшись с краю в посёлок, сумела загрызть дворовую собаку и, сама не доедая, притащила останки молодому обезумевшему от голода волку, который, жадно кусая, перегрызал кости, хватал и рвал свежее живительное для него мясо. На утро идущие за водой женщины обнаружили на льду озера остатки голодного пиршества... Через неделю гонимый голодом и холодом молодой волк, погнавшись за деревенской собакой, залез под крыльцо дома. Голод гнал его за дворнягой, которая, в страхе заывая, стремилась залезть всё дальше под доски, пока не захлопнулся вход, сверху треснула доска, показался свет, в образовавшуюся дыру выскочила с воем дворняжка и там же мелькнуло что-то блестящее, холодное, металлическое, вместе с шумными криками больно ударило его в бок, но он, взвизгнув от боли, сцепил зубы на колющем предмете, в смертельной хватке за жизнь... Его зубы расцепили металлическим ломиком лишь после того, как волк был забит насмерть. Женских разговоров по этому случаю хватило на целый день в посёлке, в том числе и в детском саду... Рассказывали и пересказывали об этом всё, что могли, как могли и где могли; очередь в магазин напоминала обычный шумный восточный базар...

Близился новый 1951 год. В детском саду в углу стояла наряженная ёлка, вокруг которой дети в последний день уходящего года водили хороводы и высказывали детские пожелания в адрес своих родных и близких. Однако после этого все куда-то ушли, получив подарки от какого-то дедушки в красном с длинной бородой, которого детям представили Дедом Морозом.

Мальчик остался в одиночестве, в привычной для него обстановке в ночь на 31 декабря. Ему было всего лишь год и два месяца. Он уже представлял, когда к нему могут прийти и накормить, но здесь, в преддверии праздника, по словам воспитателей и няни, было слишком много одиноких дней. Образные просчёты дней на вчера и на завтра, а потом все вместе стали настораживать ребёнка. Лёжа в постели, он смотрел впереди себя то на побелённую стену, то на вход в комнату и словно чувствовал, что о нём никто не вспомнит...

Большой, рубленый из сосны дом никто не топил. Временами в полузабытьи ребёнок водил губами и просил есть... Но лишь за окнами был слышен смех развлекающейся молодёжи. К концу первых тёмных суток стало холоднее, постель наутро была уже сырая. После этого он не помнил, чтобы он хоть раз обмочился или «сходил по-большому»: что-то срабатывало в его организме, скорее всего детский, природный, заложенный генетически инстинкт самосохранения. Подтолкнувшись ножками, ребёнок передвинулся по подушке выше и не высовывал из-под покрывала ручки.

На второй день за окном было слышно, как шумел по-прежнему народ, а мальчик надеялся и ждал по-детски доброжелательно, что к нему кто-нибудь на следующий день зайдёт, – но никого не было... Очень хотелось есть, во рту начала исчезать слюна или же она напоминала густой кисель, которым так часто поили его по воскресным дням, когда он был один в детском саду, к тому же кормили его тогда лишь один раз в день.

К концу голодного и уже очень холодного третьего дня в глазах появилась темнота вместе с угасающим светом дня; тельце ребёнка сжалось в комок ближе к краю кровати, где было суше, и он вновь незаметно для себя уснул. Холод был ощутим в ножках – там, где осталось не-

высохшее место от того, что он пописал несколько дней тому назад; впервые временами стала появляться дрожь в его плечиках. После длительного отсутствия пищи силы начали его покидать, таяли они медленно, но ощутимо, однако малыш не кричал и не звал кого-нибудь на помощь. Ручки его стали потихоньку двигаться под одеялом, плохо слушались, почему-то останавливались на его груди – в том месте, где что-то стучало. Непонятный стук в его груди, который он слышал лёжа в кроватке с каждым появлением жёлтого солнца в окне, становился еле слышен. Со временем ручки его стали неузнаваемыми – он их почти не ощущал и мало ими двигал. Он уже в этом возрасте хорошо знал, что когда его оставляли одного в детском саду, звать кого-нибудь было бесполезно.

На четвёртые сутки на его подушке стал появляться иней и выдыхаемый воздух стал ещё заметнее от холода. В тельце его всё настойчивее стала проявляться дрожь: тонкое детское бумазейное платье не могло его согреть. Высунутые из-под одеяла ножки стали подмерзать, и он инстинктивно подтянул их к себе под одеяло, как будто они жили отдельной от него жизнью... После этого он слегка повернулся в ту сторону, откуда обычно приходили его кормильцы-воспитатели. День прошёл ещё быстрее, чем прежде – в знакомом для него беспомоществе и в полусне от упадка сил и прохлады, которая постепенно стала переходить в холод. Он несколько раз открывал глаза от ощущения, что кто-то пришёл, но никого не было... Лишь временами появлялась в его маленьком тельце дрожь, и он пытался сделать несколько движений под тонким байковым одеялом, но от этого ему стало ещё холоднее.

Вечером, когда совсем стемнело, глаза у мальчика начали слипаться, клоня ребёнка к «вечному сну», он сопротивлялся, сжимаясь от холода в такой комочек, что колени стали закрывать подбородок, а угол подушки от

движений слегка углубился и закрыл спинку. За всю холодную ночь он не проснулся ни разу.

С наступившим рассветом спавший в беспмятстве ребёнок испуганно открыл глаза от очень яркого жёлтого холодного света, весь его маленький организм настороженно слушал себя и ощущал холод везде, в каждой клеточке. При позднем январском восходе в комнате стало настолько светло и холодно, что дальнейшее сопротивление потеряло всякий смысл, вновь наступило беспмятство от безысходности и обречённости, но ребёнок выдержал эту ночь и этот рассвет.

Наступившим утром пятого дня малыш открыл глаза, увидел свет холодного жёлтого солнца и понял твёрдо и окончательно, что он видит это в последний раз – самое большее он дотянет до обеда... и впал в беспмятство... По всей вероятности, время было примерно то, когда его кормили отдельно из ложки после кормления основной группы воспитанников утром... Губы его ссохлись и слиплись, и он не мог открыть свой маленький ротик – на это уже не хватало сил. У него начались смутные видения: будто кто-то подошёл к нему – и его глаза стали осматривать окружающее пространство. Солнце зашло за дом и в комнате стало ещё темнее и холоднее. И тут ему привиделась родная мама, которая будто бы сидела рядом с ним. Через минуту он едва уловил шум за дверью. Теряя последние силы, он повернул головку с осунувшимся личиком в ту сторону. Силы окончательно покинули его, и он на какое-то время потерял возможность видеть и слышать, кругом была темнота, а в голове стала ощущаться пустота и странное, до этого не знакомое передвижение в воздухе, когда вокруг него словно что-то летало и опускалось рядом с ним в холодной кровати, потом всё это куда-то исчезло, в том числе и он сам...

В двери застучали, но малыш не открыл глаза, всё его тельце набрало столько холода, что казалось тяжёлым и не было сил его поднять. Ребёнок не смог сделать даже небольшого движения, чтобы показать, что он здесь и живой, да он уже и не хотел ничего видеть и слышать... Всё казалось для него очень холодным: и перила кровати, и простынь, и воздух...

Ударились об пол, как на морозе, резко брошенные подле печи дрова, и кто-то, очевидно услышав небольшой шум, испуганно вскрикнул и подошел к ребёнку, головка которого лежала на покрытой инеем подушке. Малыш открыл глаза, словно возмущаясь тому, почему же его беспокоили от влекущего к себе спокойного, сонного состояния, но тут же вновь впал в беспамятство. Резкий, не очень приятный, шершавый голос вывел его временно из этого состояния. Перед ним стояла заведующая детским садом, пытаясь его подбодрить: «Будет тепло, обязательно будет». Ребёнок слышал, как воспитатели, не имевшие педагогического образования и выросшие в жестоких условиях трудового спецпоселения, переговаривались между собой и удивлялись тому, каким образом малыш вообще остался живым и не замёрз.

Мальчик уснул на мокром и холодном, плохо чувствуя свои ноги, и стук в его груди был совсем редким, но теперь кто-то тряс его и уже в тепле его подняли, разминая скованные в одном положении онемевшие ручки и ножки, пытались напоить его любимым киселём. Однако резкий возглас воспитательницы насторожил всех. Кто был рядом, тот видел, как мальчик, от голода и холода потерявший ощущение человеческого спокойствия, как загнанный очень «умными» людьми зверёныш, умышленно брошенный матерью, живя на свете без человеческого благословения, выкатив глаза от голодного безумия,

мёртвой хваткой вцепился зубами в пальцы воспитательницы, мгновенно посиневшие и окровавившиеся, и завис на резко поднятой руке. Его хватка в нечеловеческой борьбе за выживание напоминала того самого молодого серого волка, что сцепил свои зубы на железном ломике в смертельной схватке за жизнь да так и погиб, не выпустив его из пасти...

Мальш не помнил, чем и как разжимали его зубы, и кто его понемногу поил киселем с ягодами... После этого от появившегося ощущения лёгкой сытости и тепла он уснул. И сон его продолжался около полутора суток с небольшими перерывами на то, чтобы выпить порцию киселя; и он сам изредка открывал глаза, но силы его вновь и вновь покидали. Ему всё время казалось, что у него действительно нет сил и он куда-то плывёт, не задерживаясь, и голова у него кажется тяжеловатой. Уже лёжа в кровати в полусне, с отяжелевшими ручками и ножками, которые впервые за последние три дня мальш смог вытянуть, на вторые сутки пребывания в таком состоянии он услышал вздохи сочувствия воспитательницы, которая после подачи ребёнку киселя и его укуса долго ходила с забинтованными пальцами: «И как он только не замёрз в таком холоде за эти дни, ведь никто даже не мог подумать о том, что няня запила и не приходила к ребёнку все праздничные дни. Каким же он вырастет на этом свете в таких условиях? Ведь сжатый рот ребёнку открывали с трудом большими металлическими ножницами...».

Как потом стало известно, родная мать даже не захотела вообще слышать о нём и его проблемах праздничных дней, и ей было бы лучше, если б он действительно замёрз в те новогодние дни и ночи.

Ребёнок всё это слышал, сознание его вновь заработало на повышенных возможностях, но сил хватило ненадолго, затем наступило беспамятство, длившееся весьма

долго, прежде чем наступило время для того, чтобы он как-то осознанно смог оценить новую ситуацию. Малыш несколько раз слышал разговоры среди обслуживающего персонала о том, что женщины не очень-то хотели, чтобы ребёнок привыкал к их рукам, ведь потом будет трудно отучить его. Действительно, ребёнок тянулся к женщинам своими ручонками, а они отходили в сторону. Но почему это происходило, он не мог знать и продолжал делать это каждый раз. Единственное, в чём могла проявиться женская привязанность к детям – это кормление, и ребёнок всё равно начал ощущать, что его пребывание здесь далеко не безразлично окружающим.

На этой же неделе в детский сад-ясли пришла в обеденный час собирающаяся вскоре уйти на пенсию женщина-надзиратель «с железным выражением лица» – седая и постаревшая, в рабочей телогрейке тёмно-серого цвета, – по словам окружающих, она проработала в этой должности всю свою трудовую жизнь. В коридоре был слышен мальчику её глуховатый распорядительный голос, мало напоминавший женский...

Опытным, годами выработанным взглядом надзиратель проверила меню за последнюю неделю и жёстко приказала, чтобы ещё слабого, перенёсшего голод и холод новогодних «праздников» малыша кормить строго по приказу, и пригрозила персоналу детского садика, чтобы всё записывали из меню, иначе все они будут наказаны за нарушение режима, вплоть до заключения под стражу...

Сам приказ был весьма жестоким: ребёнка рыбой не кормить, кисель с ягодами не давать, исключить сушёные грибы для грибницы, которой иногда кормили детей. На следующее утро из рациона питания был исключён ягодный кисель, варёная рыба, ягода, которая в те годы без большого северного завоза считалась по своим свойствам «лимоном северного варианта». Для одного ребёнка, у ко-

того уже прорезались зубы, никто отдельно, с урезанным рационом питания, готовить и не собирался. Сами воспитатели идти наперекор судьбе и надзирателям не хотели, ведь так можно было поставить свою семью под удар. Из дома ничего для малыша не приносили, поэтому душным и жарким вечером каждого дня давали чай, гарнир из картофеля и на этом обычно ограничивались, да и то кормили очень быстро и молодые воспитатели уходили домой или на танцы. В воскресные дни на обед давали то же самое и котлету из кручёной конины: она содержала в себе мясную болонью, которую ребёнок сначала тянул зубами, а затем с трудом разжёвывал и проглатывал...

После такого питания малыш долго вынужден был лежать, однако потом нужно было двигаться, чтобы сходить по-большому: ему об этом никто не говорил, но он инстинктивно всё это делал, топая ножками вдоль перил кровати.

Через две недели у ребёнка, от тельца которого исходил запах детской мочи и прокисшей пищи, высыпала краснота по телу. Воспитатели и няни долго спорили о причинах такого явления, а потом принесли из дома широкий алюминиевый таз, бывший в то время большим дефицитом, нагрели воды и помыли этого крепыша – первый раз за полгода. Он с удовольствием хлопал ручонками по приятной тёплой воде, радуясь и смеясь детским смехом, а у воспитательницы выступили скупые женские слёзы... Краснота на следующее утро прошла; однако за мальчиком так никто и не пришёл.

Лишь неразговорчивая няня несколько раз брала брошенного родителями маленького ребёнка домой к себе на субботу и воскресенье и, вздыхая от тяжести, несла его по зимней выюге, по сугробам, под кажущимся очень низким и тёмным с облаками небом. Ребёнок первый раз увидел

большие сугробы снега и пасмурное низкое зимнее небо, почувствовал на себе прохладный зимний воздух, ветер от вьюги, которую так часто слышал по ночам.

Няня попыталась убедить мужа взять ребёнка к себе в семью, однако он отказался усыновлять малыша, ссылаясь на то, что у того есть родители, которые живут в этом же посёлке.

«Я понимаю тебя, – обратился он к своей супруге, – что это хороший мальчик, но кто даст гарантию, что со временем он не уйдёт к своим родителям?..»

Мальчик слушал все эти рассуждения, стоя перед своими возможными «покупателями», и понимал, чем всё это может грозить для него, и жизнь с этого дня вновь оказалась такой неприветливой и жестокой...

На следующие субботу и воскресенье его уже никто к себе домой не взял. День был каким-то сереньким, и тёмный вечер нагонял такую тоску и одиночество, что мальчик почувствовал себя окончательно брошенным и долго вглядывался в лицо няни, которая брала его к себе домой прежде... Очень рано к ребёнку пришло осознание того, что он чужой и никому не нужен в этом мире.

Малыш очень хотел дождаться тёплого лета, о котором так часто разговаривали дети из небольшой старшей группы, – когда будет тепло и он, возможно, придёт к своим родителям в «гости»... Ведь если они не идут к нему, то он-то обязательно это сделает. Мальчик лишь интуитивно понимал, что идти до мамы и папы слишком далеко, и в который раз вспомнил, как мама носила его на руках по заснеженной улице и ему было так хорошо, как он даже представить себе не мог. Он закрыл глаза и прошептал: «Ма-ма...».

В конце марта из управления района пришёл отказ о невозможности распределить ребёнка в детский дом по причине того, что он – из семьи осуждённых за антисо-

ветскую деятельность спецпереселенцев. Вечером, когда за дочерью пришла его мать, заведующая детским садом, стоявшая возле окна и специально её поджидавшая, объявила взять мальчика домой и велела «не разбрасываться своими детьми». Она ознакомила «мамашу» с решением об отказе на устройство в детский дом из-за того, что семья была репрессирована, и все являлись осуждёнными, в том числе и мальчик.

Ребёнок стоял в кроватке и, волнуясь в ожидании предстоящей встречи, глядел во все глаза на приближающуюся свою и вместе с тем незнакомую почему-то маму. Он не видел её более полугода, но хорошо помнил её голос и воспринял её появление со сдержанной радостью, потянулся и прижался к ней: ему показалось, что он сейчас будет жить спокойно, ощущая близость родных ему людей. И даже ожидание домашней вкусной пищи давно куда-то провалилось, осталась только она – его мамочка с чёрными волнистыми волосами и быстрой походкой.

«Мама!», – воскликнул малыш, увидев свою маму, и протянул ручки навстречу ей.

Он ловил себя на мысли, что оставшиеся в памяти слова, брошенные воспитательницей, которой он от голода чуть не откусил палец, уйдут куда-то далеко-далеко.

На улице свежевыпавший снег создавал ощущение весенней свежести, а вечерняя заря радовала взгляд мальчика новизной и приятностью – ведь его несли домой, где он встретит отца, которого так давно не видел и не слышал.

На свежем воздухе ему стало совсем хорошо и он, почувствовав прилив сил и желания поговорить с сестрой, посмотреть вновь на тот дом и квартиру, постоянно ему снявшиеся, положил на дорогое сердцу материнское плечо свою курчавую неугомонную голову и затих...

С какой же тяжестью принесла мать «уже чужого» ребёнка в дом: она уже отвыкла от него, не навещала его девять или десять месяцев, не слышала того, как малыш начал говорить, а ведь он уже непроизвольно произносил слово «мама». Она положила ненавистного ребёнка на кровать, а тот, повернувшись, долго смотрел в сторону родного отца, который обрадовано сказал: «Ведь ты принесла домой нашего сына!».

Мама малыша промолчала, она не знала, умеет ли ходить её нежеланный сын или нет, а он, как будто читая её мысли, встал и смело пошёл по уже знакомой своей комнате. Ребёнок не был в доме восемь месяцев, но сразу узнал его – только была убрана детская кроватка, очевидно, за ненадобностью. Не умел малыш лишь по-настоящему смеяться и радоваться жизни, которой он и не видел.

Немного позднее, сидя на большой кровати, он картавя по-детски расспрашивал о чём-то свою старшую сестру, ухоженную и с презрительной улыбкой смотрящую на него, но затем, замахав руками, побил её. Подошла его мама с зелёными глазами и незнакомым сердитым голосом спросила, почему он это сделал. Мальчик ответил прямо – в своё время брошенный на произвол судьбы в детском саду, он учился говорить под голоса, исходившие из радиоприемника:

«Её оставили дома жить, а меня выбросили!»

«Будешь себя так вести, вновь окажешься там, где был!», – воскликнула мать.

После этого ребёнок затих, очевидно, уже представляя, что же его может ждать там, где он уже был.

Перед сном его посадили за стол ужинать, а он в год и семь месяцев хватал ручонками картошку в сваренном супе и ел, набивая рот, как зверёныш, не обученный людьми пользоваться ложкой при еде.

«Вот результат воспитания технички!», – как бы между прочим бросила фразу его родная мамочка.

Мальчик вспомнил своё присутствие у няни и ему стало по-детски обидно за неё.

Даже будучи взрослым, он никак не мог полностью избежать сложившейся в раннем детстве привычки. Он ел так, что пища почти не жёванной глоталась им, как это было в детском саду, когда ненадолго приходила няня в воскресный день, чтобы накормить: времени у неё как всегда было мало, и она торопила ребёнка с едой, чтобы побыстрее уйти к своему молодому мужу, а малыш оставался один в детском саду, брошенный всеми, в том числе и матерью. После столь быстрой еды ему становилось тяжело стоять, и он ложился к великой радости няни и тут же засыпал, спал обычно долго, просыпаясь с наступлением темноты, ему хотелось пить, но никто об этом не беспокоился, и он вновь проваливался в сон.

Сейчас же, находясь у родных родителей, о встрече с которыми он так долго мечтал, сквозь сон расслышал их разговор: мать убеждала отца в том, что она нарожает ему столько сыновей, сколько ему потребуется, а этого надо убить: «Он вырастет и тебе как отцу не простит ничего, и что ты ему скажешь, когда он подрастёт, а ты будешь старым и немощным?!».

«А когда и как это сделать?», – спросил отец.

«Ночью. Сделать вид, что он упал с кровати... и всё», – ответила мать, получившая знания в области ветеринарии в годы войны, когда она была направлена на краткосрочные курсы в Ханты-Мансийск.

Мать ещё раз взглянула на «чужого» ребёнка и вспомнила наставление Ульяны Петровны: «Наследство получает только первый... Помни, что у тебя наследство большое и передавать его придётся...», – надеясь на восстановление прошлого и утраченного богатства и как бы

предвидя события, которые произойдут через сорок лет, подумала она.

Мальчик повернулся, но никто к нему не подходил, чтобы уронить с кровати, и он тихо уснул в надежде, что никто ничего с ним делать не будет. А ночь забирала его в глубокий и сладкий сон и уносила здоровье малыша. Он спал безмятежно в своём, выстроенном дедом, Спиридоном Егоровичем, доме, который так ждал внука, начиная с его высылки в этот северный мир.

Эта ночь под лунным светом оказалась такой холодной и страшной: в третьем часу, когда все спали и дочь ничего не слышала, мать, откинув одеяло со спящего дитя, лежащего с краю на большой недетской кровати, взяла ненавистного ребёнка на руки лицом к себе и стала раскачивать его какое-то время, очевидно, размышляя, сможет ли она сделать задуманное... Неожиданно для мальчика, когда он проснулся, мать сделала резкое движение и уронила его вниз головой. Ручонки мальчика от удара головой об пол дернулись, в глазах вспыхнула теряющаяся искорка жизни. Закрытые в ночном сне челюсти заклинило, и они отдали лишь накатившейся болью в деснах и зубах и после удара сразу не раскрылись. По шейному позвоночнику молниеносно прокатилась волной неудержимая ничем боль. Звук удара головенкой мальчика об пол, как от куска мяса с костями, прокатился по всей квартире и был так неприятен, что у «отца» кожа на лице сжалась, но не было ни вскрика, ни просьбы о помощи... тогда бы, действительно, его просто добились...

В головке малыша мелькнула повзрослевшая мгновенно мысль: а стоило ли переносить всё то, что он пережил ранее в детском саду, в том числе и в голодные дни и ночи под новый год, может быть, проще было умереть или замёрзнуть раньше, как это сделал молодой серый волк, битый в итоге людьми...

Мучительно долго и медленно уходило сознание, он ещё силился что-то понять, но чёрная беззвучная темнота с накатившейся тошнотой и нехваткой воздуха затмила его сознание... Ручонки его ещё инстинктивно двигались к месту удара по голове, но потом расцепились... Сознание ещё какую-то долю секунды ощущало, что под левым глазом течёт кровь, но и оно мгновенно исчезло – наступила чернота и тишина. Трагическая драма выяснения отношения к жизни состоялась в минуты этой ужасной ночи, как передача эстафеты жестокого отношения к ребёнку со стороны родителей отца и родной матери – кровинушки главы семейства Лукояновых. Ведь Спиридон Егорович так и не дождался желанного внука... Его старшая дочь, подарившая миру новую жизнь, сделала всё, чтобы умертвить её, как ненавистное на свете существо рода человеческого...

Мать положила слабеющее тело ребёнка на кровать. Из левой ноздри курносого симпатичного носика медленно сочилась кровь, окрашивая рубашку и ручку малыша в ярко-красный цвет. Мать, посмотрев на отца, зло и безбоязненно, будто ей всё дозволено, сказала, что до утра ребёнок должен умереть... Накрыла одеялом умирающего в бессознательных судорогах «своего сына» и успокоилась.

Она сделала это так, как делали другие люди на полях, закрывая глаза умирающим в судорогах от тяжёлой работы ссыльным в присутствии злых и ненавидящих всех надзирателей.

Белая луна разливала по всей комнате свой безмятежный холодный свет, и её не удивляла жестокость и корысть людей, выросших в страшной смертельной схватке за выживание, обречённых на вечную ссылку. И смерть одного маленького человечка ничего не значила в мерцающей вечности звёздного мироздания, лишь зло и об-

разное жестокое восприятие мира накапливалось в самом доме и вокруг него. И слишком далеко от этого мира были звёзды, а вместе с ними и Бог.

Озеро Туман было тихим и беззвучным. Закованное в зимних льдах, оно как будто прислушивалось к тому, что происходило в квартире, очень знакомого ему, но умирающего теперь мальчика. Оно молчаливо сожалело о том, что не смогло забрать малыша в свои крепкие объятия летом в ту самую бурю, в которую они попали с семьёй при возвращении после поездки к родителям отца.

Временами к ребёнку возвращалось сознание, но он лежал под одеялом спокойно, без каких либо признаков жизни, не кричал и не звал никого на помощь. Очевидно, это и спасло ему жизнь. Иначе «родители», только слышав шум, просто добились бы его. Из-под плотного самодельного одеяла не было слышно детского дыхания и отец с матерью подумали, что ребёнок умер.

Ещё живой малыш лежал на кровати и задыхался от нехватки воздуха, но молча проглатывал сгустки накопившейся во рту крови. Ему было мучительно тяжело сознавать, что он ещё живой, а его могут добить.

Даже седой от времени Туман, находясь подо льдом, удивлялся тому, до чего может дойти выросшее в жестокости и без ласки поколение обречённых на пожизненную ссылку людей. Седой Туман как бы задумался над тем, что и его в природе боялись в ярости бушующих в летнюю пору бурь, но в продолжающемся человеческом безумии и жестокости последних десятилетий от рук самих людей погибло больше взрослых людей и детей, чем за многие столетия в бескрайних с белыми гребнями бегущих волнах водного великана.

О чём беседовали мать с отцом и спали ли они в эту ночь, или исполняли пожелание матери, никто не знает...

Наступило утро. Весенний луч солнца, лаская природу, коснулся земли, обозначив бездонную глубину северного неба, как будто оно было создано в тот период для холодных и уже неземных улетающих в небо душ.

Малыш слышал шумно разговаривающих «родителей» и слегка пошевелил ручками, но сделать глубокий вздох не смог, не хватало воздуха, левая часть головы отдавала ноющей болью. Он вспомнил ночное происшествие и страшной силы удар об пол...

Голос, очень похожий на отцовский, спросил: «Ты уверена, что он умер?».

«Да», – ответил голос его родной и любимой мамы.

Не успел ещё живой мальчик испугаться, как отдёрнули одеяло и оказалось, что ребёнок жив... Внешне удар проявился гематомой на голове и залитыми кровью глазами. Он часто дышал; казалось, каждое, даже небольшое движение причиняло ему нестерпимую боль. Однако ему от поступившего свежего воздуха стало сразу яснее видно мать-убийцу, зелёные ненавидящие глаза которой остекленело и с презрением смотрели на скованное от боли улыбающееся лицо малыша, как смотрят надзиратели на уничтоженного ненавистного заключённого.

Мальчик, постанывая, прошептал: «Мама», – ему хотелось пить.

Женщина, которая звалась матерью, пробыв в ссылке к этому времени уже семнадцать лет, видела много смертей, особенно много, когда ей было тринадцать-четырнадцать лет... Ведь это был 1937 год, когда рядом со всеми могла появиться одновременно новая жизнь – прямо в поле или дома, а другая – уйти из этого жестокого бесчеловечного мира, с той лишь разницей, что появлявшаяся жизнь благодарила всех за своё закономерное природное появление, ещё не осознав жестокости мира людей. Другая жизнь, цепляясь за её остатки, исчезала из безумного

мира планомерно и хладнокровно, как это часто бывало, надорвавшись при раскорчёвке леса. Если первая появлялась стремительно, возвестив о себе детским криком, то уходящая медленно теряла блеск жизни в глазах, которые чья-то натруженная и ещё любящая рука закрывала навсегда, а душа умершего ещё долго безудержно носилась где-то рядом в небесах, не смирившись с таким исходом. Смерть, никого не спрашивая, приходила во многие дома, к измученным от тяжёлого труда и отсутствия человеческой свободы семьям, по предписанию поставленных для этого людей и получавших дополнительную пенсию к концу своей жизни за эту «благородную» для них и «общества» работу, и они выполняли общественное поручение «добросовестно». Чувствовали себя эти «люди» уверенными в том, что они всегда и во всём были правы, выполняя столь нужное для общества «поручение».

Мальчик ещё не умел общаться с людьми и, не показывая свою накопившуюся боль, смотрел на свою мать, опасаясь, что его сейчас могут взять за ноги и снова бить головой об пол.

Мать, взглянув на сына, как добившийся своего желания надзиратель, хладнокровно и расчётливо бросила в неистовой злобе: «Не умер ночью, нам ещё лучше: умрёшь в детском саду – будет на кого свалить вину!». Она быстро, всем своим видом изливая накопившуюся злость на людей, особенно на мужчин, за многие годы, проведённые в лагерном режиме, подняла и посадила, затем одела ненавистного сына, которого она отвергла практически с момента его рождения: по сталинскому указу в стране было запрещено делать аборт. Причём ненависть к нему росла параллельно со временем, проведённым с ним: получалось, чем дольше она его видела, тем сильнее проявлялась ненависть к нему, и она с таким чувством в своей душе мирилась.

«Любящая мать», невзирая на причиняемую малышу мучительную боль от движений, видимую в его слабеющих полузакрытых глазах и в вялом несопротивляющемся теле, вытерла простыней алую детскую кровь, сочившуюся струйкой из левой ноздри. Мальчику не верилось, что его мама смотрела на него безжалостными зелёными глазами. Она сняла окровавленную рубашку с ребёнка, вытерла кровь, что была на ручке и возле курносого носика, затем бросила её в угол подальше от глаз посторонних, что могут прийти в дом, заменила её другой, взятой у дочери – больше для «любимого сына» у неё ничего не нашлось ни в душе, ни среди одежды. Мама отнесла малыша в полусознательном состоянии по лёгкому весеннему морозцу в детский сад-ясли, где постаралась быстро раздеть его и незаметно отпустить в группу. Сама так же незаметно вышла из детского сада и спокойно, не переживая ни о чём, направилась по широкой сельской улице в сторону дома, изредка перекидываясь житейскими фразами с проходящими знакомыми женщинами.

Ребёнок шагнул в группу смело, но от движений ему стало намного хуже. В таком состоянии ему необходимо было лежать не двигаясь, но о случившемся ночью никто из воспитателей не знал. Сестру в детском саду ребёнок уже не видел. Мальчик стоял, держась из последних сил, в описанных штанишках, которые для него с большим трудом нашла его мамочка. Держась ручонками за выступ стены, малыш от накатившейся боли ничего не мог поделать и описался несколько раз – именно это привлекло чуть позднее внимание воспитателей. Молчал он половину дня, глядя залитыми кровью глазками в неизвестность, пока воспитатели поняли, что произошло что-то очень серьёзное. Из носа ребёнка вновь стала течь струйкой алая кровь, а глаза были залиты кровью с утра, и казалось, что к вечеру на них не было чистого места – кровавые пятна стремительно увеличивались...

Вечером самочувствие ребёнка стало заметно ухудшаться, у него в глазах появилось ожидание продолжения попытки убийства: нет мыслей, скованы болью движения, нет желания идти куда-то по комнате и нет возможности сказать что-либо. Куда-то исчезла речь, был только страх малыша, которого ночью могут добить, и сказать об этом никому нельзя – убьют сразу. Всем остальным он просто не нужен был, ведь его же никто не взял в своё время на воспитание к себе в семью. Медленно подступала сильная тошнота, как будто что-то внутри ломало его и делало жизнь его бессмысленной.

Женщины с большим запозданием, как и рассчитывала мать, окружили мальчика и начали выяснять, что с ним произошло. Подошедшая за детьми «заботливая» мать заявила, что она взяла ребёнка таким, каков он есть. Заведующая закричала на мать и сказала, что все подпишутся и передадут дело в прокуратуру. Мать после этого, разговаривая с техничкой, раздосадовано сказала «честно», что не знает, что ей делать – ведь ребёнок упал с кровати. Техничка, у которой мальчику приходилось бывать дома, посоветовала обратиться к бабушке. И очень пожалела, что не усыновила малыша раньше. Однако от этих слов мальчику легче не стало: у него по-прежнему кружилась голова, его очень сильно тошнило, был полный упадок сил. «Любящая мама» внимательно взглянула на него и расчётливо подумала, что он, очевидно, долго не протянет – вот и все заботы снимутся, и пошла по улице в сторону дома.

Мрачная от услышанных от заведующей садиком обещаний, принесла мать ребёнка домой. Планы по избавлению от ребёнка не сбылись, и над самой матерью начали сгущаться тучи.

«Из-за него мне придётся сидеть в тюрьме! – испуганно кричала она, быстро шагая по комнате, поглядывая то на

мужа, то в сторону лежащего на кровати ребёнка. – И до чего я тебя ненавижу, и умер бы ты да побыстрее!», – воскликнула она, обращаясь к малышу.

А он молча лежал на краю кровати, и ему всё было уже безразлично. В положении лёжа не так сильно чувствовалась боль, и ребёнок притих, инстинктивно ожидая наступления своей смерти. Вечером мальчик с застывшей улыбкой смотрел на потолок, сил шевелиться у него уже не было: при движении в голове волнами накатывала боль и очень долго не успокаивалась. Малыш медленно впадал в какое-то не очень понятное для него состояние, когда его уже ничего не интересовало... Он лежал и слушал, как взрослые общались, ненавидя его, лежащего неподвижно на кровати и смотрящего в никуда. Он не мог встать, пройти по комнате, и даже произносить слова для него было мучительно тяжёлым делом. Жизнь в детском саду в минуты прояснения сознания для него казалась намного ласковее. Даже холодные и голодные дни и ночи, казалось, были намного теплее «материнской ласки».

Знал ли кто-нибудь из сотрудников детского сада, когда насильно вручили ребёнка «матери», что она с ним сделает, да и было ли кому-нибудь вообще интересно знать об этом. Люди вытолкнули в никуда красивого и здорового мальчика и всем от этого, очевидно, стало легче, так как не надо было беспокоиться о нём в воскресные дни: не было необходимости топить печь и кормить ребёнка... Каждый в этом мире знал своё место и боролся за своё относительно тёплое жизненное пространство. Очевидно, то же самое, как полагали все, произойдёт и в семье малыша: пошумят-пошумят ленивые родители и успокоятся...

По стечению обстоятельств, как будто кто-то сверху приказал, в село Леуши приехал известный во всей округе костоправ. Если бы он прибыл на три дня позже, вероят-

но, мальчика уже не было бы в живых. В нарушение всех инструкций по поведению осуждённых, мать под большим нажимом воспитателей понесла слабеющего ребёнка к нему – в надежде, что тот чем-нибудь поможет. Договорившись с руководством колхоза, часов в одиннадцать утра она двинулась по сырому весеннему снегу в Леуши. Было видно, что она заметно устала, так как носить на такое расстояние тяжёлый сверток ей просто не приходилось, но она упорно двигалась вперёд в резиновых литых сапогах, в которых очень быстро замерзли ноги. Прошла по маленькой дорожке, по ещё не вспаханному полю, слегка передохнула на лежащем стволе свежесрубленной кем-то берёзы и устало, ещё медленнее двинулась в путь по весеннему полю.

В тёмном, рубленном многие десятилетия назад, доме, куда принесла мать своего сына, было тихо, у самого окна стоял под покрывалом старый стол из кедра, сделанный ещё лет двадцать назад ссыльными. Незнакомый седой мужчина взял ребёнка и положил его на стол. Мальчик был почти в беспомощности. После осмотра костоправ стал категорически отказываться от своей помощи, так как считал, что ребёнок медленно умирает.

Малыш, лежавший на столе, смог чётко всё услышать. Он начал представлять себя в маленьком выстроганном гробике при похоронах в берёзовой роще на окраине посёлка, вот только головку у него постоянно сверлила мысль, что он так мало пожил на этом свете. Вся его борьба за жизнь на этом свете постепенно начала терять какой-то целенаправленный смысл. Ему представилась картинка: окружённый красивыми ярко-зелёными берёзами, лежал он в маленьком гробике из выстроганных досок и его почему-то никто не оплакивал... и вновь наступило беспомощность.

Мать упала на колени с просьбой хоть что-нибудь сделать, и пожилой мужчина рискнул. Сосредоточившись на выполнении сложнейшей задачи, он положил головку мальчика на махровое полотенце, измерил её ниткой, затем осторожными движениями начал слегка постукивать по головке, создавая условия для того, чтобы головка выровнялась, и мозг смог занять своё правильное положение. После двух или трёх постукиваний мальчику стало легче и он под руками лекаря, несмотря на шум и боль, понемногу начал дремать. Время тянулось медленно, у мужчины выступил на лбу пот, но руки, одеревеневшие от напряжения, продолжали своё дело, борясь за жизнь мальчугана, и усталый сединой мужчина добился поставленной цели. На лицо здорового некогда ребёнка вновь вернулся румянец, дыхание стало ровным и глубоким, но левый глаз остался залитым кровью и заметно косил.

Мужчина разогнулся, вытер полотенцем обильный пот на лице и, повернувшись к матери, сказал, что ребёнок будет жить, но глаза будут представлять большую проблему в течение всей его жизни, будет улучшение, но очень медленное... *(Забегая вперёд, скажу, что зрение начало восстанавливаться только через пятьдесят лет. – Авт.)* Возможно, у ребёнка будет частичное и временное выпадение памяти детских лет, но затем разовьётся феноменальная память на то, что придётся запоминать в настоящее время.

Мать, вздохнув, завернула спасённого в покрывало, снятое дома с кровати, и понесла его домой через окраину посёлка, через поле с появляющимися тут и там проталинами и стоящей в лужах талой водой. Идти было для матери с непривычки далеко и трудно: ведь им было запрещено ходить в Леуши. После нервного напряжения в душе наступило потепление, и всё же голову настойчиво

сверлила мысль о том, что её могут посадить в тюрьму за сотворённое над сыном злодеяние. Но слабая надежда, что её ненавистный сын поправится хотя бы временно, брала верх. Ей необходимо было переждать время, чтобы совсем по-другому осуществить задуманное.

Возвратившись в посёлок, она с трудом открыла низкую дверь своего не совсем тёплого дома и, сняв покрывало с малыша, опустила его на пол, чтобы убедиться, ходит он или нет – ведь в детском саду прежде всего спросят о состоянии его здоровья – и нужны будут доказательства.

«Как ты себя чувствуешь?», – спросила мама.

«Хорошо», – ответил мальчик, самостоятельно встал, потянулся, разминая слегка затёкшие ножки, и весело зашагал по знакомой комнате так, будто ничего и не случилось с ним в последние дни, он даже и не вспомнил об этом. Мать стояла возле двери и не знала, что ей делать – радоваться по этому поводу или плакать, ведь ребёнка, как она решила давно, всё равно придётся убирать из этой жизни, и он ей по-прежнему был не мил и не нужен. Верх взял прагматичный взгляд на жизнь: если что-то в жизни сегодня принесло облегчение, то это нормально, а завтра мы со всеми проблемами постараемся разобраться в совсем другой жизненной ситуации.

Пришла какая-то незнакомая женщина и спросила у матери: «Ты когда рассчитаешься с костоправом?».

«Не знаю», – ответила мама спасённого малыша, отвернувшись к окну.

Она так и не смогла рассчитаться с костоправом из-за отсутствия денег, даже отдав ему все сбережения, что у неё были в то время.

Через несколько дней в гости зашла та самая знакомая повитуха и, выражая своё сожаление матери по поводу того, что случилось с её сыном, попросила «пощады» для мальчика: «Мальчик же ни в чём не виноват...».

Но мать приняла её весьма холодно: «В жизни всякое бывает...».

Прошла неделя. Отец, видя непростое состояние матери, предложил сфотографировать детей вместе и показать тем, кто придёт проверять отношение семьи к мальчику. Привели ничего не понимающего фотографа, загодя мать что-то сшила для сына из одежды дочери, примерила единственную одежонку, сшитую на скорую руку, и попросила сфотографировать детей. Мальчик долго сопротивлялся, ему не очень нравилась эта затея, но резкий тычок в бок заставил его встать и засмеяться – смех сквозь слезы... *(Эта фотография уже более пятидесяти лет лежит в альбоме. – Авт.)*

Отец готовил своего сына к возможному визиту следователя и заранее как бы проигрывал возможные ответы под угрозой подзатыльника или повторения того, что уже было... Ещё через месяц того уже далёкого 1951 года пришёл следователь: низкого роста, в очках, он очевидно для проформы длительное время расспрашивал ребёнка, как к нему относятся. Ребёнок молчал, не зная, что ответить: сказать, что его бьют – значит ночью точно убьют, ведь следователь уйдёт, а ему оставаться... И он сказал так, как его учил отец. Через минуту он посмотрел в сторону отца и встретился с его твёрдым и приказывающим взглядом, молча опустил голову – этот взгляд ему ничего хорошего не сулил.

Длительная беседа представителя прокуратуры и родителей ребёнка закончилась безрезультатно ввиду того, что семья была ссыльной по ст. 58: никто серьёзно к этому не отнёсся, но переполоха для горе-родителей хватило на несколько лет.

Отношения сына с родителями так и не сложились: изредка всё же мелькало у малыша чувство того, что он на этом свете живёт без благословения со стороны прароди-

телей и родителей. Ребёнок оказался как бы между двух огней: с одной стороны – осуждённый вместе с родителями, с другой – нежеланный ребёнок в семье. Единственное, что давало положительные эмоции ребёнку – это неповторимая по красоте природа да общение с сестрой, которая знала, что может произойти с её братом, но молчала, предавая его на каждом шагу.

Отлогий песчаный берег у озера, как в Анапе или в Болгарии, и очень жаркое и продолжительное лето, когда можно было купаться и загорать длительное время – красив и неповторим был величественный Седой Туман в тихую погоду. Озеро как бы соединило в себе все земные прелести природы Севера – и воду, и зелень, и шум крыльев пернатых в осенний и весенний перелёт, и лосиные заплывы в узких местах, и рыба, в больших количествах плескавшаяся на мелководье в местах нереста.

По-летнему весенним вечером пришёл домой отец необычайно злой и ненавидящий всех, долго расспрашивал своего сына, вычлняя для себя что-то главное из того, что сказал мальчик. Затем, после разговора с матерью, подошёл к своему сыну и переспросил его: «Так кто тебя ударил ночью головой об пол?!».

«Мама, и мне было очень больно...», – тихо и безрадостно ответил мальчуган. И тотчас же получил сильный удар кулаком в область поясницы и по почкам. Поскольку спина ребёнка была небольшая, то кулак пришелся во всю её ширину, и ребёнок с остановившимся дыханием повалился на брошенную возле печи фуфайку и замер там. Глаза его застыли на минуту, потом он вдохнул воздух и вдруг почувствовал, что ноги его стали тяжелыми. А отец, глядя в сторону матери, хладнокровно произнёс слова, которые, как огонь, обожгли ребёнка: «Пусть умрёт медленно, тогда никто нас ни в чём не обвинит».

И всё это произошло через неделю или две после прихода представителя из прокуратуры, который пытался разобраться с предыдущей попыткой матери убить мальчика.

Ребёнок обвёл взглядом стены дома и попытался вспомнить, как отец перед появлением представителя прокуратуры просил сына рассказать тому, что живётся ему хорошо и что никто его не обижает, а на самом деле всё получилось наоборот.

Вот сейчас действительно он был лишним в этом мире, первую попытку его убить сделала «мать», через месяц-другой – «отец». Только убийство готовилось более хладнокровно, под наставления «матери». У ребёнка навернулись слёзы, в ужасной ситуации в голове витали довольно взрослые мысли, забирая последние жизненные силы сегодняшнего дня; правый бок постепенно немел, внутри что-то набухло и мешало повернуться со стороны правой руки. Он посмотрел слабеющим взглядом на то место, где он лежал на лавке возле стола, и перевёл взгляд на железную печь, которую родители безуспешно пытались разогреть в лютой зимний мороз, и подумал, что именно здесь ему придётся умирать, потому что на лавке перед столом его оставлять никто не будет. Кто же поможет ему остаться в живых? Прокуратура с родителями почему-то разбираться по-настоящему не хочет, а родители ежедневно делают попытку убить его. Он закрыл глаза и от упадка сил провалился в безмолвное царство сна.

Туман шумел и пенился гребнями сердитых волн целые сутки, вышлёвывая на берег следы своей ненависти к человеческой жестокости и, словно задыхаясь от собственного бессилия и внутренне не согласившись с судьбой мальчика, медленно затих под утро, успокоившись лишь на время. Туман как бы осознал, что и он не был в этом мире таким добрым, как хотелось бы. Довольно часто те,

кто был нерасчётлив в своём решении переплыть его, не добирались до пункта назначения либо не возвращались обратно никогда.

Наступило пасмурное утро: солнце с нежеланием показывалось из-за облаков. Потянувшись, мальчик попытался размять ноги возле печи, куда его положили поздно вечером, но ноги ему не подчинились. Сердце его заколотилось, а в глазах промелькнула устрашающая мысль о том, что даже не мать, а отец может его убить.

Сестрёнка увидела, что мальчик не может встать, подошла поближе, высказалась: «Ну что, допрыгался, доболтался о том, чего говорить нельзя!».

Мальчик лежал и размышлял о том, чего говорить нельзя, а что можно, тем более что с ним на эту тему никто не разговаривал никогда за все месяцы брошенного состояния, в котором он был в детском саду. Мальчик с усилием перевернулся и посмотрел ещё раз на то место, где ему суждено было, медленно мучаясь, умереть – это была брошенная на пол обычная рабочая фуфайка. Он не знал, радоваться ему или нет, что наступит момент, когда он не будет мучиться от боли под ударами отца, и его не возьмут за ноги и не ударят головой об пол, но это будет финал, избавляющий его от страданий...

Он посмотрел уставшими от жизни глазами сначала на «отца», затем на «мать».

Вся семья сидела за столом, лишь только отверженный мальчик лежал голодный и смотрел на них с простым желанием точно так же занять место среди них.

Мать не разрешила его покормить: «Зачем это делать, ведь он всё равно должен умереть и чем раньше это произойдёт, тем лучше».

Из-за скудности питания или его полного отсутствия по желанию матери после удара отца он не ел двое суток: сначала не хотелось, а потом пищу просто не давали,

а он не мог дотянуться до неё, ведь его ноги мертвенно лежали на полу без признаков какой-либо двигательной способности. И никому, даже тем, кто вернул мальчика в семью, и в голову не приходила мысль, прийти и посмотреть, как живёт возвращённый насильно родителям ими же выхоженный ребёнок. Его не кормили, и он, переложённый ближе к холодной железной печке, лежал и голыми глазами наблюдал, как мать с отцом и сестрёнкой завтракали, ничего не давая ему. Он думал о том, что смерть, возможно, наступит намного раньше от голода и упадка сил, избавив его от мучений. Он вновь вспоминал новогодние «праздники», когда он замерзал от голода и холода в детском саду. Однако детский организм, перенёсший такие испытания, всячески сопротивлялся этому и непроизвольно распределял силы сам.

Через два дня зашла соседка по каким-то вопросам, однако взрослых в доме никого не оказалось, и она с удивлением спросила у мальчика о том, почему он лежит здесь такой бледный и описавшийся. Мальчик, плача, сказал, что он не помнит, когда в последний раз его кормила мать и что его сильно ударил отец, и у него сейчас нет сил, чтобы встать, а ноги его не слушаются, и показал на опухший бок. Малыш помнил лишь то, что часа через два пришла соседка и долго ругалась с матерью и тоже пообещала передать дело в прокуратуру, как это было в первый раз, а если мальчик умрёт, то отца обязательно посадят за убийство, тем более что он был свободным человеком, а не ссыльным.

Мать принесла ему кашу и, морщась, начала кормить его с ложки. «Пусть ест и как можно больше», – сказала она. Однако мальчик много есть не стал, не было аппетита, к тому же он помнил высказывание няни в детском саду, что после голодовки есть много нельзя. И вновь появились спазмы в горле, скорее всего, от понимания того,

что его кормят для того, чтобы при удобной ситуации «убрать». Силы вновь стали покидать его, и он потихоньку уснул, слегка наклонив курчавую головку. Ему действительно хотелось спать и уйти временно от жестокости нахождения в его родной семье – он устал размышлять, уже не по-детски делая выводы.

Так мальчик познал к себе родительскую «любовь» как к сыну-первенцу в семье. «Любовь» эта была настолько обильной, что у ребёнка после крепкого и продолжительного сна сложилось мнение, что он вряд ли останется в живых.

Через день после прихода той шумной женщины его на руках принесли на берег озера. Постелили покрывало, поставили рядом бутылку молока и оставили возле играющей внизу под десятиметровым обрывом детворы подышать свежим воздухом на весь день. Сестра ушла куда-то и очень редко показывалась возле мальчика, ей не очень-то хотелось быть рядом с «братом», обречённым на смерть по желанию родителей, – по поведению было видно, что она прибежала, чтобы посмотреть на горе-брата и затем всё рассказать матери – вполне очевидно, что её этому научили.

Мальчик, лёжа на берегу, с большим сожалением для себя рассматривал купающихся детей и думал о том, что он не сможет больше подняться и пойти по берегу, и в головке вновь промелькнула коварная мысль: неужели это на всю жизнь. В глазах мигал какой-то красный цвет – то ли от обиды на жизнь, то ли от удара по пояснице. А ведь совсем недавно он мог бегать, по-детски переставляя ножками.

Затем наступили очень жаркие и почти без ветра дни: от повышенной влажности и стоящей африканской жары мальчику казалось, что он периодически куда-то глубоко проваливается, затем словно в тумане показывалось лицо

его сестры, стоящей совсем рядом. Мучительно болела голова, в горле пересохло, не было сил даже перевернуться, потом всё кружилось перед глазами и куда-то исчезало...

Когда стемнело и вечерний бриз принёс с озера прохладу, пришла его мама, взяла «своего» сына на руки, а он опустил нещадно болевшую головку на её плечо. И не было ни слёз, ни просьбы о пощаде – он уже тогда понял, что просить было бесполезно после того, что папа и мама сделали с ним...

«У тебя болит голова?», – спросила у мальчика мама.

«Сильно трещит», – прокартавил тот.

Больше мама ни о чём не спрашивала его.

Лежавшему на берегу мальчику, искалеченному отцом и матерью, очень хотелось, как впрочем и всем детям, жить, а в данную минуту ещё и кушать. Об оставленной бутылке молока ему никто ничего не сказал, и он голодным лежал на земле ещё двое суток. Поздним вечером за ним приходила мать с любимой дочерью и на руках относила домой слабеющего от голода и болезней... Было видно, что некогда вполне здоровый ребёнок начинал увядать: щёки побледнели, заметно стал убывать в весе, очень мучила жажда, но пить в первые три дня нахождения на берегу никто не давал. Он смотрел голодными глазами на бутылку молока и кусок чёрного хлеба, но дотянуться до них так и не смог.

Пронизывающий холодный ветер периодически налетал с озера и заставлял всех пригнуться и уйти домой, но его брать было просто некому, родители работали целыми днями по распорядку для спецпереселенцев с раннего утра и до позднего вечера.

Уже в сумерках его принесли домой, и он инстинктивно схватил своей ручонкой ковш, в котором осталась прохладная вода и стал жадно её пить. Увидев это, взрослые впоследствии стали поить ребёнка водой перед тем, как унести на берег, и после – по возвращении домой.

К концу третьего дня подошёл какой-то мальчуган и, поняв, что ребёнок хочет есть, а дотянуться до еды не может, открыл бутылку молока и подал хлеб. Увидев, с какой жадностью ребёнок ест, показал ему на растущие рядом одуванчики и сказал, что они съедобные, после этого быстро ушёл куда-то, очевидно, опасаясь родителей. Мальчик видел его ещё один раз, когда он очень хотел подойти к нему и помочь раскупорить бутылку, но в это время подошла его мама и, глядя на искалеченного ребёнка, забрала его, сказав на прощание: «Здесь умирает мальчик, и нет необходимости тебе на это смотреть». Она ушла, забрав с собой сына... Никто не принёс даже бутылочки молока и не накормил малыша, лежавшего на земле и из последних сил тянувшегося к траве, чтобы хоть как-то утолить голод...

* * *

Через пятьдесят три года он встретился с этой женщиной и на вопрос: «Так это вы были тогда на берегу со своим сыном в 1951 году, когда я лежал там с отбитыми почками и ножками?», – она ответила: «Нет, меня в это время в посёлке не было».

«Вполне возможно и было так, вот только уж очень редко в жизни меня подводила детская память», – подумал уже совсем седой от прожитых лет и переживаний мужчина.

* * *

Одуванчики росли рядом с покрывалом, на котором сидел ребёнок, и он своими маленькими ручонками дотянулся до них, сорвал и с жадностью съел, причмокивая от сока на губах. Одуванчики показались такими сладкими и ласковыми при касании, что ребёнок тянулся к ним до тех пор, пока одна из его ножек не дернулась. После

этого от появления лёгкого ощущения сытости за последнюю неделю он уснул на холодной земле.

Проснулся от переохлаждения: всё его тело трясло от холодной волны, приходившей к нему от земли, да и сверху было не теплее – подул пронизывающий северный ветер, однако к нему никто не подошёл, чтобы переложить его на покрывало или же унести домой. Ветер успокоился лишь поздно вечером, когда ребёнок уже с большим трудом разгибал пальцы на руках.

Мальчику стало обидно за себя, и вновь появилась какая-то собранность в силах. Он начал упорно делать попытку покачивать ногой, силился сделать движения кончиками пальцев – так у него на правой ножке появилось едва заметное движение, а через несколько дней начала шевелиться левая нога, но очень слабо, временами мальчику казалось, что она так и останется либо полусогнутой, либо просто без движений. Он делал попытку подняться, но валился, как подкошенный, на траву и долго лежал, потом вновь пытался подняться, с силой отталкиваясь от земли, и вновь падал.

Никто не подходил – его просто оставляли одного на берегу, даже если там не было никого из детей, и уходили от него прочь. И в этом, очевидно, был смысл – сделать всё, чтобы жизнь ребёнка стала ещё короче. Все, кто из любопытства приходил домой к горе-родителям, не могли видеть мучения мальчика, значит, не могло появиться на некоторое время очередных сплетен в посёлке. Мать, очевидно, побаивалась прихода людей из прокуратуры и всячески подталкивала отца на убийство.

По прошествии многих лет возмужавший мальчик постоянно задавал себе вопрос: что же толкало отца на попытку повторного убийства своего первого официального сына – и ответа внятного так и не смог найти. Сестра

рассказала о том, что брат стал двигаться и делать движения ногами, а мать, «улыбнувшись», «пожелала», чтобы он быстрее поднялся, опасаясь за судьбу своего мужа.

На другую сторону поросшего кустарником лога несколько раз приходила погулять влюблённая пара. Парень и девушка медленно двигались и разговаривали, увлечённые друг другом. Руки молодого парня неоднократно прикасались к чёрным волосам молодой девушки, лежавшим на плечах и свисавшим до пояса. Мальчик не видел таких отношений между людьми и такого красивого женского платья. Он лежал, затаив дыхание, и любовался распустившимися розовыми цветами шиповника и прикосновениями друг к другу молодых... Когда они поднялись из весенней травы, то увидели малыша. Женщина подошла к нему и взяла за ручку тёплой ласковой мягкой рукой.

«Мы слышали, что где-то здесь лежит какой-то больной малыш, но что именно здесь – никто бы не подумал...», – произнесла молодая женщина и долго ласкала рукой курчавую головку мальчика, пока тот не уснул.

* * *

Через пять лет, в 1956 году, он увидел её вместе с женщинами, работавшими на пшеничном поле неподалёку от дома, с серпом в руках, а его мама работала продавцом в сельском магазине. К той молодой женщине пришли двое маленьких чисто одетых и хорошо накормленных детей. «Мамочка, мамочка», – протянула ручки к ней младшая дочка... Было видно, что женщина по-матерински очень любила своих детей.

Другая завистливая женщина бросила вслед отошедшей в сторону женщине фразу: «Ну вот и любовь, наверное, прошла, смотри на неё, как она красоту-то сбросила, работая на поле от зари до зари. Того и гляди, муж от неё уйдёт...».

«Да замолчишь ты, язва на чистом теле, – прищыкнула на неё женщина, отдылавшая в перерыве от работы, и тут же добавила: и так жизнь не сахар, да ты ещё соли подсыпашь!..»

* * *

Каждый день малыша с отбитыми ножками стали выносить на берег, а он делал попытку поползти до дороги и с усилием ставил свои ножки на землю. Ноги плохо слушались и двигались с трудом – казалось, это было выше возможностей мальчика, но он упрямо продолжал делать движения ножками, словно чувствуя, что это позволит вскоре встать во весь рост.

Молоко, которое в бутылке оставляли рядом с ним, было надёжно закупорено пробкой и не всегда удавалось пальчиками и зубами открыть её. Слабенькими ручонками мальчик рылся в земле и доставал корешки одуванчиков, а затем съедал их стебельки. Он распознавал съедобные травы, пробуя их сок языком, – инстинктивно, как это делают маленькие медвежата в дикой природе.

Как-то, придя на берег, мать увидела, что бутылка с молоком не была раскрыта, а ребёнок почему-то не просил так сильно кушать, и спросила у малыша, что же он ел, а он показал на одуванчики, которые возле него были все съедены. Пришедший отец посмотрел на своего нежеланного отпрыска, переспросил у матери, что же его горе-сын ест, и мать объяснила ему всё.

Несколько раз малыш пытался двигаться в сторону дома, получалось очень плохо, иногда падал на землю, как подкошенный, не успевая подставить ручонку, ударялся, плакал от пронизывающей боли в пояснице и ушибленной ручке, снова поднимался и делал это до тех пор, пока его обессиленного не подбирали поздно вечером или ночью родители. Отец даже ни разу не вышел посмотреть на результаты своего удара.

Грязными ручками он перебирал траву для еды, чувство голода у него было всегда, да и досыта он никогда не наедался. Его никто не мыл вот уже несколько месяцев. За время, проведённое на берегу, он обветрел и сильно загорел, лёжа под испепеляющим солнцем. Временами от перегрева под солнцем у него болела голова и пересыхало во рту оттого, что он не мог ничего попить в такую жару. Летние дни были очень жаркими: казалось, воздух не шевелился; в такую погоду вдоль берега беззвучно летали стрекозы и кружили стрижи.

Несколько раз он, перекачиваясь по земле, попадал в критическую зону возможного падения с обрыва, однако какая-то непонятная сила вновь и вновь вытягивала его оттуда... Однажды это произошло на глазах остолбеневшей от испуга сестры, которая тут же убежала домой, чтобы доложить об этом матери. Но когда та пришла, мальчик был уже на прежнем месте.

Летние ночи на Севере больше похожи на слабые сумерки, поэтому мальчик иногда с большим трудом ориентировался во времени. Каждый день расстояние, на которое передвигался от края обрыва в сторону дома, всё увеличивалось, и наконец он дошёл до дома, в котором появился на свет, в котором его столько раз пытались убить, но необъяснимая природная сила всё тянула его в сторону дома, где ему подарила жизнь его «мама», даже если там его поджидала смертельная опасность.

Поздно вечером к «великой радости» его «мамочки» он с огромным трудом и со слезами на глазах инстинктивно добрался до его родного дома, где он появился на свет и где от него пытались уже несколько раз избавиться. За всё время к нему ни разу не пришёл врач. Мир жил своей размеренной жизнью, лишь длительное присутствие больного мальчика на берегу изменило маршруты хождения на купание детворы, да взрослые обходили это место сто-

роной. Все они в разные периоды своей жизни привыкли к жестокости и гибели окружающих, и поэтому всё это было обычным явлением. Умрёт мальчик – меньше забот всем, выживет – будет хлопотно родителям, а в общем-то ему же и будет хуже на этом свете... Скорее всего, именно таковы и были рассуждения взрослых людей.

Озеро вновь задышало холодом, задул северный ветер, и в ближайшем логу вновь зашумели берёзы.

На восстановление способности ходить мальчику потребовалось много времени: он потерял способность ходить, когда проходил последний лёд на озере, а начал ходить, когда всё давно отцвело и стало совсем тепло – летом. Скорее всего, это был июль с его уже потемневшими ночами.

На следующий день после самостоятельного возвращения домой никто его никуда не понёс и было предоставлено право двигаться туда, куда он захочет. Недели через две он смело пошёл своими ногами, и чем больше было зелени перед домом, тем твёрже и увереннее становились его шаги по земле, и рахит отступал – на удивление матери. Но голову ему настойчиво сверлила мысль: что же он будет есть зимой, которую он с большим трудом представлял – ведь не будет того, что он ест сейчас. В семье надеялись, что ребёнок, не нужный родителям, не выживет, но этого не произошло уже в который раз.

В это лето они с сестрой облазили все близлежащие к дому лога. Брат искал по интуиции съедобные корни, например, шиповника. Он рыл землю слабыми пальчиками, рвал тонкие, не слишком упругие корни и тут же их съедал (даже не спрашивая мать, можно ли это вообще есть или нет), ел молодой лист каких-то трав, как потом оказалось – съедобных, так что к вечеру живот мальчика заметно увеличивался в размерах. Именно это вполне очевидно добавляло свет в его глазах, придавало сил и

постепенно восстанавливало внутреннюю энергию организма.

Мать не всегда спрашивала о том, ел ли он, и сына это устраивало: чем меньше его что-то касалось, тем больше было шансов, что он останется живым. Из-за удара отца кулаком по спине у мальчика стала периодически вываливаться прямая кишка, и тот падал на землю от боли. Сестра, увидев такое, тут же бежала за матерью, которая управляла повреждённый орган.

После столь жестокого потрясения мальчик стал более закрытым и не пытался первым заговорить с кем-либо, даже с сестрой, ведь именно это побудило отца сделать попытку убить его, так как он мог сказать людям, заходившим в гости, правду, особенно о матери. Его окружали всегда в том месте, где появлялись посторонние люди, заранее предупредив о том, что если он скажет кому-либо о чём-то, его просто убьют.

В ясные дни с самого утра мальчик уходил на берег Тумана и рассматривал своими дальнотзорными глазами клубящийся вдали из леса дым – то горели леса с первоклассной кондинской сосной; иногда дым виднелся месяцами, и по дыму было видно, в какую сторону двигался фронт пожара. В половодье уровень воды был настолько велик, что свались мальчик под обрыв – выбраться ему практически не представлялось возможным, тем более что вокруг никого не было.

Иногда можно было увидеть, как через лог крадучись приходили три одинокие молодые женщины, одетые в чёрное, и за поворотом обрыва, зайдя в воду, ставили сети, после чего долго отсиживались в кустах. Часа через два снимали свои снасти так же без лодки, бродом по пояс в холодной воде, затем разводили (правда, не всегда) костёр из сухих веток, – чтобы не было дыма, – и варили уху и даже пекли рыбу на углях – и только после этого исчезали быстро и незаметно.

На другой стороне озера по-прежнему бушевали лесные пожары, которые тушила сама природа, поливая землю и растительность ливневыми дождями.

Однажды, когда дети играли на улице и босыми ножками касались бархата зелёной стелющейся по дороге травы, из дома вышли, пообедав, мать и отец. Мать шла в невысоких чёрных туфлях и вдруг резко отскочила в сторону: из травы показалась большая голова гадюки, примерно такой, какую ребёнок мог наблюдать, находясь в гипнотическом шоке, брошенный на произвол судьбы на Бронниковских пашнях, при возвращении родителей после поездки в посёлок Луговой к родителям отца. Шедший рядом с матерью отец был в хромовых сапогах и тут же с силой принялся топтать змею, которая, открыв жёлто-розовую пасть, стремилась из последних сил сделать ему смертельный укус. Как будто кто-то свыше преподнёс самой матери точно такое же испытание, какое она пожелала своему беззащитному тогда грудному сыну, которому в то время на помощь никто не пришёл бы. При возвращении через некоторое время убитой гадюки на месте уже не оказалось.

Мать всегда говорила о том, что в этой квартире для семьи очень холодно в лютую зимнюю стужу и им необходимо поменять жильё на более тёплое. Но ещё холоднее было отношение матери к родному сыну. Когда необходимо было заполнить обычную амбарную книгу для регистрации тех, кто проживает в доме, она это выполнила, записав усыновленной дочери для отца фамилию имя и отчество, а родному по отцу сыну записала только имя и год рождения. *(Только спустя десятилетия повзрослевший и поседевший раньше времени наш герой найдёт всё это в архиве Кондинского района – в записях амбарной книги посёлка Лиственничного. – Авт.)*

Тем же летом вся семья переехала в большой высокий дом: в нём было три квартиры, рассчитанные, соответственно, на три семьи. В тридцатые годы здесь жили в основном дети родителей, погибших на раскорчёвке леса, от болезней, расстрелов после побега; колхоз и колхозники помогали им подняться. Частенько заходили женщины и помогали приготовить пищу, сделать уборку, однако родных родителей никто, естественно, заменить не мог. Без улыбок и без радости дети посещали школу, а многие, повзрослев, ходили на работу, зарабатывая свои трудовни. Многие из них по возрасту в военные годы были призваны в армию и обратно не вернулись, да и возвращаться им просто было некуда...

От дома веяло одиночеством, голодом, но было в нём тепло и по-своему уютно... Семья занимала среднюю, самую тёплую часть дома. Окна квартиры выходили на улицу и смотрели на южную сторону. Большую часть дня ласковое солнце светило в окно, обогревая своим светом детей, сидящих целые дни в одиночестве и без призора: родители в это время находились по приказу на работе в колхозе. Убранство квартиры было настолько скудным, что его едва хватало на самое необходимое в их лагерном пребывании на спецпоселении.

Родители с раннего утра и до позднего вечера работали в колхозе, отец – на маслозаводе. Сестра была устроена в детский сад, сына никто устраивать не собирался и он проводил время, сидя на земле возле дома.

Однажды супруга первого свободного специалиста в колхозе, агронома, – Зоя Ильинична Струженко – увидела, как ребёнок, проводя ручкой по траве, сорвал выбранный вид травы и будучи голодным съел его, затем потянулся за лебедой, выбрал невысокий стебель и сжевал его, как сорванный в огороде огурец. Женщина удивилась тому, насколько знающим оказался мальчик, которому

шёл всего лишь третий год от роду. «Значит, это было уже не первый раз, когда он от голода ел траву в летнее время, – подумала она, молча подошла к ребёнку и взяла его за руку. – Пойдём со мной, я тебе дам чего-нибудь вкусенького», – и повела голодного мальчика к себе в квартиру. В ней было тепло и уютно. От вкусного запаха мальчик глотал слюну. Ему вымыли руки, положили на ноги и грудь светлую тканевую салфетку, что было впервые в его непродолжительной жизни, дали алюминиевую ложку. Он ел быстро, боясь, что всё это скоро отнимут, и глотал пищу почти не прожёвывая. Женщина стояла рядом, и по её щекам текли слёзы. После того как хозяйка убрала со стола алюминиевую миску военного образца и подала второе с подливом, малыш оторопел от неожиданности и любопытства: он никогда не ел за обедом первое и второе блюда, а всегда лишь доедал оставшееся на столе... И тут заговорил радиоприёмник, диктор произнёс знакомую уже ребёнку фразу: «За детство счастливое наше – спасибо, родная страна!..».

Около недели мальчика в обеденный перерыв кормили так, что на его лице стал появляться румянец, понемногу стала уходить синева под глазами, но он так и остался от непостоянного и неполноценного питания разбухшим и выглядел тяжеловесным для своего возраста. А затем пришла надзиратель и категорически запретила женщине кормить ребёнка. С этого дня он постоянно ел траву, в изобилии росшую рядом с домом. Женщина стояла на летней веранде, смотрела на «занятия» мальчика с сожалением и с презрением думала о «человеке», который настрочил донос...

По осени стало рано подмораживать. Поле возле дома долго стояло необраным; и по первому лёгкому снегу пришли женщины, серпами вручную сжали пшеничное поле, после этого связали снопы, которые стояли почти

касясь друг друга. Было интересно наблюдать за происходящим со стороны, любуясь слаженной работой женщин. Через неделю выпал снег, и снопы стали завозить и складывать в скирды возле молотильного агрегата. Рядом с домом выращивали картофель; но когда выпал снег, дети увидели, как хозяева, не успевшие выкопать картошку, доставали клубни из-под снежного покрова. Всё свободное время, которого было так мало, они стремились добыть мёрзлый картофель – ведь впереди была зима, и каждый опасался наступления голодных дней, столь знакомых по тридцатым годам периода коллективизации.

Именно тогда дети переболели корью, сестра в тяжёлой форме, мальчик – в лёгкой. Всё лечение основывалось на естественных возможностях организма. Пришедшим фельдшером сестра была отнесена к категории безнадежных. Именно поэтому мальчику приходилось дежурить возле неё почти по двенадцать часов в сутки, так как родители находились на работе по принуждению (бригадир постоянно приходил и предупреждал родителей о том, к чему может привести невыход на работу). И только то, что мальчик постоянно отпаивал её отварами, спасло ей жизнь. Однако она в обозримом будущем не ответила ему на эту доброту.

Пришла настоящая, тёплая и долгожданная весна 1952 года. В семье внешне всё успокоилось, однако ребёнок заметно похудел, ноги его покосились от недоедания, рахит по-прежнему его преследовал. Не хватало витаминов, и мальчуган словно понимал, что именно родители ему чего-то недодавали в питании.

Стаял снег, по реке пошёл лёд, и на мелководе, где глубина не составляла более десяти-пятнадцати сантиметров, в рано прогретой солнцем воде купались ребяташки. Удивительно выглядела даль, где перемешались

снежные льдины и переливающаяся перламутровым блеском весенняя вода. А на мелководье в золоте намытого песка плескалась на нересте рыба...

Именно этой весной у ослабевшего от недоедания и перенесённой болезни мальчика пошли нарывы на голове, но никакой медицинской помощи ему не оказывали. Когда об этом заговорил отец, мать ответила ему: «Пусть будет так, как распорядится сама природа, ничего делать я ему не буду». Хотя, безусловно, она что-то и могла сделать, имея минимум медицинских знаний по ветеринарии.

Мальчик едва остался жив и не умер от заражения крови, когда лицо было разбито ударом мяча играющими на улице детьми. Сильная, молниеносно пролетевшая по лицу боль заставила его наклониться, и тут же из-под прорванного кожного лоскута, свисавшего с виска, потёк зелёный, дурно пахнущий, застоявшийся в ране гной, затем через секунду лопнул лицевой гнойный нарыв, и коричневая масса тоже потекла к земле. Играющие с мячом дети от испуга разбежались кто куда, а малыш стоял на ногах, склонившись набок, и не знал, что же делать дальше. Неожиданно для него подошла мать, взяла его руку и повела домой, где его, теряющего сознание, уложила спать. Через час он проснулся оттого, что кто-то его будил – это оказалась подобревшая почему-то мама. Он увидел её такой первый раз в своей осознанной жизни, вот только выразить свои чувства не умел: любви и ласки, добрых слов он, к сожалению, не знал. Его даже по голове никто не гладил за все эти годы. Мать подняла его на ноги и обработала рану стрептоцидом, что и спасло ему жизнь.

Когда мальчик через некоторое время вышел на улицу, многие из окружения его сверстники смотрели в его сторону с большим удивлением. «Неужели он так быстро поднялся?!», – воскликнула соседская девочка.

Через несколько дней они вместе с сестрой и остальной детворой сидели на обрывистом берегу Тумана и смотрели вдаль: где-то здесь должны были провести на моторной лодке прокурора района в посёлок Нахрачи (ныне – посёлок Кондинское. – *Авт.*) после неприятностей в селе Ягодном, и все ждали, чтобы непременно это увидеть. Накануне поздно вечером после работы отец рассказал матери историю с прокурором района.

Хромой и без того обездоленный мужчина, работавший прокурором, был вреден в поведении и зачастую никто не рисковал оспаривать уже принятое им решение, на чём он и получил конфуз при инспекторской проверке (согласно поступившей жалобе) правильности использования труда заключённых-спецпереселенцев в селе Ягодном. Прокурор, слегка прихрамывая и пытаясь держать себя намного достойнее, чем мог быть на самом деле, двинулся к центру селения, где ребятишки гурьбой гоняли сшитый из тряпок мяч. Как обычно, козёл Петька, слывший в округе драчуном, был привязан к высокому столбу, стоявшему в центре посёлка и использовавшемуся в особо торжественных случаях совсем для других целей. Возмутившись таким положением дел в центре селения, прокурор приказал не терпящим возражения тоном отвязать скотину, освободив столб. Ему попытались возразить – дескать, козёл этот очень дикий и неуправляемый. Однако прокурор был настолько бескомпромиссен в стремлении добиться выполнения своего решения, что все были вынуждены с ним согласиться. Спецпереселенцы попросили всех ребятишек, что были поближе, разбежаться кто куда сможет. Козёл Петька, оказавшись на свободе, опустил голову, чтобы напиться из дождевой лужи и увидел впереди себя страннодвигающийся объект, который то подпрыгивал, то опускался вниз, словно дразнил его. То был хромавший прокурор. Такого положения

козёл никогда безобидно не переносил и, разбежавшись, резко и сильно ударил хромого прокурора ниже пояса сзади по мягким местам. Взвизгнувшего прокурора от удара приподняло и бросило вперёд в большую лужу. Ещё до конца не почувствовав боль, прокурор вскочил и заорал что есть мочи: «Привязать это дикое животное!». Все отпрянули: ведь каждый мог быть наказан за поведение козла-драчуна, и поэтому люди молча следили за тем, как председатель колхоза Кузьма Чечетин³¹ помогал пострадавшему подняться и усесться в телегу, где он, постепенно опускаясь, очевидно преодолевая боль, принял горизонтальное положение. Сильный удар, перенесённый им, сделал невозможным дальнейшее инспектирование не только шестого посёлка, но и всех семи вместе со спецпереселенцами. Комендант посёлка Ягодного Степан Пактусов, дал прокурору в качестве обезболивающего стакан чистого спирта. *(После того как был прекращён срок действия спецпоселения, Степану Пактусову не была предложена работа ни в районном, ни в окружном центре в органах внутренних дел, – очевидно, зачли определённую слабость его характера и безусловно этот случай с прокурором. Он с семьёй переехал жить в посёлок Леушинка, что находится на половине пути к посёлку Лиственничному, где и доживал свои последние дни. – Авт.)* Положили пострадавшего на широкое дно кедровой лодки с высокими бортами, взяли продукты, спирт, бочку с бензином, завели стационарно установленный мотор и пустились в длительное и опасное путешествие до райцентра. А детвора после этого случая ещё неделю угощала козла-героя разными лакомствами.

В письмах, адресованных отцу, родной брат уговаривал его приехать в гости. Отец имел возможность приехать на

³¹ Имя и фамилия председателя колхоза записаны со слов Джульетты Геннадьевны Морозовой, п. Ягодное Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 01.08.2008 г.

моторной лодке, работая на маслозаготовках: он ездил и собирал сливочное масло с жителей посёлков, расположенных вдоль озера Туман.

В середине длинного жаркого лета 1952 года, договорившись с начальством и заработав очередной отпуск, отец вместе с семьёй выехал в сторону посёлка Ямки. Перед поездкой родители долго о чём-то беседовали. Из обрывков слов мальчик понял, что его не хотели брать с собой, потому что его надо было просто «убрать», а лишние знакомства с роднёй ни к чему хорошему не могли привести для его родителей. Проходили дни, месяцы и годы, а сделать то, что они намечали, не представлялось возможным из-за ежедневного контроля над семьёй со стороны надзирающих органов, что, возможно, и спасло мальчику жизнь в те нелёгкие годы. Родители всё-таки рискнули взять с собой «своего» сына.

Мальчик долго думал над смыслом слова «убрать», но после слов матери и отца он также понял, что убивать сейчас его никто не будет и можно съездить всем вместе к родственникам, показаться в этом мире ещё раз, тем более что надеяться на помощь кого-то со стороны не приходилось – ему просто никто бы не поверил, и лучше было свыкнуться с мыслью, что это рано или поздно произойдёт. Он уже заранее пожалел, что ему не придётся посмотреть на мир глазами взрослого человека. Сейчас же для него подвернулся случай хоть немного порадоваться красоте природы за время их очередного путешествия.

Поздно ночью все спали, но ребёнок вдруг пробудился и увидел перед собой совершенно белого человека, словно окутанного облаками, выделялись только зелёные двигающиеся глаза. Этот человек долго и пристально смотрел на мальчика и сказал, что ему ещё придётся пожить, но это будет мучительно тяжело и безрадостно.

Сколоченная из досок лодка со слабым мотором постепенно уносила всю семью в даль озера, а потом в не очень понятную для детей речную сеть. Все, как замороженные, любовались тишиной и красотой кондинских берегов с непуганой ещё дичью и высокой, в несколько десятков метров, кондинской сосной. Лодка двигалась медленно; возле посёлка Сотник мотор зачихал и заглох на какое-то время, пока отец его не отремонтировал. Путников вместе с лодкой во время поломки потащило вниз по течению, а вдоль берега неслась мелодичная песня, исполняемая женским голосом, выведившим, казалось, каждую ноту украинской мелодии.

В памяти у мальчика постоянно всплывали слова о том, что его надо убрать... Он смотрел на красивый природный ландшафт, но перед взором его был только бесчеловечно жестокий мир. Мальчик вспомнил детский сад и своё одиночество, классические музыкальные произведения, песни с мелодичными переливами и красивыми голосами, льющиеся из радиоприёмника, которые он часто слышал и пытался запомнить... И он как бы прощался с жизнью, очень короткой в этом мире: внутренний голос напомнил ему, что его всё равно будут «убирать»...

По прибытии в посёлок всех познакомили с большим семейством брата отца, где было к этому времени шесть дочерей и ни одного мальчика. Время в гостях летело безудержно быстро и интересно – в играх тогда ещё маленьких и дружных детей.

Однажды рано утром всех детей предупредили согласно рассказу отца, что держаться всем нужно ближе к дому и не отлучаться далеко в сторону леса: оказалось, медведь задрал корову всего метрах в трёхстах от окраины села. Там и решили местные мужики подкараулить зверя, напугавшего всех жителей посёлка лесозаготовителей, да и

поживиться свежим мясом, которого было мало, а тяжёлой работы, отнимавшей силы, было много.

Делать лабаз решили сообща, а вечером, собравшись вместе, экипированные и с ружьями, двинулись в сторону лабаза. Забравшись на него, улеглись поудобнее и стали ждать... Где-то далеко проходила гроза, что было так необходимо для охоты: медведь любит грозу, и все были уверены, что удача будет на их стороне. Сразу за полночь наступило затишье: спал весь посёлок, или делал вид, что всё спокойно, ведь все знали, что их самые смелые мужчины ушли на столь опасное мероприятие. Тем временем все охотники постепенно уснули на свежем воздухе. Мужчина, лежавший на лабазе с краю, вдруг проснулся и увидел, как огромная медвежья лапа пыталась на ощупь определить, что же там на лабазе лежит да ещё храпит. Мужчина схватил топор и в момент повторного появления лапы с силой рубанул, однако медведь успел отдернуть свою лапу, и удар пришёлся на место крепления лабаза. Верёвки лопнули, и настил вместе со спавшими мужиками посыпался вниз. Лишь тот мужчина с топором задержался, насколько у него хватило сил, схватившись за оставшееся крепление, и долго орал на весь лес, будучи в подвешенном состоянии, напоминая обезьяну ревуна, пока не свалился вниз, вслед за своими друзьями, которых уже и след простыл. Когда все горе-охотники поразбежались, медведя в лесу не оказалось, лишь местами был виден его жидкий кал. Каловая вонь стояла на всю округу и местами было непонятно, медведю ли она принадлежит...

Через месяц после осмотра расширившегося для мальчика мира вся семья в полном составе прибыла в посёлок Лиственничный. При возвращении моторная лодка ещё медленнее поднималась вверх против течения; проплыли

молчаливый в этот раз посёлок Сотник. На горизонте показалась дождевая туча без грозы, и дети, забравшись под брезент, заснули, а проснулись уже по прибытии в назначенный пункт. Родители резко их разбудили, и отец, подгоняя небольшой палкой полусонных детей, повёл всех в большой дом, где можно было обогреться и попробовать свежее испечённого молодого картофеля.

Мать по приезду была приглашена на собеседование с надзирателем их семьи – по поводу их отъезда на столь большое расстояние. О том, каково было содержание беседы, никто из детей не знал, только мать пришла с той встречи совсем злая и стремилась всячески свою злость выместить на ком-нибудь – прежде всего на сыне.

Через два дня после беседы с комендантом она стала уходить вечером по окончании работы и возвращаться рано утром. Приходила сердитая, молчаливая... Времени на приготовление пищи для детей не оставалось, поэтому на всю семью сварили большой чугунок свежее выкопанной картошки и вскипятили в ведре принесённую из озера воду. Голодное существование продолжалось около недели. В последний день отбывания наказания в катажке (как объяснила мальчику сестра) он шёл вместе с мамой из магазина, где они купили хлеб. Она подала ему сумку с хлебом, лицо её было таким грустным и испуганным, что мальчику стало не по себе. Когда они подошли к катажке в центре посёлка напротив сельского клуба, мама отпустила руку сына: «Иди домой!», – а сама пошла в сторону катажки. Ребёнок не послушался матери и с детским любопытством последовал за ней. Через небольшое контрольное окошко кто-то сидевший в здании увидел мать и открыл дверь, лязгнув ключом в замочной скважине. Обитая железом дверь открылась, напротив неё была видна решётчатая дверь, с левой стороны которой висели наручники, нарезанные из сыромятной кожи

ремни и в самом углу – плётка. Вышел человек, приказал матери завести руки за спину и повернуть направо. Они ушли по коридору, ступая в мёртвой тишине по деревянному полу. Затем открылась дверь, и ребёнок услышал всхлипывания матери. Дверь захлопнулась, но шаги в обратную сторону послышались не сразу: надзиратель долго возился с кем-то испорченным замком, проклиная тех, кто сидел в камере до этого. Ребёнок поднялся по крыльцу на ступеньку выше и широко раскрытыми глазами увидел через решётчатую дверь голову мужчины, который стоял в какой-то яме, по верхнему краю обшитой досками; из этой комнаты тянуло холодом, там было темно из-за отсутствия больших окон. Подошёл надзиратель с безразличным взглядом: «Ну что смотришь? И ты будешь здесь. Всему своё время. На моей памяти ещё никто из посёлка из взрослых не смог избежать этой участи. Помню-помню твоего деда Лукоянова, жаль, яму приготовили слишком поздно, а так бы твой дед Спиридон был первым её «посетителем», он вовремя умер... избавил меня от работы...», – и вытеснил ребёнка от входа в катажку. Мальчик шёл домой низко опустив голову, он не знал, как нужно было реагировать на сказанное тюремщиком. Дома было совсем одиноко без мамы, без еды...

Остаток лета дети провели в играх, и содержание неприятного разговора осталось в далёком прошлом и меньше всего вспоминалось, а затем попросту забылось. Лишь изредка дети спускались к озеру: никто из них плавать не умел, и, поглядывая в синеющую даль, ребяташки разглядывали идущие вдоль берега на вёслах большие и маленькие лодки.

Родителей постоянно не было дома, они привлекались к принудительному труду в колхозе: по разнарядке бригадира давалось задание, для выполнения которого они должны были отработать столько-то трудовых дней.

Наступившая зима, как все в те времена, была очень суровой, однако дом, в который они переселились, действительно был тёплым и сравнительно уютным.

Сестра росла скрытной, замкнутой и часто отказывалась от общения с братом, разговаривая с ним только по необходимости – возможно, её специально так настраивали. Только через многие десятилетия стало известно, что по отцу она не была ему сестрой, и мать её очень обожала в ущерб своему появившемуся сыну.

Шёл 1953 год... Через месяц после ледохода мать с отцом пришли с работы очень рано и о чём-то долго беседовали. Отец долго рассказывал о том, как кто-то делал попытку бежать из ссылки и только на второй год это получилось. И сейчас в посёлок украдкой передавали каким-то образом письма и рассказы о жизни на свободе.

Только потом стало ясно, что семья попытается сделать побег из зоны отбывания ссылки для спецпереселенцев после того как что-то произошло в столице нашей Родины – Москве. Никто из отбывающих ссылку не пришёл друг к другу и не обменялся вестями о происшедших событиях, все боялись одного: порадуешься случившемуся событию – назавтра окажешься в каталажке... И ещё мальчик обратил внимание на то, как мать что-то громко говорила отцу. Он расслышал лишь несколько слов: «Если с мальчиком что-то случиться, я вас везде найду!...». Такую фразу высказала матери та самая техничка, которая брала ребёнка к себе домой, брошенного родителями в детском саду в голодные и холодные новогодние дни 1951 года.

Июньским вечером, договорившись с водителем водомёта, который направлялся вверх по реке Конде, семья бежала в неизвестность. Бегство прошло без особых вздохов и страданий; в это время никто не вышел на берег, даже надзиратели не заметили исчезновения семьи, что было для неё выигранным на какое-то время.

Ссылные не были после окончания войны так далеко от места отбывания своего пожизненного наказания, но слишком всех тянуло к свободе, хотелось бежать от неприятностей с сыном. О нём так много судачили в посёлке: одни осуждали, другие испытующе смотрели, что же получится из этого, третьи говорили о том, что как ни воспитывай пацана, всё равно вырастет очередной пьяница и дебошир...

Длительная жизнь в отдалении не сблизила некогда грамотных людей и их потомков. Она их ещё больше разъединила, превратив в тех, кто не видел конца этой ссылке, как вечной каторге, когда открыто говорили о том, что, мол, вы прибыли сюда не отдыхать, а медленно умирать, испуская дух и постепенно теряя стремление к жизни. Такое отношение прослеживалось в том, что практически отсутствовала система медицинского обслуживания для живших в спецпоселениях спецпереселенцев. Люди погибали из-за того, что ночью по ошибке вместо воды выпивали взятый на полке ядовитый раствор, и никто не знал, что необходимо сделать промывание желудка. А пробыв в заключении на так называемой высылке в трудовой лагерь, выросшие там в третьем поколении люди с большим трудом могли заниматься огородничеством, так как никто к ним не привозил семян сельскохозяйственных культур. Зачастую, всё, что делалось или могло быть сделанным, было просто под запретом. Так, например, в 1954 году соседке провезли откуда-то лук, и она решила: чтобы его было больше – просто разрезать на четыре части и посадить в землю. Никто ничего не сказал по этому поводу, а просто сделали вид наблюдателей, и лишь после того, как ничего не возшло, прокомментировали данное событие.

То же можно сказать и о лесозаготовителях, которые в лютую снежную зиму заготавливали дрова для посёлка.

Сил явно не хватало, поэтому пригласили молодых парней из состава спецпереселенцев. Но они не знали того, каким образом можно подойти по снегу к сосне, где и как можно поставить пилу для спиливания или лучок с тонким как струна «полотном», никто из них не был так далеко в лесу и не видел лесозаготовок. После такой встречи с неизвестностью и провалом привлечения спецпереселенцев к лесозаготовкам мастер получил строгий выговор за самоуправство – по настоянию надзирателей, которые в основном были женщинами.

Ответственным за надзор по поведению и отношениям в семьях спецпереселенцев давались лишь общие инструкции, как поступать в том или ином случае, а частности они уже сами решали на месте, каким образом и что предпринять в конкретной ситуации. Мальчик слышал, как взрослые об этом переговаривались, стоя подальше от осуждённых.

С этим и столкнулась семья, бежавшая из мест ссылки. Время для побега было выбрано с точки зрения истории наиболее удачно, так как люди, наблюдавшие и писавшие докладные о поведении заключённых, были в замешательстве и не знали, что может произойти в политике государства в связи со смертью Иосифа Виссарионовича Сталина.

Водомёт, неистово урча на каждом повороте реки, полз всё дальше на север, сквозь заросли тальника, сокращая путь и срезая резкие повороты. На одном из них дети вышли на внутреннюю небольшую палубу посмотреть, как меняется вокруг местность и появляются ли рядом какие-то населённые пункты.

Мальчик, которому в то время было три с половиной года, пошёл дальше по кромке борта, держась за проводочные поручни. В это время за бортом показался большой таловый куст, который смёл с борта его детскую ка-

чалку, едва не зацепив его самого. Пришёл помощник и стал возмущаться по поводу бесконтрольного передвижения детей, однако мать сказала довольно смело, что ей этот ребёнок не нужен, давая понять, что если тот утонет, ей будет значительно лучше... и увела свою дочь.

К вечеру похолодало. Капитан несколько раз проходил мимо, бросая взгляд на ребёнка, и качал головой. Часа в три ночи стало совсем холодно, и тогда капитан взял мальчика за руку и привёл к матери, которая спала на теплой скамейке вместе с отцом. Капитан о чём-то поговорил с родителями, высказав своё мнение об их отношении к ребёнку. Мать после этого заставила мальчишку лечь на скамейку к стене и приказала спать. Но холод настолько сильно пробрался в каждую клетку живого организма ребёнка, что он продолжал дрожать и с трудом согревался. Однако помогала полученная в детском саду закалка, и мальчик вновь выдержал испытание, даже не заболел.

Ближе к полудню следующего дня водомёт прибыл в намеченный пункт – посёлок Мулымья. Пассажиры, переговариваясь друг с другом, не торопясь сходили на берег. Бежавшая из мест вечной ссылки с парой узелков семья осталась на берегу, и каждый думал о том, что же ждёт его здесь, в новом посёлке для лесозаготовителей...

Родители договорились о съёме угла в квартире. Мальчик вышел на улицу: ему так не хотелось попадать на глаза никому, даже матери, и он мысленно по-детски торопил время, желая подрасти, чтобы ни от кого не зависеть. Уже вечером отец договорился с какой-то хозяйкой насчёт молока и принёс булку чёрного хлеба. Все молча приступили к трапезе, на которую никто из посторонних не заглядывал и не проверял содержимое тарелок и кастрюль, положено это есть или же нет – мать это сразу подметила.

Отец довольно быстро устроился работать в леспромхоз, по его словам – на разделку леса; база лесозаготовителей находилась рядом с посёлком. Труднее оказалось найти работу матери, так как у неё отсутствовал паспорт, но она каким-то образом сумела устроиться где-то на подсобных не слишком тяжёлых работах.

В летнее время дети часто приходили на берег реки Конды и купались в ней: вода казалась заметно холоднее той, что была в озере Туман. Чрезмерно опасным оказалось также наличие сильного по их пониманию речного течения, которое буквально утаскивало детей в реку.

Вспоминались голодные дни, когда родители уходили на работу, а некормленного сына оставляли дома. Однажды, когда хозяева съёмной квартиры сидели и обедали, доведённый до полуобморочного состояния мальчик вышел на кухню, стоял и глотал слюну, а голова кружилась от запаха вкусной пищи. Хозяйка, увидев это, посадила ребёнка за стол и накормила. Он первый раз в своей жизни поел такого вкусного супа с мясом и картошкой, а потом почти сразу же уснул на своем месте, в углу у печки. Уже вечером он слышал разговор: хозяева просили отдать им ребёнка на воспитание, но родители сказали, что они заключённые спецпоселения и просто так его не отдадут, ведь их рано или поздно всё равно найдут и вернут обратно... на этом всё и закончилось. Однако днём хозяйка была дома и частенько ласкала ребёнка, поглаживая его по головке, – это как-то смягчало его пребывание на этом свете.

При этом сестра была в детском саду, кормили её сравнительно регулярно, и она общалась со своими сверстниками, а он был умышленно оставлен в одиночестве – родители просто не хотели его показывать, очевидно, для того, чтобы в удобный для них момент просто «убрать

концы в воду». Вот только почему он был нежеланным на этом свете – мальчик никак не мог понять.

* * *

Через тридцать лет после того драматичного детства на берегу Конды, где купались маленькие дети в начале 1950-х годов, стоял поседевший, бледный, худой молодой человек с изрядно подорванным здоровьем. Его организм был истощён язвой желудка, «заработанной» после нервного напряжения, связанного с учёбой в институте и недоеданиями в детстве и в студенческие годы, возможной попыткой отравления в юношеские годы, когда мучительно жгло всё в груди, а сердце готово было выпрыгнуть. Именно тогда он обтирался снегом, судорожно выпивая ковшами воду из ведра, и выходил в лютый мороз раздетым на улицу. На третьем курсе института у него появилась огромная язва желудка, временами она увеличивалась до двух сантиметров в диаметре и кровоточила – иногда кровь была даже на губах, и тогда его мучили нестерпимые боли. После ряда перенесённых сложнейших операций на желудке молодой человек вновь попытался вспомнить минувшие дни своего столь трагичного детства... Вспомнилось, прежде всего, возвращение из побега.

* * *

Нашли семью весной 1954 года. По приказу, пришедшему из райцентра, прислали подводу, и утром тридцатого марта все должны были тронуться в дальний путь. Как приказал ответственный за отбывание ссылки заключёнными, проживавшими в селе Леуши, им были приготовлены особые ощущения во время путешествия на место отбывания ссылки, чтобы у совершивших побег не появилось желание повторить то же самое, и для детей не было никаких «скидок».

Рано утром дети гуляли на улице, так как родители что-то пытались собрать из пожитков. Было морозно, а мальчик был легко одет и продрог, и они зашли вместе с сестрой в дом. Мать повернулась к дочери и стала её одевать. Мальчик подумал, что его вообще отправят почти нагишом в столь долгий путь, чтобы заморозить. Все одевались как можно теплее, кроме мальчика, который стоял рядом и наблюдал, как одевали сестру, а на него никто не обращал внимания, и как бы предчувствуя ситуацию, ребёнок попросил одеть его. Его одевала мать: на простенькую рубашку надела старенькое пальтишко без шарфика, штанишки из бумазейной ткани, изрядно потрёпанную старую шапку, а рукавички просто никто не припасал для него. Ребёнок понял, что его действительно, как он и предполагал, просто хотят застудить на морозе, который они с сестрой уже успели прочувствовать, побывав в ожидании повозки на улице. Мальчик как-то непроизвольно вспомнил, что с ним было в детском саду, и настроил себя на перенесение испытания холодом по «желанию» родителей, но здесь, по его представлению, будет намного сложнее: при такой одежке он сможет дотянуть максимум до обеда, а там... как Бог распорядится.

Отец даже не взглянул на него и вышел на улицу. Ребёнок всё-таки удивлённо смотрел на всех широко раскрытыми глазами... Хозяйка дома, увидев такую картину, провела мальчика к себе в комнату, дала добротные рукавички и надела старенький, тоненький, но тёплый свитер, который, вероятнее всего, и спас ему жизнь от не по-мартовски лютой стужи. Мальчик на радостях подбежал к матери и сестре, показывая подаренные ему тёплые вещи, а они даже не повернулись к нему.

Хозяйка дома и раньше замечала необычное отношение семьи к мальчику, которого всегда садили за стол,

когда все уже поели, и кормили тем, что оставалось. Иногда вечером она подзывала мальчика и кормила его вкусной варёной картошкой; её материнское сердце чувствовало что-то нехорошее и даже мерзостное в отношении родителей к ребёнку. Малыш внутренне очень тянулся к ласке, но помнил, как его оставили одного в детском саду в Лиственничном даже после того, как его водила к себе домой та добрая ласковая техничка, желавшая его усыновить, но в итоге отказалась взять на себя эту заботу. Именно такого завершения он и опасался, поэтому вёл себя осторожно и расчётливо, не показывая нигде своего недовольства или чрезмерной радости. Когда все ложились спать, местом для его сна был пол возле печи, что давало возможность ночью согреться, прижавшись спиной к ещё теплым печным камням, когда пол был холодным, как лёд, полностью накрыться было просто нечем, кроме старенького, порванного местами зимнего детского пальто.

Через полчаса после завершения сборов мальчик понял, что ему будет из-за холода очень трудно перенести возвращение в первый посёлок, и он начал подумывать, куда можно было бы сбежать или укрыться, и лишь наличие тёплой одежды, которую дала женщина-хозяйка, помешало ребёнку сделать это.

Вся семья пустилась в ожидаемое нелёгкое дальнейшее путешествие. Ехать надо было более ста пятидесяти километров... без еды и тепла. Ещё никто не знал, что бежавшим не будет разрешено кушать почти четыре дня, спать можно будет только у дверей при входе в дом при полном отсутствии одеял. И вся эта мера наказания была согласована комендантом как на местном уровне – в Лешушах, так и с районной администрацией. Государство в лице коменданта безжалостно расправлялось с теми, кто

рвался к свободе, убегая из злополучных мест лагерного режима...

Рано утром стоял почти тридцатиградусный мороз. Подвода медленно тронулась с места. Уже через несколько километров мальчик заметно продрог. Сидевший рядом возничий резко остановил лошадь, возмутился тем, как был одет ребёнок, высадил детей на дорогу, хлестнул лошадь, и те побежали вдогонку по санной дороге среди заснеженных сосен. После того как дети обессилели, их подняли, уложили в сани так плотно, что при движении одного приходилось перемещаться всем...

Путь продолжился. Часа через два стало пасмурнее, слегка теплее, однако ветер усилился и стал, как обычно, чисто кондинским – колючим и пронизывающим. *(Даже спустя полвека он вспоминается именно таким. – Авт.)* Тельце мальчика всё сильнее сжималось в небольшой живой ещё комочек, который прижался к сестре и вжался в небольшой клочок сена, положенный в сани сопровождающим. Мать находилась со стороны мальчика и всё-таки прижалась к нему – вероятно, чтобы самой можно было согреться.

Молча проехали указатель на старенькой, покрашенной белой краской дощечке, на которой чёрными буквами было выведено «д. Урай». Но это расстояние было всего восемнадцать километров из семидесяти шести, отведённых на первый день их возвращения.

Было холодно: холод медленно пропитывал каждую клеточку детского организма. И снова было ощущение общего с тем, когда малыш медленно терял силы, забытый всеми в детском саду, только там от голода и от холода, здесь же только от холода, голод ещё не успел подкатиться. Утром все поели варёной картошки, попили молока, мальчику в дорогу осталось съесть две картофелины и попить негорячего чая.

Отъехав несколько десятков километров, детей опять высадили из саней и заставили бежать за двигающейся лошастью, сил бежать у мальчика много не было – сказывалось постоянное недоедание – и он повалился на дорогу. Его подняли, втянули в сани, и он тут же уснул. Лошадь с повозкой уныло брела по дороге... Островки небольших сосен стояли вдоль санной дороги... Серый цвет неба не очень-то веселил возницу и тот уныло, с безразличным видом сидел на пристроенном облучке розвальней.

Очень длинная дорога, и вновь сон полузамёрзшего ребёнка, который с рождения не привык никого звать на помощь или просить о чём-то. Его повзрослевшее сознание в критические моменты делало то, что не свойственно было детям даже старшего возраста, но стоило только всему закончиться, срабатывал спасительный инстинкт – «включались» забывчивость и молчаливость. Всё это, скорее всего, и спасало жизнь мальчику во многих ситуациях, когда «родители» забывали о нём, а он о себе никогда не напоминал, просто уходил куда-нибудь или прятался и ждал, когда же он подрастёт и сможет сам решать свою судьбу.

Островки смешанного леса уступили место какому-то бесконечному болоту – лишь на самом горизонте можно было видеть синевато-серый лес. Обратный путь в жестокий лагерный мир был поистине страшным и до безрассудства холодным и чёрствым.

В холодном, по погоде, сне ребёнку вновь привиделся шумный Туман, когда семья возвращалась в Лиственничный после поездки в Луговой. Седая голова, представляющая Седой Туман, показалась перед глазами ребёнка, как бы сожалея о том, что он не смог взять его к себе в тот разыгравшийся шторм, и что сейчас мальчику приходится переносить такие невзгоды в жизни на земле в

«земном рае», созданном большими взрослыми папами и мамами.

К вечеру стало ещё холоднее, с трудом двигались руки и ноги; ни боли, ни сожаления, только одно ожидание: когда же появится тепло, если оно вообще может появиться. На глаза наплывал туман, примерно такой же, каким он предстал в глазах малыша в детском саду в 1951-м, и во сне показалась вновь седая голова со словами: «Ты приехал ко мне по дороге холода и смерти...».

Мальчик открыл глаза и понял, что они подъехали через спуск к какому-то селению, чем-то напоминавшему «родной» посёлок для спецпереселенцев, – скорее всего озером, которое простиралось с правой стороны. Уставшая лошадь остановилась, и кучер громко сказал, выворачиваясь из овчинного тулупа, что необходимо искать место для ночлега, так как его для них никто не собрался готовить. Мир земной вновь показался далеко не тёплым. Звёзды, высоко висевшие над головами приехавших, весенней ночью поднимались всё выше и выше; с розовато-фиолетовым оттенком небо представлялось бездонным и холодным, как этот безумный человеческий мир.

Мать с шумом пошла уговаривать жильцов пустить их переночевать даже с условием, что они не будут никому мешать и согласны устроиться в прихожей возле входных дверей. Наконец, всё успокоилось, и место для ночлега было найдено. Ребёнок силился понять, как он оказался в квартире незнакомой хозяйки, возле входной двери на брошенной тужурке, и его дырявые валенки сушились на подставке у печи, но вспомнить этого так и не смог. Холод постепенно покидал его организм: сначала стало слегка теплее рукам, потом «загорели» уши и очень захотелось спать. И ему было безразлично, в холоде ли он будет спать или нет, дадут ему хоть что-нибудь поесть или нет. Сознание словно поплыло куда-то далеко-далеко, и ему показалось на какое-то время, что он в детском саду –

лежит и замерзает... и в этом состоянии он провалился в сон...

Неожиданно, резко открыв дверь и разбудив своим шумом всех, вошёл сопровождающий, с виду лет сорока пяти, крепкий и обветренный, предупредил хозяйку, чтобы не кормили никого, даже детей: «Не положено», – скажет он позднее, уходя из дома в хорошем настроении, предвосхищая то, что в соседнем доме для них уже накрыли стол с чаркой самогонки. Отец даже не пришёл взглянуть, как устроилась его семья, вполне очевидно, что по заданию сопровождающего ему в обязательном порядке дали большую дозу «наркомовской» нагрузки, и он, приняв на голодный желудок водки или самогонки, на какое-то время был просто выключен из сознания. Так сказала вошедшая соседка той самой квартиры, куда поселили сопровождающего и их отца – как свободного человека.

Холод от открытой двери напрямую хлынул на полуголового ребёнка.

«Вот так – положено! В таком месте всем им спать – возле входа – велено так!»

Ночью, под вой собак, раз пять открывалась дверь на улицу... Каждый раз мальчик открывал глаза от стука и ночного уличного холода, прорывавшегося через дверной проём и быстро окутывавшего раздетого мальчика, лежавшего возле окна на старенькой телогрейке без одеяла. Утром стало прохладно на полу, однако это был не тот холод, который ему пришлось перенести в детском саду в новый 1951 год, и запаса энергии хватало, чтобы чувствовать себя сравнительно «комфортно», хотя окружающие долго потягивались, привыкая к холоду. Мальчику хотелось ещё поспать, но, увидев, что все начинают подниматься, он тоже встал. Вся его жизнь на этом свете держалась порой на очень тонкой нитке, стоило только

лишний раз создать трудности для родителей, как следовало недовольство и сразу вспоминалось, что он на этом свете нежеланный. Именно поэтому малыш привык никому не мешать, не заострять на себе чрезмерного внимания, делать необходимые для себя вещи незаметно для всех окружающих, особенно для «любящих» его родителей.

Холодным утром все встали очень рано. Предстояла длинная дорога до Лиственничного. Ветер сменился на южный.

Хозяйка внимательно посмотрела на мать и высказала всё, что она думала о их побеге: «И стоило ли ради этого рисковать здоровьем детей!». Женщина подметила, что мальчик плохо одет, спросила, есть ли жар у мальчика, хочется ли кашлять, есть ли слабость, но услышав отрицательный ответ, выразила удивление врождённым здоровьем малыша, ведь перенести такое может далеко не каждый взрослый: «Спать на почти голом полу, по которому несло холодом при каждом входе кого-либо всю ночь, и не попросить даже накрыться, и после этого ни разу даже не кашлянуть – очевидно, что и вы все имеете такое же крепкое здоровье». Она, глядя на родителей сердитыми глазами, пряча от всех продукты, что держала в руке, всучила детям несколько варёных картофелин и ушла, так и не успокоившись от увиденного, в другую комнату.

Отец, будучи свободным, не относился к разряду спецпереселенцев, был помещён в другую квартиру, где его накормили вместе с сопровождающим, и он, получив свои желанные сто или двести граммов самогонки, не беспокоясь ни о ком и ни о чём, лёг спать. Утром он что-то принёс и передал матери, которая тут же отдала всё своей дочери, вторая часть куда-то исчезла или её совсем не было, и мальчик опять остался голодным.

Но он уже привык ничего не просить, тем более что уже имел практику голодных дней и знал, что это когда-то закончится, необходимо было только ждать, экономя силы, и надеяться на лучшее, хотя в душе у него давно закралась мысль о том, что это не последние испытания в поездке. И он представил себе картину: когда они приедут в посёлок и их увидит недовольный надзиратель, то ему, в представлениях мальчика, захочется ещё поиздеваться над ними. Ведь было же такое во время его пребывания в детском саду в новый год, когда он, брошенный и голодный, замерзал в кровати, а когда к нему вернулись воспитатели, то через несколько дней запретили кушать ягодный кисель и рыбу, после этого ему стали давать очень жёсткое мясо, которое разжевать даже перемолотое было весьма трудно. И ему тогда показалось что женщине-надзирателю стало так хорошо жить, что она заглядывала в детский сад почти каждый день, для своего удовольствия проверяя, как исполняется её поручение...

Мать по-прежнему выговаривала отцу за то, почему он так мало принёс еды, а сам при этом был сыт. Разговор был неприятный, мальчик, слушая их, постепенно терял вкус к ещё вчера желанной пище и более не задумывался о ней.

Ехали долго... С правой стороны дороги был обрывистый берег, с левой – озеро Туман; кучер отворачивал от берега из-за боязни повстречаться нос к носу с волками, что недели три тому назад задрали здесь, недалеко от посёлка Ягодного, лошадь почтальона, которому чудом удалось добраться до селения. Ехавшие постоянно вынуждены были поглядывать в обратную сторону, чтобы не пропустить нападения голодных волков. Вдоль берега стеной стоял смешанный лес, болот уже не было, и дорога тянулась уныло и однообразно, с той лишь разницей, что стали появляться возвышенности. Лошадь везла сани

вдоль берегового обрыва Тумана, где обвалившийся край унёс с собой тонкие корни осинника, березняка и рябины. На озере безмолвствовало белое однообразие с неглубоким снегом на льду и редкими прогалинами, лишь вдаль виднелся сосновый лес – казалось, что до него никогда не добраться. Под лучами весеннего солнца снег светился так, что порой приходилось прикрывать рукой глаза: режущая боль в глазах исчезала, но стоило убрать ладонь, как она вновь появлялась.

В этот весенний день ветер на озере Туман затих, будто прислушивался к трепету просыпающейся природы. Стая тундровых волков, незадолго до этого напавшая на лошадь почтальона, закончила очередное кровавое пиршество с тушей молодого лося возле речки Евра. Как только появился крепкий весенний снежный наст, волки, опасаясь быстрого таяния снега, выстроились цепочкой и начали движение на север, вдоль предгорий Урала, в родные места, с надеждой на скорую встречу с бесконечной и обдуваемой ветрами тундрой с кочующими по ней оленьими стадами.

Лишь у самого подъезда к посёлку лесозаготовителей кучер, облегчённо вздохнув, сказал, что нападения волков уже маловероятны, так как в лесу совсем рядом работали лесозаготовители и своим шумом обычно разгоняли в округе всю дикую живность. Однако сколько ни пытался вслушиваться мальчик – нигде не было слышно шума лесозаготовителей, которые, по словам кучера, заготавливали лес, спиливая деревья лучками.

День прошёл сравнительно быстро, к вечеру стало совсем тепло и даже влажно. После того как лошадь медленно провезла пленников вдоль посёлка лесозаготовителей, где работали в основном свободные по найму люди, в санях зашевелились. Все ждали появления на горизонте давно знакомого посёлка, но уставшая старая лошадь вез-

ла свой груз размеренно, словно стремясь не нарушить тишину и покой окружающей природы, лишь слегка напрягла свои силы, когда стала втягивать сани с путниками в гору, проезжая пойму речки Леушинки. Погода позволила без осложнений добраться до места отбывания вечной ссылки.

Не доехав примерно километров пять до Лиственничного, путники начали переговариваться и усиленно вглядываться в даль: каждый мысленно представлял себе тот посёлок, в котором им придётся продолжать отбывать пожизненную ссылку. Но это было завершение длительной и голодной эпопеи, правда никто не знал, что же их ждёт и будет ли ужесточён характер её отбывания после совершённого побега. Показались берёзовые околки, очевидно, знакомые родителям, и они заговорили о том, что за квартиру им приготовили в другом конце посёлка и к кому они будут вынуждены зайти за продуктами по приезду – занять, естественно, всё в долг.

Мальчик поднялся на колени и увидел в ложбине первый посёлок, узнаваемый даже издали, но осознание того, что он может простыть от влажного воздуха, заставило его прилечь в сани; от голода не хватало сил двигаться быстро и энергично. Чувствовалась усталость, движения были вялыми, но организм как бы показывал свою способность к сохранению жизненных сил. Всё это было знакомо мальчику, и он даже не обратил на это внимания.

Его мама, переговариваясь с отцом, уже планировала, к кому ей необходимо зайти и взять хотя бы в долг продукты питания – так всем хотелось есть. Квартира, в которой семья проживала до побега на окраине посёлка, была занята, и для них подготовили другое жильё на противоположном краю населённого пункта. Это была обычная половинка дома, выстроенная ссыльными переселенцами, имевшая невесёлый вид, но это было всё-таки жильё.

Квартира оказалась ненагретой, не было дров, спичек и совершенно отсутствовали продукты и посуда – своей им в Мульмье не разрешили с собой взять.

Мать ходила по знакомым, которые наполовину были осведомителями, и на удивление для матери вместо продуктов направляли в её адрес язвительные колкие слова, но она надеялась, что кто-нибудь даст хоть чего-то съестного. Закончилось тем, что принесла несколько картофелин, которые испекли прямо на углях в истопленной печи на дровах из сломанной изгороди. Мать, очевидно, сжалившись над сыном, который уже пятые сутки не держал даже крошки во рту, дала ему четвертинку испечённой картофелины, которую он так и не смог сразу съесть из-за появившихся спазмов в гортани; картошка, казалось, имела совсем иной вкус. Улеглись спать голодные, детей уложили на полаты – там было теплее и не требовалось много одежды, чтобы накрыться.

Утром мать после длительного спора с отцом привела детей в детский сад, чтобы накормить. Их приняли неохотно, расспросив предварительно, сколько дней они ничего не ели, затем накормили, но дали не очень много, так как боялись, что детям станет плохо. Но тут же последовал приказ из Леушей, подкреплённый личным указом последнего в жизни посёлка для спецпереселенцев коменданта посёлка Лиственничного: детей в детский сад не принимать и ни в коем случае не кормить. Вышла та же заведующая со скрипучим голосом и по настоянию коменданта потребовала от родителей, чтобы они немедленно забрали детей и больше их не приводили сюда. Мать заплакала, воспитатели убеждали её, что они ничего поделать не могут, так как это был приказ коменданта, который действовал согласно высланной инструкции и обладал правом наказания спецпереселенцев по своему усмотрению. Мера наказания за побег была согласована с

представителем села Леуши, который к тому же вёл личное досье на каждого, кто отбывал пожизненную ссылку в трудовом спецпоселении для классового перевоспитания. Он знал всё о готовящемся побеге семьи Лукояновых, но промолчал в своё время, так как не знал, что делать в ситуации, когда Сталина вдруг не стало, ведь он полагал, что великий, по его мнению, человек должен жить вечно... (В 2003 году этот мужчина умер, и в квартире у него нашли довольно много записей о том страшном существовании спецпереселенцев, которую он стремился организовывать всю свою одинокую жизнь. Документы были изъяты соответствующими службами. Это произошло через 50 лет после описываемых событий. – Авт.)

На следующий день после того как привезли семью беглецов, женщины устроили словесный самосуд сопровождающему за жестокое отношение к детям во время поездки...

«...А их родители о детях подумали? Я выполнял приказ. Тем более, какие они родители, я знаю точно: одного ребёнка они бросали ещё давно в детских яслях...», – оправдывался мужчина.

«То родители, а дети тут причём», – возмущались женщины.

«Я вас знаю, мужиков, чёрт бы вас побрал», – ругаясь, двигалась к нему грузная, в два раза больше мужчины женщина.

И если бы не подоспел вовремя комендант в отдающем блеском галифе, ещё не известно, чем бы всё это закончилось. Вид него был, как у запыхавшегося наездника, у которого из-под ног украли лошадь, примерно такую, на которой подростки в летнее время возили воду на поле для полива капустной рассады. Комендант был твёрдо убеждён, что все виновники происшедшего находятся перед ним и стоит лишь на них прикрикнуть, как всё встанет на свои места.

«Цыц, бабоньки, а ну, угомонитесь! – воскликнул комендант, тряхнув знакомым многим галифе. – А ты зайди-ка ко мне в кабинет», – обратился он к чуть не пострадавшему от женской «ласки» кучеру.

Всем было известно, что кабинет был расположен в правлении колхоза рядом с кабинетом председателя...

«Ну что ты растерялся, ведь верно говорят в народе: мужик мужику рознь... где ж твоя жёсткость?!», – и он подал расписку на получение дополнительного довольствия на месяц, которое формировалось исходя из производственных возможностей колхоза. – Ты всё сделал правильно, как тебе и поручалось, иди и получай заработанное и никого не бойся, – успокоил сопровождающего комендант. – А насчёт помощничков беглецам мы ещё посмотрим и разберёмся с каждым, время у нас есть и очень надеюсь, что оно ещё будет», – бросил комендант вслед уходящему с распиской сопровождающему, чётко выполнившему задание и трое суток в пути продержавшему детей в голоде и холоде.

На следующий день после прибытия стали приносить в семью продукты, кто сколько смог: кто – мешок картошки, кто – просто кастрюлю для приготовления пищи. Лишь поздно ночью своим обострённым слухом мальчик услышал, как мать беседовала с отцом и удивлялась тому, что, несмотря на все невзгоды и холод, мальчик остался жив и даже не заболел воспалением лёгких, хотя был умышленно одет не по-зимнему легко...

За этот побег мать получила в наказание две недели каталажки и три ночи холодной ямы. Ночью она расплакалась и прошептала своему супругу, что ей будет проще с надзирателями рассчитаться как женщине, чем умереть от «ямной простуды», как её мама...

«Будет возможно открутиться от ямы – и я это сделаю!», – твёрдо вымолвила она.

Наутро после ночи пребывания в холодной яме она пришла домой усталая, подавленная, злая, её взъерошенные волосы сразу бросились в глаза... Она прошла в другую комнату, зашумела водой, потом легла на кровать и долго плакала навзрыд, так со слезами и уснула... Отец к тому времени уже ушёл на работу... Проснувшись утром, она ещё больше возненавидела «своего» сына и мужа. Она была убеждена в том, что если бы она не вышла замуж, возможно, какими-то путями смогла бы выкарабкаться из этого спецпоселения. «Раньше надо было сбежать – сразу после смерти матери, а теперь, с двумя детьми, этого не сделаешь...», – подумала она. Однако выносить условия двадцатипятилетнего заточения она больше не могла как прежде. Свобода, которую она почувствовала во время побега, манила её, и она чувствовала это с каждым днём всё сильнее и сильнее...

Семья, перебиваясь, дотянула до лета, а там «пошла» зелень в огородах и на полях. Тяготы жизни заметно прибавили негатив к мальчику. Однако отец решил показать всем, что его сын-первенец уже давно украдкой пьёт, угостив его однажды приличной дозой крепкого напитка. Но после этого сколько раз отец ни приглашал его заняться распитием спиртного, мальчик категорически отказывался это делать, лишь сестра, наслушавшись разговоры родителей, называла его несколько раз «пьянчужкой» и пыталась рассказать об этом соседям.

С появлением летней зелени «жить стало легче, жить стало веселее». Родителей устроили на работу, для матери это было обязательным условием отбывания ссылки. Работали все от зари и до зари, но это длилось не так долго, режим заметно начал давать сбой. Временами ещё было очень трудно найти себе возможность как-то просуществовать – не хватало одежды и большую часть зимы приходилось детям сидеть дома, поглядывая на зимний пейзаж через окно, как это было в детском саду в 1950-м.

Брату и сестре очень хотелось выйти на улицу и просто побегать по белому холодному снегу.

Ранней весной отец устроился на работу сторожем для охраны строящихся домов, однако по ночам отводил на работу сына, завернув его в шубу, а сам уходил домой. Однажды, проснувшись там, ребёнок увидел, что возле него ходят какие-то незнакомые люди – это были грабители, которые, взглянув на ребёнка, пригрозили, что убьют, если он об этом что-то скажет.

Грабитель низкого роста сухо сказал другому: «Да убей ты его».

Пятилетний мальчик стоял перед злодеями, ничего не понимая, он даже не успел полностью пробудиться ото сна, только подумал о том, что вот так просто его могут убить и на этом его мучения в жизни закончатся...

«Нет, он ещё такой маленький, он ничего не скажет», – и пришедшие продолжали воровать стройматериалы.

На следующий день мальчик узнал грабителей на стройке, но затем их куда-то увели, очевидно, на допрос. Что с ними было дальше, он с большим трудом вспоминал: грабителя повыше ростом через несколько дней он видел идущим на стройку, а тот подошёл к нему и резко потянул в сторону за дом, желая, очевидно, убить мальчика за его «предательство». От расправы мальчугана спасли его мать и соседская женщина, шедшие рядом с ним, – закричав и замахав руками, они отбились от нападавшего. После этой встречи пятилетнего мальчика свободно гулять по улице уже не пускали никуда. Почему «любящие» родители поступили так – непонятно.

Наступившее лето было очень жарким, и мальчик часто проводил время в одиночестве, так как в детский сад его никто не отпускал – мать вновь боялась контактов с той женщиной, работавшей в детском саду техничкой. Ведь она когда-то пыталась взять ребёнка на воспитание, и он полуголодный частенько сидел один на лавке перед

домом и слушал по радио утреннюю гимнастику, которую вёл диктор радиовещания Родионов.

Контроль над жизнью семьи осуществлялся внимательным наблюдением «добровольными» надзирателями из числа соседей, причём делалось это весьма скрытно, никто из окружающих о них ничего не знал. Семья могла лишь догадываться, что об этом факте знали только те или другие жители и больше никто – так обрисовывался постепенно круг тех, кто за свою работу либо получал вознаграждение, либо эта деятельность засчитывалась на определённых условиях в срок нахождения таких людей в ссылке.

По торжественным праздникам ходили и проверяли, отмечают ли этот день или нет: мальчик запомнил факт проверки в празднование Первого мая, но не помнил, чтобы отмечали День Победы, как выяснилось позднее, тогда он был обычным рабочим днём.

Отец, будучи свободным человеком, стал ходить на весеннюю охоту, с большим трудом пробираясь по липкой и, казалось, непроходимой полуболотной грязи к видневшемуся вдали лесу. Именно там он находил места для охоты на водоплавающую дичь. Когда об этом узнали надзиратели по доносам соседей в Леушах, то сразу же запретили матери ходить вместе с ним.

Произошёл интересный случай, когда дети, узнав, что родители ушли на охоту, и расспросив у соседей, в какую сторону они ушли, направились следом за родителями по грязной холодной земле. Весенняя заря наступает поздно, кругом стояла удивительно красивая тишина, по-детски воспринимаемый чистый закат манил ребятишек всё дальше и дальше. Посёлок остался позади, лишь виднелись верхушки старых тополей да был слышен лай собак. Потемневший лес стал казаться настолько близким, что

дети решили покричать, и позвать родителей. Несколько раз выкрикнули они одновременно слово «мама», которое эхом пронеслось по лесному массиву, и через несколько минут услышали разговор родителей, которые с удивлением увидели детей рядом с собой. Отец приказал детям забраться на один из старых стогов, по каким-то причинам оставшихся в поле. Взобравшись на стог, дети смотрели, как с наступлением апрельской темноты начали летать, перекликаясь, дикие утки, затем раздались выстрелы, и мать побрела по воде за убитой птицей... Дети медленно засыпали, лёжа в тепле мятой прошлогодней соломы... Поздно ночью они проснулись от того, что их кто-то тряс, и увидели мать и отца, которые стояли рядом, переговариваясь. Мать, как и прежде, весь разговор свела к тому, что она искала только дочь в этом стогу, а сына как будто и не было. Шли домой быстро; мальчик шёл поодаль и ему было обидно чувствовать себя одиноким и никому не нужным человечком, душой и сердцем так рвавшимся к любви и ласке, но в жизни была лишь непреодолимая чёрствость человеческих отношений.

В начале лета мальчик встретился с комендантом на улице возле правления колхоза: человек в тёмно-синей милицейской форме шагал в сторону правления по другой стороне улицы – там, где находился старый детский сад. От мужчины веяло какой-то неприступностью, и мальчуган вдруг задумался о том, почему какому-то постороннему мужчине дано право решать, жить ему на этом свете или быть съеденным волками либо замёрзнуть при возвращении после побега из ссылки. Мальчик знал, что комендант был одним из тех людей, кто принимал участие в решении судьбы семьи: именно он отдавал распоряжения, чтобы детей морили голодом и бросили замерзнуть на снег в холодную мартовскую ночь в селении Ворпавла. Мальчуган даже осмелился подумать о том, как бы ста-

щить у этого мужчины кожаную сумку-планшет с документами, чтобы хоть как-то насолить этому недоброму человеку, но тут же отказался от этого дела, понимая, что не умеет читать и вообще плохо видит вблизи...

В то лето дети часто лазали по близлежащему логу; дрожали руки и очень хотелось съесть чего-то необычного: в июне жевали и съедали молодую листву от липняка, ели молодые сосновые верхушки, столь богатые витаминами – их-то уж никто не мог запретить есть, тем более что они росли в черте посёлка... Летние грозы было настолько сильными, что не выдерживала кровля многих домов, и вода потоками бежала по стенам, разливаясь по полу...

В середине лета того же года соседи предложили мальчику принять участие в выгоне лошадей на ночное. Родители согласились, а мальчику было чрезвычайно интересно посмотреть, как гнали табун лошадей для кормёжки в устье лесной речки... После поездки было трудно двигаться – всё болело. Нетрудно было представить, что даже такое мероприятие вызовет недовольство тех, кто отвечал за контроль семьи спецпереселенцев. После этого ни о каком ночном и мечтать не приходилось.

В конце лета из школы пришли учителя и начали проводить перепись будущих учеников. Здание школы стояло на улице, что была ближе к берегу озера, – обшитое досками, оно казалось лучше и красивее всех остальных построек в посёлке.

Сестра была старше мальчика на два года и должна была пойти в школу раньше. Все остальные должны были пройти курс начальной учебной подготовки к школе. После завершения одного из таких занятий к мальчику подошла завуч школы и долго расспрашивала будущего школьника о том, как к нему относится его родная мать. На следующий день мать пошла в школу на встречу с администрацией; о чём там шла беседа – никто не знает.

Однако будущего первоклассника решили научить читать намного раньше, чем этого требовали обстоятельства, но именно тогда мать поняла, что её сын очень плохо видит: не то что буквы, а даже строчки у него расплывались перед глазами. И это вызвало её явное недовольство, она связала этот факт с тем событием, которое произошло четыре года тому назад, когда она очень хотела убить ребёнка и ударила его головой об пол. Попытку научить сына играть в шахматы делал и отец, но прекратил занятия, поняв, что сын плохо видит.

Ближе к осени начались разговоры о том, что вполне очевидно они вновь переедут в тот дом, в котором мальчик появился на свет: он стоял на окраине и в него редко кто приходил. Мать ссылалась на то, что никак не может привыкнуть к вновь появившимся соседям, а там вроде как на месте, тем более что последние годы там жила её мама.

Осенью пятьдесят пятого года пошла в школу его сестра, а уже в зимнюю пору мальчик без труда запоминал всё то, что сестре задавали выучить на память. Его папа несколько раз переспрашивал его и когда понял, что ребёнок имеет недюжинную память, понял, что это, скорее всего, передалось от него по наследству, и больше ничего не сказал.

Мальчик по-прежнему находился дома постоянно в зимнее время вместе с сестрой, поскольку у них не было ни обуви, ни тёплой одежды, слушал различные радиопередачи: музыкальные программы и сказки, часто транслировавшиеся в то время.

Вскоре семья переехала в дом, который был построен в начале тридцатых годов дедом Спиридоном и с которым было связано несчастье в жизни после его появления на свет: здесь он потерял зрение, здоровье и радость детской жизни. Именно после этого мальчика стали называть

брошенным. Здесь прожила свои последние годы Ульяна Петровна...

Переехали в этот дом, наполненный холодом и зловещими мыслями, поздней осенью 1955 года. Для мальчика было отведено то же место для сна, что было у него и в предыдущие годы: та же самая деревянная кровать стояла на том же месте. Зимние дни потянулись ещё медленнее и было заметно холоднее. Чтобы не замёрзнуть, сварили из железа буржуйку и стали на ночь топить её; детей укладывали на пол возле неё, постилая вместо матраца старые рабочие фуфайки или чёрный поношенный полушубок из овчины...

Жизнь без права на ошибку

«Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!»

В.С. Соловьёв

Наступила зима. На этот раз детям всё-таки представилась возможность покататься на лыжах и в полной мере испытать на себе северную погоду, когда стыли руки в тонких варежках при попытке принести из магазина хлеб.

В посёлок приезжал брат отца, живший на свободе в посёлке Ямки и который всё время хотел взять отверженного ребёнка к себе на воспитание, но не добился своего. Вполне очевидно, что ему это сделать не дали, поскольку он в своё время сам был осуждённым, и контролирующие органы предупредили его, что навещать живущих на поселении осуждённых нельзя, и потребовали, чтобы тот выехал из посёлка.

В безлюдно одинокие дни брат с сестрой проводили время за игрой в пешки, уголки и даже в карты: в свободное время отец за карточной игрой обучил детей шулерским приёмам, которые развивали память и сообразительность...

По ночам по-прежнему свирепствовали огромные и очень сильные тундровые волки, страху они навели немало, да и рассказов добавилось чрезвычайно много. Было страшно и опасно спать в доме вблизи окна: уличная стужа и снежный покров подступали к тонкой однослойной перегородке (двойных рам тогда не было. – Авт.).

Именно в такую ночь гонимый голодом и холодом громадный голодный серый хищник, никого не боясь, подошёл к самому окну, за которым спал отверженный всеми мальчик, и заглянул внутрь жилища: перед ним всего в одном прыжке лежала живая возможная добыча. Волк стоял и размышлял, стоит ли вторгаться в стаю людей, которые могут с помощью огня и шума убить его. Но когда шерсть на спине его стала дыбом, а глаза засветились перед прыжком двумя неугасающими угольками, в доме раздался страшный грохот. Пробудившиеся люди увидели мелькнувший за окном силуэт волка, опрометью метнувшегося бежать прочь и понимавшего, что если шум повторится, то ему не поздоровится, как многим его собратьям. Он бежал прочь от крайнего дома, что стоял на первой от озера улице, даже не подозревая о том, что шум был всего лишь от упавшего пустого ведра, которое зацепил в потёмках непротрезвевший хозяин дома... Рано утром по следам было видно, насколько близко подкрадывалась смерть...

Примерно такую же картину дети наблюдали с высокого берега, когда на просторах озера за повозкой гнался большой волк. Было видно, что лошадь неслась из последних сил, но расстояние между преследователем и жертвой неумолимо сокращалось. Затем все увидели, как из саней поднялась вторая фигура человека, а первая взялась за оружие, но наблюдавшие не могли разглядеть все подробности – расстояние между бегущими и смотрящими было значительное, хоть и на чистом от кустарника месте. Вдруг серый волк, казалось, летевший над озером на большой скорости, завалился на бок и стал крутиться на одном месте. Ездоки остановились, подобрали убитого волка, за которого можно было получить вознаграждение, и поехали в посёлок. Как выяснилось позднее, стрелком оказалась женщина, так как её муж был изрядно

пьян, осознал всю трагичность положения только в последний момент и взял вожжи в свои руки, а жена, умевшая пользоваться мелкокалиберной винтовкой, рассчитав всё, хладнокровно выстрелила в приближающегося большого тундрового волка. Мальчик сидел и вспоминал о том, что они всей семьёй вполне могли попасть в аналогичную ситуацию, когда их насильно возвращали на место пожизненной ссылки, только у них не было с собой оружия...

Мать почувствовала себя на окраине посёлка спокойнее в настойчивой решимости осуществить свои планы, хотя ей всегда казалось, что за ней следят. Но от своих намерений она не желала отказываться, что спровоцировало событие, свидетелем и участником которого стал мальчик – ещё одно ужасное испытание в его жизни...

Весной 1956 года поздно ночью мальчику сквозь сон послышался разговор матери и отца: «Ты обещал, что как только у нас будет ребёнок, уберёшь его, лучше всего на охоте, и никто не будет знать, тем более о многом, что было когда-то, уже давно забыли, а всем скажем, что он куда-то сам ушёл и не вернулся...», – и он заснул, ничего не осознав до конца...

На следующий день отец, разговаривая с ним довольно приветливым тоном, пригласил сына на охоту. Для этого, как он пояснил, необходимо пройти у самого края обрывистого берега озера Туман в пойму лесной речки Леушинки, где всегда, по отзывам охотников, в эту пору бывает много одиноких селезней. После работы отец стал собираться на охоту и попросил положить с собой ломоть хлеба. Мать ему в этом отказала: «Ведь обратно будешь идти один, для чего тебе это?».

Вечером вышли, мать в дорогу как будто специально бросила слова: «Смотрите, чтобы вас никто не увидел, идите ближе к обрыву – так вас никто не заметит». Спус-

тились по первому логу, поросшему кустарником шиповника, и никто их ухода не заметил, даже соседи-надзиратели. Солнце совсем недавно скрылось за горизонтом, и по спокойной глади воды растеклись розовато-белые блики вечерней зари. Прошли возле самого обрыва, вдоль береговой линии, от которой тянул ночной бриз, до самого маслозавода, стоявшего на окраине посёлка в стороне реки Леушинки, – так никто и не попался на встречу.

Вдруг увидели, что к берегу стала подплывать калданка. Мальчик знал, часто наблюдая с берега за событиями на озере, что на такой лодке плавал директор маслозавода, где работал отец. Он инстинктивно стал подходить к подплывающей долблёнке, невзирая на противодействие отца, что через некоторое время спасло ему жизнь, так как появлялся невольный свидетель планируемой жестокой драмы, где даже косвенных свидетелей не должно было быть.

«Этого нам только не хватало», – вырвалось у идущего поодаль отца, не решившегося подойти поближе вслед за сыном, который ему наперекор всё настойчивее приближался к подплывающей рыбацкой лодке. Отцу пришлось подойти и разговориться: директор маслозавода спросил отца о том, почему они пошли на охоту тогда, когда она уже закрыта, но отец уверил того, что они пошли всего лишь погулять и пристрелять ружьё после расsverливания стволов. На этом разговор между взрослыми закончился, и мальчик спросил отца, почему все ловят рыбу, а они это не могут делать. «Мы ссыльные и нам не положено», – ответил тот. Прошли километров пять, если не больше, мальчик расспрашивал отца о том, как бы тот поступил в той или иной ситуации.

В детской памяти постепенно всплывали события трёхлетней давности, когда они с сестрой в нарушение всех инструкций провели более десяти дней на ферме, около

десяти километров от посёлка с названием Лисятник, и мальчик видел, как умные и всё понимающие лошади с открытыми и полными слёз ужаса глазами шли на смерть под нож людей, выращивавших чёрно-бурых лисиц.

А они вместе с отцом шли именно в ту сторону. Лицо «родного отца» становилось всё более серым и озлобленным, глаза медленно расширялись, как будто жаждали жестокости в своих ощущениях к представленному в воображении врагу, какая-то тяжёлая мысль не позволяла ему улыбаться. Вдоль берега изредка торопливо пролетали одинокие вороны – на подготовленные места для короткого весеннего отдыха возле гнездовий, где вскоре послышатся пiski птенцов, символизирующие о зарождении новых жизней на земле в пернатом царстве – так громогласно они словно упрекали жестокое в своём поведении человечество.

В тёмно-синей небесной дали загорелась первая увиденная дальнозоркими глазами мальчика вечерняя звезда, возвещающая о начале кратковременного сна в природе. Низко проносились стаи диких уток, о чём-то перекликавшихся между собой, будто всеми силами они пытались ускорить момент появления нового потомства, желанного и любимого, и любовь эта звучала в их птичьих разговорах.

Так далеко пешком мальчишке ещё не приходилось никогда уходить от дома. Обрывистый берег озера стал намного ниже, как бы предупреждая, что скоро путники подойдут к пойме лесной речки, где могут отдыхать перелётные водоплавающие.

У ребёнка неожиданно появились ассоциации ночного разговора матери и отца, услышанные им в состоянии тревожного и уже давно не детского сна, с быстротечными воспоминаниями пребывания на лисоферме во время забоя лошадей, где он видел кровавые полосы на снегу.

«Неужели и моё тело отец поволочёт после убийства по песчаному берегу, а вслед за этим потянется кровавый след», – подумал мальчик.

«Закопай его подальше в каком-нибудь овраге, и никто его не найдёт», – гласил материнский наказ.

«Так ведь далеко идти надо, и охота по срокам уже неделю как закрыта, что скажут люди, если нас увидят?», – возразил отец.

«Ничего, сходишь. Да смотри поближе к обрыву держись, чтобы тебя никто не заметил! – Материнский голос был непреклонен. – Ведь времени с момента событий в детском саду прошло много, всё, что было, давно забылось, так что никто ни о чём даже и не вспомнит».

Они, замедлив шаг, прошли небольшой лог с выемкой породы, не доходящей до береговой линии, поросший невысоким березняком. Мальчик заметил взгляд отца, брошенный в сторону лога, в который вряд ли кто-нибудь когда-нибудь заглянет. С левой стороны был крутой обрыв берега, с правой – озеро Туман – бежать было некуда, да и убегающего, по словам отца, звери обычно добивали.

Отец был отличным стрелком. Он вдруг резко повернулся, снял с плеча ружье, хладнокровно прицелился и выстрелил в сторону лежащих бревен, принесённых прошлогодним паводком, один конец из которых был приподнят и виднелся издалека – в него-то отец и выстрелил. Попросил сына подойти и посмотреть, имеются ли следы от попадания на маленьком чёрном столбике, стоящем в небольшом углублении рядом с песчаным бугорком, намытым прошлогодним разливом воды и поросшим молодым тальником. Мальчик быстро, ни о чём не задумываясь, отбежал и нагнулся, чтобы посмотреть и потрогать руками место попадания оружейной дроби, но тут его сердце сильно забилося: он поднял повреждённые мате-

рю подслеповатые, страдающие дальновзоркостью глаза и увидел, как отец целится в него. Глаза его расширились и остеклянели; на побелевшем лице судорожно потянуло мышцы, особенно с поврежденной левой стороны. Потом кровь ударила в лицо, и он вновь почувствовал во рту тот самый привкус крови, который был у него в младенчестве после удара головой об пол. В глазах у него потемнело, и в поле зрения расплывчато виднелся отец с нацеленным на него ружьём.

Седой Туман, вырастивший по берегам не одно дерево и не одно поколение сыновей рода человеческого, потцовски лаская набежавшим со стороны озера порывом ветра поседевшие волосы мальчика, звал его к себе, чтобы навсегда покончить с наступившим и сотворённым на земле человеческим адом.

Свежий ночной воздух, смешанный с весенним запахом полураспустившихся тальниковых почек, создавал ободряющий жизненный тон, а маленькая светящаяся жизнь инстинктивно боролась за свою состоятельность и право на жизнь в этом безумно жестоком мире. Повзрослевший за секунды мальчик стоял в ожидании надвигающейся смерти, неосознанно глядя ей в глаза.

Проглотив надвигающийся комок в горле, ребёнок произнёс: «Папа, что ты делаешь?».

«Смотрю в ствол», – ответил отец, медленно опуская двустволку, специально просверленную для кучности боя...

Сердце мальчишки сильно сжалось и стало таким тяжёлым, что потянуло резко вниз, как у дедушки Спиридона перед высылкой из Байкалово – к тяжелеющим и сбитым до крови ногам, обутом в кирзовые самодельные сапоги на босую ногу. Совсем рядом с мальчиком показался на мгновение лик седой головы деда Спиридона, раздался шёпот: «Держись, внучок...», – и лик исчез.

Только Седой Туман в оцепенении накатывал несимметричные волны на песчаный берег совсем рядом с кустами ещё не распутившегося тальника, где была попытка расстрела ни в чём не повинного ребёнка.

И кто в этой трагедии был виновен: исполнитель, общество, поставившее не одно поколение в условия инстинктивного звериного выживания, или конкретная личность человека – сказать было действительно трудно. Однако эта трагедия в любом случае произошла, и она убила и в старом и в новом поколениях понимающий взгляд на этот безумный мир середины двадцатого века.

Как только отец опустил ружьё, мальчик сразу быстро пошёл в его сторону, но затем его стало качать из стороны в сторону, и казалось, что в эту минуту его держал в вертикальном положении только воздух, который он ловил своими ручонками, а головку сверлила мысль, что если он упадёт, потеряв сознание, родной отец его просто пристрелит. Набухшие от перенесённых переживаний ножки ребёнка слушались плохо, он переставлял их судорожно, как тяжеленные кирпичи, когда их перекладывают с места на место. В груди появилась одышка, и он, уже слабо понимая, что происходит вокруг него, стоял возле «родного» отца и жадно дышал.

«Пошли отсюда быстрее», – витала в его голове мысль, адресованная отцу.

Они возвращались по тому же мелкому песчанику вдоль берега, где шли прежде. Поначалу в сторону дома, как к чему-то спасительному, мальчик пошёл довольно бодро, но вместе с мыслями о случившемся постепенно начали куда-то уходить силы: ноги слабели и временами начинали заплетаться, но он упорно продолжал двигаться, малейший отказ от продвижения мог закончиться расстрелом, он интуитивно это чувствовал.

Мальчик, которому осенью нужно было идти в школу, шёл по принуждению за «отцом»; темнело то ли у него в его глазах, то ли в самой природе. На небо напоззли высокие облака, и угасающая заря лишь в узких просветах пробивала себе дорогу лучами неяркого полузатемнённого света. Может быть, убежать сейчас к знакомым, которые жили на краю посёлка и попросить укрыть его, – но он не знал, поверят ли ему.

Так потихоньку они дошли до того места, где начинается посёлок, но никого на берегу не было видно. Страх мальчика усилился, и он, попросив из последних сил разрешение у отца, забрался на невысокий, слегка обдуваемый ветром, берег и медленно пошёл по его краю. С другого конца посёлка начинались лога, где можно было сделать задуманное родителями, и тогда найти расстрелянный труп мальчика действительно будет очень трудно. В ту сторону вообще никто не ходит, есть только один способ передвижения – по воде, на калданке. Поэтому лишь вороны своим присутствием могли показать ужасные следы человеческого безумия – жестокого поведения матери, возненавидевшей своего ребёнка, возможно, даже с момента зачатия, и всю свою жизнь посвятившей тому, чтобы избавиться от него всеми доступными способами.

В груди мальчика постепенно накапливался холод пустоты: нет матери, а есть убийца, нет отца, а есть исполнитель вынесенного ею смертного приговора. Воздух постепенно становился прохладнее, однако мальчик этого не чувствовал из-за напряжения всех сил. Что же ему дальше делать: в детдом его всё равно не заберут, как потомка осуждённых за антисоветскую деятельность. Взрослым он никому не нужен... Шататься по чердакам и питаться яйцами кур?.. Но это только до холодной зимы, а дальше – что?..

«Мало того, можно и жизни лишиться: утром кто-нибудь придёт на сеновал с вилами за сеном для скота да и проткнёт насквозь. Может быть и другое – в посёлке однажды сторел сеновал», – размышлял мальчик вслух.

Бабы судачили, что там провели ночь молодые, сигарку не затушили, другие говорили, что это пацаны начали курить самокрутки. «Вот вам и результат», – в один голос твердили все в магазине.

Вопросов было много, но не было нормальных ответов, а неизвестность его вовсе не радовала. Рассчитывать на помощь государства тоже не приходилось, и был на то свой жизненный опыт: когда он, брошенный матерью, едва не замёрзший, оставленный без присмотра воспитателей голодным в нетопленной комнате детского сада на пять дней, и ему после этого для восстановления сил давали ягоды и варёную рыбу, но через несколько дней пришла надзирательница и приказала убрать из меню всё, что выходило за рамки дозволенного ссыльным и осуждённым по статье 58 «за антисоветскую деятельность», – и ему остались жёсткие, смешанные с кониной, котлеты, которые приходилось долго жевать, запивая чёрным плиточным чаем...

Он брёл по высокому берегу, глядя сверху на отца, шедшего по нижней бровке песчаника перед обрывом, и отчаянно размышлял о том, что придёт время, и ему не надо будет думать о своей смерти, о возможности голода или расстрела, удара по почкам или повешении. Он просто устанет думать об этом, и тогда наступит полное безразличие к своей судьбе, а смерть может показаться единственным выходом...

Движения его становились всё менее чёткими из-за нервного перенапряжения, ему даже казалось, что продолжение жизни идёт тяжелее, чем раньше, и он смахнул выступившую слезинку, а в мозг закралась мысль: может,

действительно лучше было совершить, что было задумано.

В голове стрелой пролетели картинки воспоминаний, которые донесли до односельчан охотники далёких от этих мест: в начале пятидесятых со стороны пермских лагерей вдоль Уральских гор, вдали от селений, прогоняли заключённых военного периода, обвинённых в предательстве. Бежать было невозможно, да и некуда; измождённых и обессиленных, которые не могли идти, попросту застреливали. Охотники знали, что всех их гнали на строительство железной дороги далеко на севере. Среди тех, кто обессилен, упал и был дострелен, охотником на пушного зверя был подобран один чудом выживший, но страдавший от обморожения и огнестрельных ран. Он прожил в таёжной избушке охотника около трёх месяцев и сумел перед смертью сквозь хрипоту вымолвить, что он был в германском плену с 1941 года, затем был освобождён американцами и передан советской стороне. По возвращении его приговорили к десяти годам лагерей – за измену Родине...

Те заключённые не могли идти от перенапряжения, а ведь он тоже не может идти от навалившейся усталости. И он с момента рождения – осуждённый за антисоветскую деятельность; может быть, лучше, если и его пристрелят на месте, чтобы больше не мучиться на этой Земле, в этом безумном жестоком мире...

Чуть вдали виднелись в надвигающейся темноте дома на окраине посёлка. Молчавший до этого Туман, как бы прислушавшись к тому, что происходило на берегу, начал своё пробуждение с едва заметного шума волн и, набирая силу, начал возмущаться.

Медленно приближаясь к дому, они подошли к месту, где он начинал ползать по казавшейся ему тёплой и ласковой земле. Мальчик вглядывался в даль и увидел идущую

к ним навстречу «маму», когда к ней уже направлялся его «папа». Шла она без улыбки, с каким-то показавшимся ему очень сердитым видом и недобрыми зелёными, казалось светящимися в темноте, глазами. Что она думала и на что она решилась ещё – никто не знал. Однако и отец и сын чувствовали, что это ещё не финал. Отец подошёл к ней, и первый же её вопрос окончательно всё перевернул в жизни мальчика, разрушив даже малейшую надежду на то, что она и отец одумаются.

«Почему ты вернулся с ним вдвоём? – спросила мать у отца. – Я тебе приготовила хороший ужин и даже немного самогонки достала».

«Там были люди! – воскликнул он. – Директор маслозавода видел нас, когда подъезжал к берегу на долблёнке с пойманной рыбой, и я не смог обойти его, тем более что «пострел» не хотел проходить мимо и повернул к нему, поэтому сделать этого было нельзя – сразу сказали бы, что я с сыном куда-то уходил».

Вот только здесь мальчик осознанно понял, что его движение в сторону лодки с директором маслозавода спасло ему жизнь, а ведь он просто хотел посмотреть на пойманную рыбу, которую он почти никогда не видел и с большим трудом мог различить её по видам (*ссылным не разрешалось ловить и принимать в пищу рыбу. – Авт.*). Ещё только начавший шагать в свою осознанную жизнь будущий первоклассник прошёл свой не первый, но и не последний урок жизни, в которой не было ему поддержки ни от кого.

«Ты сделаешь это завтра, когда снова пойдёшь на охоту», – приблизившись к отцу, приказным полусшёпотом сказала «мама», и все вместе двинулись к своему дому на самом краю посёлка...

Перешагнули порог полутёмного низкого помещения, в котором горела керосиновая лампа; в русской печи

отца ожидал очень вкусный, по словам матери, суп, а на столе – стопка самогонки. Получалось, что родная мать собиралась праздновать факт убийства собственного шестилетнего сына и приготовила застолье в нарушение действующего режима. У мальчика появилась мысль: значит, такие минуты и такие накрытые столы появлялись при необходимости в обход всего, что было в реальном мире спецпоселения.

Для мальчика это уже не имело никакого значения, он, почти не раздеваясь, повалился на кровать. Фуфайки, валявшиеся для него в углу, были выброшены на свалку старья, и место для сна и отдыха ему не было приготовлено, так как в планах матери его в живых в этот вечер не должно было просто быть...

Его сознание встало на его защиту, временно выключая в детской памяти, как электрические лампочки, всё то, что мешало ему уснуть, тем более что пища для него, голодного, не державшего во рту даже кусочка хлеба с утра, не казалась такой ароматной и вкусной – во рту стоял свинцовый привкус, и ему показалось, что сейчас начнётся рвота. Он повернулся на бок и посмотрел слабым взглядом перед собой: не идёт ли кто-нибудь за ним, чтобы убить его, но никого не было, и его глаза начали закрываться, потом всё разом исчезло куда-то и не возвращалось...

А на востоке в синеве неба была видна оставшаяся на небосклоне яркая утренняя звезда, возвещавшая о начале нового дня... В предраассветных сумерках набирала силы и делала попытку разгореться весенняя, отдающая холодом, северная заря вновь восходящего солнца...

Спал он крепко, и с силой сжатые кулачки на руках показывали всю сложность ситуации, в которую в очередной раз попал шестилетний ребёнок.

Утром в гробовой тишине мать предложила ему поесть то, что осталось от пиршества вчерашнего дня, но мальчик отказался – не было аппетита, тем более что в сознании его чётко обозначилось, что по воле «мамы» его уже не должно быть здесь, на этом свете, и самая большая участь, уготованная ему, – это быть застреленным своим «папой» и быть зарытым там, в маленьком овраге, вдали от посёлка, таким образом, что его никто, кроме ворон да диких животных, никогда не найдёт...

Он вышел на улицу, так и не прикоснувшись к пище. Целый день пробыл в разных местах, ища защиты, но не нашёл её и вечером лёг возле огородного тына на голую холодную майскую землю, которая показалась такой тёплой и ласковой, что он пролежал на ней до появления темноты, часов шесть, не меньше, молча наблюдая, как пришёл с работы отец и начал, переговариваясь с матерью, готовиться к охоте, чтобы убить мальчика. Он долго ждал возвращения сына, но не дождался и лёг спать в надежде, что сможет исполнить задуманное завтра, тем более что они жили на краю посёлка и соседям многое не было видно.

Мальчик поднялся с земли, когда в небе появилась первая звезда... Он знал, что отец ленив и, не дождавшись сына вовремя, обязательно ляжет спать и перенесёт свою охоту на завтра, и там что-нибудь обязательно придумает. Однако оставалась неожиданность: вдруг, подумал мальчик, мама заставит отца не ложиться спать, а дождаться сына, вывести недалеко от посёлка и расстрелять. Мальчик крадучись подошёл к тёмному окну, где была потушена керосиновая лампа, прислушался: в доме не было слышно разговора – постоял ещё несколько минут, потом с холодком на спине вошёл в дом, пытаясь не скрипеть дверью.

Мать подняла голову и спросила: «Ты так долго играл с ребятами?».

«Да», – ответил мальчуган.

«Ладно, ложись спать, завтра пойдёте с отцом на охоту».

Мальчик облегчённо вздохнул и тихонько, стараясь не шаркать ногами по полу, прошёл к кровати, лёг и вновь провалился в глубокий сон.

Проснувшись на следующий день, он опять ничего не поел, продумывая ситуации, где бы он мог спрятаться и найти защиту. В голове его постоянно мелькала мысль о том, что надо подойти к человеку за помощью так, чтобы тот ему поверил и защитил. Он вышел на улицу рано утром и зашагал по ней, совсем не ощущая того, что он уже двое суток ничего не ел.

Так в прогулке прошла половина дня; ноги его самостоятельно привели к детскому саду, где работала та самая техничка, пытавшаяся уже однажды его усыновить. Обессиленный мальчик сел на скамейку перед выходом и стал ждать её. Проходившие женщины узнали его и позвали техничку, очевидно, догадываясь, что случилось нечто важное. Однако женщина не вызвала уверенности у него в том, что она в состоянии будет его защитить от возможного покушения со стороны отца...

Мальчик открыл ларь, стоявший возле добротного дома, чтобы укрыться в нём, однако там снизу так несло холодом, что мальчик подумал, что если он ночь проведёт тут, то может просто замёрзнуть во сне – и тут же вспомнил своё замерзание в детском саду. Этот ларь был предназначен для зерна, заработанного на трудодни – по словам соседей, эта традиция осталась с предвоенных времен. И он, попрощавшись с холодным местом как будто навсегда, уверенный в том, что он уже вряд ли вернётся сюда живым, пошёл дальше по улице искать защиту среди бывших знакомых его семьи.

Совсем рядом с детским садом был дом учителя, но он прошёл мимо, так как учитель в своё время пожаловался на него матери за посещение её сына и своим визитом мешал ей работать. Мальчик понял, что мать не хотела, чтобы он вообще заходил к ним когда-нибудь, и после этого она пришла домой настолько злая, что готова была тут же на месте его убить. Вспоминалось также, что учитель пожаловался за визит к её сыну, когда они вернулись из посёлка Мулымья, и он ещё не набрал достаточно сил после голода и холода длительной поездки. Значит, здесь ему никто не поверит, подумал мальчик и зашагал дальше.

Вышел на окраину посёлка, неподалёку от места работы его отца. До конца рабочего дня времени осталось много, самое главное – не попасться на глаза отцу, который будет возвращаться по этой улице домой. И мальчик рискнул зайти к своим знакомым. Эта семья была занята вспашкой земли; лошадь, надрываясь, тянула плуг, поднимавший пласты земли. Шестилетний мальчуган около часа шастал рядом с лошадей, делая вид, что участвует в процессе вспашки, и выбрав удобную минутку, незаметно юркнул в дом, сел в углу так, чтобы его не было видно, и затаился там надолго. Когда стемнело, хозяева поужинали. (Для мальчика еда уже ничего не значила в его остатке жизни, потому что если его сейчас выставят, то его точно найдёт на улице отец и застрелит где-нибудь в кустах.) Когда стали ложиться спать, обнаружили старого знакомого и спросили: «Почему ты не дома?».

«Я не хочу идти домой».

«Почему?», – задала вопрос хозяйка.

«Меня хотят убить».

«Кто?»

«Отец».

«Как так, объясни?», – обратилась ещё раз хозяйка, которая была одного возраста с его матерью.

«Поздно вечером, – начал объяснять шестилетний мальчик, – мы с папой ходили на охоту, хотя она уже неделю закрыта по срокам. Мы долго шли вдоль обрыва в сторону Леушинки, и когда были совсем далеко от посёлка, отец выстрелил из ружья в столбик, стоявший на берегу Тумана, и попросил подойти и посмотреть – попал или нет. Я подошел к нему и стал искать следы от дроби, проводя пальцами по столбику, потому что плохо вижу с детства, а когда повернулся к отцу, то увидел, что он целится в меня из ружья. Я у него спросил: «Папа, ты что делаешь?». «Смотри в ствол», – ответил он, медленно опустив ружьё, и долго стоял и смотрел в мою сторону, как будто собираясь что-то сделать...».

«Так, понятно», – сказала хозяйка и уложила мальчика спать на деревянную лавку.

Самое главное – хотя бы сегодня он остался жив и завтра увидит солнце и Туман с его накатывающимися волнами, и услышит шум далёкого шторма.

Утром он проснулся рано; спина от неудачного положения на лавке без положенной для сна подстилки болела. Задумался о том, что сейчас происходит дома: будут ли родители его искать или облегчённо вздохнут – сын исчез да и ладно. Скажут тем, кто о нём спросит, что он не пришёл спать вечером, и после этого его никто найти не может...

Утром мальчишку напоили чаем, но особого гостеприимства он не ощутил и продолжал смотреть в окно – не пройдёт ли его отец. К великому сожалению, подумал мальчик, обязательно наступит вечер и вновь создастся ситуация, когда его поведут на расстрел... Солнечный день показался ему тёмным и неприветливым.

«Да когда же это всё закончится, – подумал он, – почему его сестра живёт спокойно и её никто не хочет убивать, а его на каждом шагу преследует злой рок?!»

Он устал психически и физически – сказывалось недоедание последних дней и нервное перенапряжение. Но мальчик с младенчества привык к такому положению, и это помогало ему жить, как расчётливому и выученному судьбой зверёнышу.

Однако по продолжительности осознанного покушения на его жизнь такого ещё не было: ведь он уже всё мог помнить, а это могло быть очень опасным в обозримом будущем для самих родителей. И никто не мог ручаться, будет ли через десяток лет их сын психически уравновешенным и всё простит или же попытается отомстить своим родителям.

Он сидел в квартире своих знакомых и вновь искал выход из создавшейся ситуации, а выхода для него просто не было, долго сидеть он здесь не мог – это была совершенно чужая семья.

К вечеру стало ясно, что мальчика никто не ищет, жизнь в самом посёлке идёт своим чередом, и только те, у кого находился беглец, размышляли над тем, как же выйти из сложившейся ситуации. Выпроводить мальчика из дома не позволяла совесть, идти к его родителям – но те его не ищут.

Помог подвернувшийся случай. По улице медленно, будучи, очевидно, довольным, что мальчик исчез и нет необходимости его «убирать», шагал отец беглеца. Хозяин дома, где скрывался от грозящей ему смерти мальчик, вышел из дома и попросил подойти к нему. Самодовольный отец мальчика вальяжно подошёл к нему, забыв при этом поздороваться, и завязался не очень-то приятный разговор, свидетелем которого и был мальчик, сидевший в это время в сенях и наблюдавший происходившее на улице в нескольких метрах от него. Отца было видно, он стоял, повернувшись лицом к сеням, а хозяина было видно со спины. Спрятавшийся сын обратил внимание на

выражение лица отца, которое заметно менялось по ходу разговора – от очень умного до глупого, а затем испуганного и заискивающего, как у нашалившего шестилетнего ребёнка, с которым ему так часто приходилось общаться.

«Вы кого-нибудь потеряли?», – спросил мужчина подошедшего отца мальчугана.

«Нет», – коротко ответил отец.

«Как это никого не потеряли?!», – ещё раз обратившись к отцу, переспросил мужчина.

Отец замедлил с ответом, и мужчина напомнил ему о сыне.

«Сейчас ответь, пожалуйста, почему твой сын утверждает, что ты собирался его застрелить?»

«Я только навёл на него ствол, чтобы поугадать его!», – воскликнул тот.

«Вот это шутки, что ребёнок, боясь тебя, прячется по всему посёлку, и ты такой отец, значит, если тебе родной сын в возрасте шести лет не верит, то что будет с тобой дальше? А впрочем, ты уже его бросал в детском саду! Что, уже не помнишь или не желаешь вспоминать, что ты сам натворил?! Ты же его отец и как глава семьи, что скажешь, так и будет в твоей семье!», – убедительно высказался мужчина.

Отец мальчика растерянно смотрел на мужчину не в состоянии что-то ответить, переминаясь с ноги на ногу.

«Так вот, дорогой, если ты этого ребёнка расстреляешь или ещё как-нибудь покалечишь, я сам приду на суд и напишу заявление, чтобы тебя, такого умника, расстреляли, и если этого не получится, то ты получишь лет двадцать пять тюрьмы строгого режима. Да чтобы тебя в таком случае посадили с насильниками и попользовались тобой. Ты же помнишь, очевидно, как два года тому назад к нам в посёлок направили отбывать ссылку уголовников, так не только бабы боялись вечером выходить на

улицу, но и молодёжь, и посыпались тогда заявления от политических ссыльных о том, чтобы их отсюда убрали. И ты знаешь, ведь ссыльные добились своего. Так вот, там их наоборот будут к тебе подсаживать за детоубийство: расплата одна – как и за статью по изнасилованию. Кумекаешь или оторопел от такого поворота событий?! Ты думаешь, что люди не помнят того, как ты родного сына бросил вскоре после рождения – это ты его бросил как глава семьи. Запомни, что где бы ты ни был, я всё равно тебя найду, если ты хоть пальцем тронешь пацана!»

Он вошёл в сени, взял мальчика за руку и с определённой силой подвёл его к отцу, который вынужден был вести мальчика через весь посёлок по первой от озера улице до своего дома на другой окраине посёлка. С какой ненавистью и испугом на лице было сделано отцом всё это: он мог ждать от жизни чего угодно, но такого поворота никак не мог предвидеть. Весь его вид напоминал вид матери, когда ей вручили её же сына в детском саду и посоветовали не разбрасываться детьми направо и налево.

Отец завёл сына в дом и, глядя в сторону удивлённой матери, сказал: «Мне пообещали дать расстрел, по заявлению жителей, если что-нибудь с ним случится», – и с силой повёл его в сторону, и мальчик оказался прямо возле своей кровати, у того места, где его шесть лет тому назад ночью опустили головой вниз с высоты человеческого роста на пол в надежде избавиться от него.

И мать повела себя после слов отца примерно так же, как она это делала после того, как ей пообещали дело о попытке убийства сына передать в прокуратуру. Она кричала, затаив злость на всех: «Да он ведёт себя так потому, что все наши разговоры слышал! Мы же разговаривали с расчётом, что его впоследствии не будет, вот и поплатились!».

Мальчик стоял перед собственной «мамой» и в его глазах не было ни растерянности, ни обречённости, он просто понял, что сейчас и в обозримом будущем с ним, очевидно, ничего не будет, во всяком случае пока они живут в этом посёлке... «Родители» просто трусливы и обязательно будут бояться окружающих их людей.

Он впервые за последние дни что-то поел, схватив незаметно для всех кусочек чёрного хлеба, и запил водой из стоявшего на бочонке поржавевшего ковша. В квартире витал злой дух, и мальчику показалось, что он никуда не улётал за эти шесть лет его жизни и мог, казалось, снести всё на своем пути... Но осуществить задуманное родители действительно уже не могли, так как на их поведение глядели сотни глаз посёлка для репрессированных. Фиксировался каждый шаг и подслушивалось каждое слово и теми, кто действительно по роду занятий занимался доносительством.

Мальчик об этом только догадывался, на большее после психического перенапряжения не хватало сил, однако инстинкт самосохранения давал о себе знать ещё многие дни, держа мальчика на отдалении от родителей даже на улице. Родители вместе с дочерью шли по одной стороне, а он – по другой, наблюдая за ними. Однако и его поведение попало под пристальный контроль не только тех, кто тайно имел на это задание, но и простых жителей, давно, ещё в 1948 году, отпущенных со ссылки, но проживающих в посёлке.

Через несколько дней, примерно после обеда, пришла взволнованная мать и сказала своему мужу, что все в посёлке убеждены в том, что они хотели действительно избавиться от своего шестилетнего сына. Выводы многие из жителей сделали не только на сплетнях, гулявших по селению, но и потому, что их сын даже идя по улице переходит на другую сторону и, немного отстав, медленно

движется в сторону дома. Она сделала вывод о том, что необходимо что-то менять в отношениях с сыном, хотя бы для того, чтобы все подумали, что ничего не произошло в их семье.

Мать быстро подошла, наклонилась и долго убеждала сына в том, что действительно отец пошутил, и никто не хотел его убивать, и ему не стоит бояться никого – ни отца, ни матери... Мальчик не столько поверил родителям, сколько окончательно понял, что самое страшное в этот раз позади, но надолго ли, да и вообще закончится ли всё это когда-нибудь...

Через месяц на пост главного надзирателя посёлка была назначена молодая двадцативосьмилетняя надзирательница, которая получила чёткое распоряжение в связи с событиями в Воркуте и Норильске ужесточить систему контроля над всеми оставшимися осуждёнными по ст. 58 УК РСФСР.

Два раза в неделю после четырёх часов дня они стояли, выстроившись в шеренгу, в ожидании, когда же пройдёт надзирательница, пересчитает всех и уйдёт по маленькой дорожке в сторону села Леуши. Психологически это давило не меньше, чем попытка расстрела. Надзирательница стала требовать от родителей, чтобы в девять часов вечера вся семья была дома, так как могут быть проверки и за возможные нарушения будет наказание – пересылка в лагерь с ещё более строгим режимом...

Как только заканчивалась столь унижительная процедура, всё вставало на свои места, и жизнь вроде бы входила в обычный ритм. Однако что-то не давало жить и работать спокойно – мальчик так и не смог для себя выяснить. Обозлённый «папаша» в отместку за то, что его сын-первенец пожаловался практически принародно на попытку покушения на него, силой заставлял его всё лето окупать картошку, даже если в этом не было необхо-

димости. Каждое утро, проходя возле дома, где мальчик скрывался от расстрела, отец и хозяева обменивались не совсем лестными оценками по поводу происходящего.

Сосед, глядя на отца, бросил неутешительную фразу: «Мстишь ребёнку?!».

«Знаю, что мне делать», – буркнул отец.

Когда сын отказался выполнять бессмысленную работу, отец жестоко избил его возле первого лога, бил с такой силой, что ремень проходил через ткань и обжигал кожу. Ребёнок, не привыкший плакать и просить о помощи, молчал, но потом, всхлипывая, закричал: «За что убиваешь, папа?!», – только тогда отец прекратил истязание и пошёл в сторону дома – очевидно, слова бывшего соседа сыграли определённую роль. Мальчик, прихрамывая, пошёл вслед за ним – идти всё равно было некуда. Однако, даже подойдя к дому, мальчик чётко сказал, что если к нему будут также относиться, он уйдёт из дома.

«А куда же ты уйдёшь? – задала вопрос подошедшая сестра. – Идти-то некуда, репрессированных нигде не берут, тебя просто приведут за ручку и вновь передадут родителям».

«Родители» в течение нескольких недель объясняли всем своим знакомым, что их сын растёт такой никудышный, и он что-то перепутал, по своему недоразумению, по поводу того, что его кто-то собирался убивать. Это было неприятно слышать мальчику в том возрасте, когда заметно расширился круг знакомых и ему было необходимо готовиться к школе.

Во время одного из таких объяснений для окружающих сын развернулся и ушёл в первый от дома лог, как бы растворился в тиши берёз и наступающей темноте ночи. Сидевшие за столом и играющие в карты соседи заволновались.

Мать подозвала свою дочь и попросила: «Сходи и посмотри, куда он ушёл, неровён час, что-нибудь натворит», – но та его уже не нашла.

Возвращался шестилетний сын домой с другой стороны посёлка, лишний раз не желая ни с кем встретиться. И когда подходил к дому, встретил того самый мужчину, который больше всего посмеивался над утверждением о возможном расстреле мальчика. Они поравнялись, и будущий первоклассник спросил у мужчины: «Дядя, а вы были под расстрелом?..». Мужчина побледнел, бессмысленно вытаращил глаза да так и остался стоять на некоторое время на улице...

На следующий день дети играли в лапту; подслеповатый мальчик схватил с земли камень и попытался бросить его вместо мяча, но обломок кирпича, пролетев по всем меркам внушительное расстояние, влетел в центр играющих в карты мужиков и попал чётко под глаз тому самому вредному язвительному мужчине. Тот, схватив место под глазом рукой, другой рукой бросил колоду карт на стол и взревел, глядя на отца ребёнка: «Убийцу растишь, мать твою!..».

«Я же говорил, что он всё видит, только прикидывается слепым. Отомстил ведь мне за то, что я поддерживал мать», – словно раскрыв заговор, сам себе сказал отец мальчика.

«Эй ты, фулюган! А ну, иди-ка сюда!», – угрожающе выкрикнул картёжник.

Мальчик отрицательно помотал головой. Через минуту мужчина, успокоившись немного, посоветовал отцу всыпать этому сорванцу, что и было сделано несколько позднее. Синяк под глазом у пострадавшего было видно полуслепому мальчику даже через неделю.

Окружающие смотрели на него временами с недоверием: мать могла убеждать в том, чего она хотела достигнуть. Ведь её отец и брат были сравнительно образованными

людьми и многое сумели передать ей, и по части убеждения и умения преподнести необходимую информации ей не было равных среди знакомых в округе, как понял мальчик. Это умение, как он уяснил из разговора матери, она сумела перенять у своей мамы, Ульяны Петровны. Даже когда взрослые играли в карты, она при разговоре умышленно заостряла внимание именно на тех темах, которые ей просто были выгодны, а мальчик возразить ничего не мог, ему бы просто не поверили, да получил бы после этого ещё одну неприятность. От родителей, прошедших такую школу жизни в спецпоселении, когда они видели и аресты, и смерть по разным причинам, как он понял, можно было ожидать чего угодно. После подобных разговоров мальчик ещё реже стал показываться в семейном кругу, особенно на улице на всеобщем обозрении.

Его очень удивляла жестокость окружающих людей, особенно взрослых в отношении детей или подростков, даже если такое проявление носило разовый характер, – оно автоматически переводилось на него самого: вот, мол, смотри, с тобой будет так же, как, например, с тем подростком взрослее тебя... Тогда осенью пятьдесят шестого года возле местного клуба взъярённый взрослый мужчина, воспитанный в жестоком мире постоянных требований в системе наказаний, игнорируя словесную воспитательную работу с подростком, взял палку с ржавыми гвоздями и так избил паренька, что тому было трудно после этого подняться с земли. Избил за то, что тот нарвал неспелых маленьких зелёных яблок. Растущему организму молодого человека просто не хватало витаминов, а при отсутствии северного завоза так было постоянно. От острого желания съесть чего-нибудь непривычного он и пострадал, а потом долго лечил оставленные орудием наказания ссадины, накладывая на них листья подорожника.

А мальчику отец указал на этот «пример» пальцем и напомнил, что с ним будет то же самое в случае, если он поступит так же, как это было весной при попытке нажаловаться на родителей.

Лето было жаркое. Детские голоса постоянно звучали на берегу Тумана. Остаток лета дети провели на близлежащих полях, украдкой пробираясь в овёс или горох, незаметно для назойливых зрителей или охранников, объезжавших поля на лошадях. Неухоженные и ненакормленные вовремя, они были собирателями всего съестного.

Сильных штормов на озере в это лето было совсем мало, разве что весной на цветение черемухи и на вскрытие льда в Обской губе. Откуда такие тонкости знания природы и климата пришли в посёлок, мальчик не знал – ведь в те края спецпереселенцам ездить было запрещено. Однако детское воображение срабатывало и здесь. «Скорее всего она (*Обская губа. – Авт.*) была очень широкой, как Туман в половодье с плавающими большими льдинами», – подумал мальчик, сидя на краю обрыва и рассматривая озёрные просторы своими дальнозоркими глазами.

Июльским утром детвора заметила какое-то движение лодок на озере, да и по берегу беспрестанно двигались незнакомые люди. Любопытные дети спустились вниз на песчаный откос, и в нарушение всех инструкций по спецпоселению, запрещающих встречаться с людьми с других мест, подошли к совершенно незнакомым людям и спросили: «Почему так много несвязанного в пучки леса сегодня плывет по озеру?».

«Да вот, медведь, пока все на обеде были в посёлке Леушинка, толкнул брёвна в реку, а те потянули следующее звено... Вот так бревно за бревном – и весь подготовленный к сплаву лес в реке... Так что когда пришли лесозаготовители, готовый к отправке лес уже выплывал из устья

речки Леушинки», – как бы оправдываясь ответил рабочий-сплавщик.

«А давно он там хозяйничает?», – любопытно спросили дети.

«Точно не скажу, ведь это медведь – зверь, да еще какой. Скорее всего он выглядывал и следил за тем, что делают рабочие, а затем из любопытства попытался повторить эти движения. Только вот что из этого получилось. Сам-то он, поди-ка, напугался от шума падающих бревен и убежал, куда глаза глядят, а нам работы добавил, помощничек чёртов», – продолжил разговор рабочий.

Через день весь лес на озере собрали: в устье речки Ах вязала плоты специально отправленная бригада, но сил явно не хватало, и им на помощь пришли колхозники, хотя опыта работы со сплавным лесом у них не было.

Где-то недели через две медведь, в обеденный перерыв взобравшись и сломав кабину трактора ДТ-40, завязал узлом все рычаги... Пришедший рабочий, увидев это, с криком соскочил с гусеницы трактора: «Мужики, мужики, медведь-то лютует и пакостить начал! Как план делать будем без трактора?! Не раньше как к осени придут запасные части!». Однако баржа пришла намного раньше, и заготовка леса продолжилась.

«Видно, сама природа бунтует против вмешательства в неё человека и техники», – высказался как бы вдогонку происшедшим событиям директор леспромхоза.

Это было время, когда на севере, в Берёзовском районе, были открыты первые месторождения газа. В небе появились первые вертолёты, с них был высажен первый воздушный десант: возле посёлка парашютисты спрыгнули прямо на поля. Собрав парашюты, приземлившись прошли по берегу озера, всё тщательно изучая и записывая. Через несколько часов прилетел странный самолёт, кото-

рый сел на воду и выкатился на колёсах на песчаный берег, и местные ребяташки с интересом разглядывали как сам самолёт, так и прилетевших.

Так произошла встреча людей, живших в патриархальной среде, с новым техногенным миром, полным открытий нефти и газа на территории древнего края. Несмотря на уставную замкнутость жизни в посёлке Лиственничный, жители проявляли интерес ко многому, что происходило в стране и мире, обсуждали события в Корее. Видя перелёты новых военных реактивных истребителей, восхищались: «Такую бы мощь нам во время войны!..».

Ещё больший интерес у односельчан вызвал первый спутник, запущенный в 1957 году. Многие тогда стояли вечерами на уличном холоде в ожидании мигающего огонька в небе над Землёй, однако лишь немногим в этом повезло...

В селе Леуши была поставлена геологоразведочная партия, которая проводила бурение на триста метров в глубину, забирала керн и отправляла его на изучение в специальные исследовательские учреждения.

Мальчик и его сестра вышли к берегу в тот момент, когда туда поднялись вертолётчики. Вторая винтокрылая машина кружила в воздухе, и чтобы её посадить или передать какую-то информацию из-за отсутствия радиации долго махали белым полотенцем. С вертолёта просигналили и он улетел. Вновь собравшись вместе, лётчики с удивлением рассматривали неухоженное и голодное «воинство» подошедших ребяташек, затем старший из них многозначительно сказал, что такого отношения к родным по крови детям он не встречал даже в Германии в годы войны, когда он прошёл до Эльбы.

«Бежать вам, ребята, надо отсюда, здесь для вас нет будущего», – сказал, помолчав немного, седой командир.

Мальчик, перенёсший последствия побега, горестно сказал: «Бежать нам просто некуда – кругом проверка документов и нет постоянной дороги до большой земли, кроме водного пути, где стоят заставы перед большими населёнными пунктами».

«Какая дикция у тебя, мальчик! Не очень-то похожа она на местный уровень», – сказал лётчик, уходя, и внимательно посмотрел на него.

Мальчик долго глядел вслед удаляющимся по берегу лётчикам и понимал, что они были правы: ведь он говорить учился, подражая голосам, льющим из обычного репродуктора, а мать его этому не учила. От ушедших вдаль лётчиков повеяло свободой в словах и поведении, и именно к этой свободе потянулся быстро взрослеющий мальчуган.

В действительности же лётчики оказались такими же зависимыми от стечения обстоятельств, как и сами отбывающие наказание в трудовом спецпоселении ссыльные. Высказанное мнение лётчики не скрывали ни от кого, и их слышали многие жители. Через несколько дней тех отозвали в район и вместо них прислали других, но и те оказались непростым орешком для властей по управлению лагерями на местном уровне...

Лётчики умудрились даже прокатить осуждённых ребяташек на вертолёте: тогда им открылся мир – большой, красивый и неизвестный... Детвора делилась своими впечатлениями дома, ведь это было абсолютно новым и незнакомым явлением в жизни всего посёлка для ссыльных за все двадцать пять лет его существования.

По этому поводу больше всех возмутился комендант. Это было неслыханным делом: прокатили ребяташек, а у него никто не спросил разрешения. Однако наказать лётчиков он не имел права, они были свободными людьми и он просто подыграл ситуации.

На следующее утро отверженный мальчик проходил мимо лётчиков, уже зная, что на них настрочили донос и надзиратели и те, кто желал выслужиться и получить досрочное освобождение.

«Ну что, написали жалобу на вас?», – сочувственно спросил мальчуган.

«На нас хоть в ООН пусть пишут!», – уверенно ответил командир вертолётчиков, у которого на кителе висели боевые награды.

Через день весь экипаж вызвали на собеседование в райцентр, откуда они вернулись молчаливыми и задумчивыми. Злые языки в посёлке шипели: «Ну что, успокоились?! Нашли и на них управу! Как прилетели, так и улетят, а нам здесь ещё жить!.. А ну как ещё бунт среди молодёжи поднимут...».

Действительно, сельская молодёжь после встреч с лётчиками, которые рассказывали всем о том, как велик этот мир, а самое главное – что есть относительная свобода передвижения и выбора профессии, встрепенулась: стали появляться свои «сельские вольнодумы», пугавшие своими высказываниями старожиллов, начинающих приывать к мысли о размеренной, без риска и страха за будущее жизни. В поселковом магазине, где работала старшая дочь Спиридона Егоровича, все судачили об этом несколько дней подряд...

Лишь дети, возмущённые таким отношением коменданта, решили подоводить его. Поздно ночью, подвязав зелёную картофельную балаболку и натянув нитку на большое расстояние, периодически дёргали её. После постукивания по стеклу комендант несколько раз выходил и проверял, кто же осмелился так поступить. Но на улице возле окна никого не оказывалось и он уходил спать. Так продолжалось почти всю ночь. После этого

контрольную нитку оборвали возле бесхозной половинки дома, и ребятня разбежалась кто куда. Дома почти всех ожидали родители с ремнями наготове, но наутро, как ни расспрашивал комендант, никто ничего не сказал. В этот день комендант был чрезвычайно зол и это отразилось на его результатах работы: двоих сразу же по итогам дня отправил на ночь в холодную яму.

В посёлке все начали говорить о том, что комендант свирепствует: «Очевидно, к концу всего комендантского пребывания разошёлся...». Язвили об этом всё те же злые языки – и такого тоже никогда не бывало в истории спецпоселения. Коменданта всегда все боялись, а теперь ситуация складывалась иная. Весь посёлок ждал его отъезда, а самое главное – людям было интересно, кто же пойдёт его провожать.

Во время его «работы» друзей действительно было очень много, каждый как будто защищал себя, а сейчас вроде как защищаться было не от кого. Задумались и заговорили было о свободе и возможности уехать обратно в свои родные места, но сразу же замолчали. Возвращаться было некуда да и незачем. Для всех вновь в памяти всплыли жестокие времена их высылки, со смертями по дороге и во время их обустройства на новом месте. И сразу бывшие родные места стали окончательно для многих не родными, а чёрственно-холодными. Родственники из этих мест не написали ни строчки в страхе за своё будущее, да и сами спецпереселенцы этого не делали. Выросшее молодое поколение вообще считало Север своей родиной и никуда не собиралось уезжать. Все прижились здесь, каждый знал всё друг о друге – как там, на бывшей их родине.

Тихо и без предупреждения готовился отъезд коменданта: знали только те, кто с ним близко работал по наведению «порядка». Коменданту посёлка Лиственничного

предложили за особые заслуги место в окружном центре, а комендант посёлка Ягодного, ожидая своего назначения, отказался куда-либо ехать и без всякой боязни остался работать в другом населённом пункте. Так разошлись пути двух людей, в своё время крепко связанных своей полувоенной формой работы.

Ночью перед самым отъездом, часа в три, вновь в окно застучала картофельная балаболка. В это время коменданту приснился сон, что пришли к нему мужики, сидевшие в холодной яме и заболевшие после этого, – с вилами и палками. Он судорожно открыл глаза, покрылся испариной и вдруг услышал резкий стук в окно, стекло треснуло. Бушмелев поднялся, голова его болела, и чтобы хоть как-то протянуть время, он закурил свой любимый «Казбек». А в окно вновь забарабанила подвешенная картофелина... Он вышел на улицу, подошел к окну и оборвал нить с балаболкой.

«Опять этот пацан – почти слепой, а не спит, всё о себе напоминает. Он как весточка чего-то страшного из прошедшей жизни в этом посёлке. И надо быть такому: все, что попадали в такую ситуацию, не выжили, а он – на тебе, живой, да ещё мстит по-детски так настойчиво. Тюрьма его ждёт – в самый раз ему свой талант шахматиста показывать перед зеками. Ведь он не против меня в общем-то, а против всего, против власти в такие-то годы выступает. И до чего страна наша дойдёт через несколько десятилетий, когда вот такие подрастут и придут к власти», – по спине его пробежал холодок: впереди его ждала немощная старость, в которой может произойти всякое, и голод, и холод – именно то, что он сам организовывал для других... Его одолел страх за своё будущее... «Надо уезжать отсюда и подальше», – решил он.

И когда он открыл скрипнувшую дверь, в ушах у него пронеслись не понятые им слова, услышанные когда-то

давно: «От прошлого никуда не убежишь...». Даже засыпая от усталости, он вспомнил выражение лица матери этого ребёнка, когда он отправил её после побега стоять ночь в холодной яме. Глаза этой женщины были наполнены страхом, руки тряслись, она умоляюще смотрела на него, а он, выполняя чей-то, а может быть, свой внутренний приказ, столкнул её в эту холодную пустоту, которая обычно уносила через некоторое время после этого слабых и больных людей в вечность, оставив биться в истерике женщину – на растерзание своим надзирателям...

Рано утром было видно, что в квартире коменданта никто не спит. Хозяйка в последний раз сходила к соседке за молоком, и все молча сели за круглый старинный стол на завтрак, чтобы попить парное молоко, к которому все так привыкли и без него уже не представляли себе дальнейшую жизнь. «Ничего-ничего – и в Ханты-Мансийске у нас всё будет», – уверенно произнёс хозяин дома и глава семьи. Через минуту он по-военному чётко вышел из дома, как будто как и прежде на работу, но на этот раз он шёл, чтобы договориться с рабочими и попросить, а не приказать, как раньше, лошадей, чтобы погрузить на понтонку свои вещи, с которыми он объездил за свою жизнь не один десяток мест и с которыми было жалко расставаться.

У правления колхоза не было никого, даже его близких «друзей». Председатель тихо сказал, что подъедут рабочие около одиннадцати часов дня и всё сделают. В одиннадцать часов дня берег был пуст, возле дома никого из рабочих не было...

«Конечно, я не собирался прожить всю жизнь, чтобы мне ни разу не вlepили пощечину, но чтобы так часто и от всех, кто окружал тебя и был верным все эти годы, – это уж слишком», – сказал комендант и снова пошёл к председателю.

Лишь подрастающие пацаны крутились, что называется, под ногами.

«И опять этот полуслепой мальчик... Запомнил ведь, как его, полузамёрзшего, привезли в Ворпавлу, – этот будет ещё посложнее Геннадия Окунева. Меня во всём винит, что столько дней голодом просидел да на холоде. Не простил ведь, да и я прощения не собираюсь ни у кого просить. Я выполнял честно всё то, что мне приказали... и никаких поблажек», – а в голове звучали слова: «Мог бы и почеловечнее поступить, ведь ребёнок же он...».

Более мягкий по натуре комендант Степан Пактусов, уехав из посёлка Ягодного в Леушинку, устроился на работу десятником, потому что умел вести учёт и работать с документами. Примерно через полгода заболел на нервной почве. Долго по ночам вскакивал с криком о помощи. Лечился у знахарки, которая пыталась на свечку вывести всё зло человеческое, которое обратно поступило к нему, но не смогла этого сделать, приняла всё это на себя и поздней осенью 1958 года умерла; ещё через год умер и сам Степан.

*Человечество настойчиво карабкается
по крутому склону в своё будущее,
не подозревая, что встретит на вершине
своё прошлое...*

Борис Мазуров

Через пятьдесят лет после выезда из посёлка Лиственничного за столом сидели мать, сын, сестра и брат с женой.

Перед встречей мать сказала: «Может быть, тебе всё это приснилось?». Лицо её выглядело обескураженным, хотя было ощущение, что она готовилась к этой встрече; однако внешность её явно находилась в противоречии с внутренним миром. «Он из прошлого моей жизни. Он и есть моё прошлое...», – подумала она о своём «живом» и вновь представшем перед ней «чужом» ребёнке из жестокого прошлого своей молодости – её «родном» сыне. Лицо её дрогнуло, рука непроизвольно потянулась к бокалу итальянского вина.

Сын начал беседу, от итогов которой зависело многое, но прежде всего нужна была психологическая разрядка пятидесятилетней «выдержки»: с одной стороны – потерпевшего, с другой – тех, кто совершал несправедливые поступки. И тех и других уже который десяток лет мучили мысли о прошлом.

Это необходимо было прежде всего матери. А мать молчала, лишь изредка оправдываясь в том, что было сделано за минувшие годы. Лишь сестра продолжала оправдываться, ссылаясь на то, что мать была в команди-

ровке, когда маленький ребёнок находился брошенный в детском саду в дни и ночи под новый 1951 год. Что-то не вязалось в её рассказе: не мог же отец бросить сына и остаться с удочерённой девочкой на период почти годового, по её утверждению, отсутствия матери. Видимо, и здесь выявилось много противоречивого, с нравственной точки зрения, в оценке событий далёкого прошлого.

Когда все разошлись, сын встал и, немного отойдя в сторону от своей мамы, описал ей попытки убийства его самого после вынужденного возвращения его из детского сада. Большинство таких попыток убийства ребёнка, по мнению старшего сына, совпадали с тем, что в разные периоды времени было сотворено с ней самой, вот только где и когда она могла увидеть факт, чтобы мать могла приподнять за ноги своего ребёнка и с силой ударить головой об пол, потеряв его на время, а может и навсегда...

«Да... но такое повторяется и в нынешнее время», – вновь подумал про себя мужчина.

Убелённая сединой, она ничего не смогла сказать против, лишь ещё раз молча потянулась к стакану хорошего красного вина...

Он успокаивающе сказал своей матери: «Возможно, после того, как всё стало ясно, тебе будет легче жить на этом свете, перестанут приходить ночные кошмары. И ещё одна просьба останется для тебя, и она вполне выполнима. Измени своё отношение к внуку, отбрось в прошлое всё жестокое, что было в твоей жизни».

«А что, это так заметно?», – удивлённо спросила мать.

«Да», – ответил он, задумываясь над тем, что не представляется, очевидно, возможным изменить принципы и взгляды человека, когда жизнь уже на исходе своих дней.

Мужчина вышел на улицу один, оставив мать, сидевшую за столом, и зашагал свободно: он понял, что уже не будет просыпаться с криками среди ночи, и весь кошмар прожитых лет остался далеко позади.

А сестра, возвращавшаяся из магазина с младшим братом, у которого и жила престарелая мать, при встрече возле самого дома съёжилась и с покрасневшими глазами прошмыгнула в квартиру, очевидно, на собеседование по итогам этой встречи...

Лёгкий ветер дул с южной стороны – оттуда, где когда-то жили отцовские родители, дедушка и бабушка, которые «заказывали» в своё время посмотреть и понянчить своего внука-первенца. А домик на окраине посёлка так и стоит, как это было более полувека назад. Сами они похоронены в затерянных могилах. Жена отца отказалась ухаживать за ними, расположенными в сосновом бору, что в половодье огибается давно заросшей протокой, по которой когда-то они везли в калданке своего сына-первенца из Лугового в Лиственничный.

Строевой лес в большей степени вырублен, и сейчас в таком количестве его никто не заготавливает в одном месте... На реке стало спокойнее, лишь изредка тишину нарушает проходящий мимо теплоход или катер. Не работает некогда большой, по кондинским меркам, аэропорт.

Ведь именно здесь, на изгибе реки, возле брошенной взлётной полосы, где пятьдесят с лишним лет назад родители проталкивали калданку с малышом среди бревен молевого сплава, утлая лодчонка едва не перевернулась. Совсем рядом с этим местом на берегу стояли строения и конюшни, оставшиеся от усадьбы Зуева, который был расстрелян как кулак в 1935 году. Отсюда были видны Бронниковские пашни, где после поездки к бабушке и дедушке младенец лежал, брошенный родителями, целый день на берегу среди кишачих вокруг змей. С этого места его потом вывезли в первый посёлок уже чужим, как куклу для очередных издевательств – как со стороны родителей, так и со стороны государственных служб,

построивших всё своё отношение с ребёнком на основании применения репрессий по политическим мотивам в административном порядке Постановления СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930 года согласно месту жительства и как к родившемуся в ссылке.

Жестокость того мира и сегодня даёт о себе знать в душах и поступках людей той эпохи. Брат моложе главного действующего лица на девять лет, которого так ждала мать в противовес первенцу, трагически погиб, перенеся на себе все ужасы выяснения отношений между родителями после его отъезда из родительского дома на учёбу в институт. Молодой и очень чувствительный ко всему окружающему, имея художественный талант портретиста, он погиб в возрасте двадцати четырёх лет, не сумев перенести семейных ушибов (кто, когда и кого подводил под расстрел): получил психическое расстройство и, осознав, что это на всю жизнь, покончил с собой под шум листвы берёзовой рощи вдали от родного дома.

На следующий день после исчезновения Юрия нашли стоящим на ногах с затянутой на шее верёвкой в берёзовой роще в тридцати километрах от города Тюмени. Его смерть как бы вобрала в себя всё то, что должно было произойти не с ним... История высылки тридцатых годов и жестокости человеческого мира забрала свою очередную жертву. Врачи каким-то образом узнали девичью фамилию матери и место её отбывания в ссылке и послали туда телеграмму; лишь через несколько дней листок с трагической вестью нашёл своего адресата.

За год до встречи, начало которой раскрывается перед читателем в эпилоге, седой человек, о котором идёт речь, направлялся в посёлок Луговой на теплоходе «Заря» и услышал мнение одноклассницы погибшего брата об этом факте: «Нам до сих пор не понятно, почему же всё-таки произошла эта трагедия. В судьбе его семьи слишком

много неизвестного и скрытого от человеческого понимания и человеческих глаз...».

Мужчина, задумавшись, вспомнил эту трагедию, когда родная мать стояла у гроба погибшего второго сына, которого она родила в первом посёлке. Она не проронила ни одной слезинки и ни единого слова: чего в этом было больше – женской, настоянной на жестокости прошлых десятилетий мужественности или безразличия – сказать было трудно.

Через неделю после похорон Юрия она, сильно постарев, со слезами на глазах, будто выдавив страшную боль из сердца, произнесла: «Приехал из Тобольска перед смертью сыночек, пожил последний годок с родителями, повидался, простился и ушёл из жизни навсегда...».

Она стояла во время похорон возле церкви, разрушенной в советское лихолетье, и вспоминала своё пребывание в тридцать первом: голод и насилие по отношению к родной матери прямо в церкви возле иконостаса односельчанами, которые впоследствии их сопровождали во время высылки, что по сути и сделало её жесткой и ненавидящей мужчин.

«Заря», петляя по руслу Конды, уносила пассажиров в мир осени и воспоминаний, прохладных и жестоких по содержанию человеческих отношений.

Место могилы Спиридона Егоровича никто не помнит и почему-то не вспоминает.

«Неужели женщины до сих пор винят его во всех тяготах жизни, что им пришлось перенести?», – задал вопрос сам себе его внук, но не нашёл ответа.

Ни разу за последние шестьдесят лет никто не побывал на предполагаемом месте его захоронения. Не был никто также и на могиле матери – Ульяны Петровны, кроме старшей дочери, о жизни которой идёт речь в данной книге, – как будто не было для семьи ни отца, ни матери

в том нечеловечески жестоком мире, который скрыл от человеческого взгляда место захоронения родителей...

Постепенно для окружающих забывается история, уносящая в вечность всех участников тех трагических событий.

Нет той гигантской, в пять обхватов, зелёной лиственницы на высоком берегу Тумана, которую, как звезду, было видно за несколько километров при хорошей погоде и в честь которой назвали этот посёлок. Разбушевавшаяся, как будто по чьему-то заказу, сильная гроза с ливнем налетела с юго-запада на берег озера. И засветившаяся в половину неба молния раскроила ствол этого гиганта, а сила ветра была настолько велика, что дерево, как будто надорвавшись от собственного веса и величины, треснуло и начало постепенно разрушаться. Жители близстоящих домов необдуманно спилили оставшуюся часть дерева на дрова, но позднее получили за это по сталинским законам немалый срок...

Разбушевавшийся Туман подмыл берег и унёс в своих волнах пень с корнями лиственницы-гиганта, не оставив людям ничего из истории предков – словно в наказание за то, что они необдуманно сделали после грозы со священным деревом. По преданиям манси, здесь когда-то давным-давно жилименьквы – злые мохнатые духи, которых нельзя тревожить...

* * *

На окраине Лиственничного шумят берёзы под завывание ветра, летящего с Леушинского Тумана. Ветер этот давно, почти всё прошлое столетие, взывает к разумности человеческих отношений, осыпая очередным, из года в год воспроизводимым золотом берёзовых листьев могилы тех, кого Россия не смогла и не захотела накрыть и обогреть своим теплом, понять их. Она бросила на про-

извол судьбы их жизни, людей со звучавшим в их ушах звоном православных колоколов на просторах любимой всеми разрушенной деревенской Матушки-России. Здесь захоронен частично цвет дореволюционной русской сельской элиты, которая выковывала экономическую мощь Российской Империи.

Эти сельские труженики создавали и укрепляли богатство страны, они родились в России, но жили в ней, как в чужой стране, без сочувствия и помощи, в умышленно созданных в период коллективизации тяжелейших условиях. Но они, несмотря ни на что, любили в своих мыслях и защищали её в годы войны на удивление всему миру, и этим возвеличивали ту самую Россию, которая так жестоко обходилась с ними, – свою Родину.

Осеннее золото листьев сыпалось и сыплется с шумящих берёз на могилы тех, кто когда-то раскорчёвывал в голоде и непосильном труде эти плодородные земли и умер, не желая в молодые годы умирать, а главное не понимая, за что им была уготована такая трагическая судьба. Берёзы усыпают по осени таким же «золотом» могилы надзирателей, которые строго выполняли указания партии и правительства по отношению к осуждённой и униженной части населения, уравнивая всех в вечном мире спокойствия. Вот только спокойны ли души их... никто об этом сказать не может.

Три женщины, которые были сёстрами, двое из которых ловили рыбу, а третья варила уху (за ними наблюдал избитый отцом мальчик), – в нарушение всех постановлений о жизни репрессированных – одиноки и живы до сих пор, им от восьмидесяти до девяноста с небольшим лет.

Нет в живых той женщины, работавшей техничкой в детском саду, которая в своё время желала взять брошенного ребёнка и воспитывать его у себя, но по требованию её мужа отказалась. Умерла она от рака, в одиночестве:

муж бросил её из-за отсутствия детей, а родственников у неё не было.

Заведующая детским садом, привыкшая к жестокости окружающего мира, умерла в одиночестве, в доме для престарелых, не связав свою судьбу последних лет, из-за тяжести заболевания, с семьями своих детей.

Нет в живых отца, одного из главных действующих лиц, он скончался от острого сердечного приступа. Когда был жив, возвращаясь с охоты с берега Тумана после отъезда старшего сына на учёбу в Тюмень, пришёл заплаканный и страшно удручённый тем, что нет возле него сына, к которому он несмотря ни на что так сильно привязался. В последующие годы жизни постепенно его стали одолевать мысли о раскаянии во всём, что было им сделано против сына. За двадцать лет до смерти сильно пил, бил свою жену за прошлые ужасные замыслы, а затем успокоился и последние десять лет своей жизни провёл в согласии со всеми, хорошо относясь к своим уже взрослым детям. Ушёл из жизни стремительно и неожиданно в возрасте шестидесяти восьми лет поздней осенью тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года: вышел излетней кухни на улицу ночью, когда ярко светили уже зимние звёзды, и упал на снег, сгоряча поднялся и прошёл несколько метров до кухни, промолвил, что умирает, и вновь упал с побелевшим лицом на пол. Его жена вызвала врача, но было уже поздно. Через четыре часа, придя в себя после поставленного укола кордиамин, умер, так и не успев сказать самого главного, хотя силился что-то вымолвить, – закрыл глаза и ушёл в мир безмолвия и вечного спокойствия.

Старший сын приехал на похороны отца из Ханты-Мансийска. Здесь, у гроба отца, и произошла встреча с женщиной, которая пригласила его вместе с сестрой побывать на лисятнике в 1955 году, когда они жили в пер-

вом посёлке во время ссылки, и где он видел, как забивали лошадей.

Женщина смотрела на него долго, не отводя взгляда, будто спрашивая: «Как же ты остался живым, пройдя через всё, что с тобой произошло?».

«Она, безусловно, знала всё...», – подумал он в ответ.

И словно в подтверждение прозвучали слова приехавшей женщины, адресованной к его матери: «Он что-нибудь помнит из того что было с ним?».

«Нет, не помнит», – ответила мать.

«Твоё счастье! Вот только откуда и за что оно тебе подвалило: такой сын грамотный и культурный вырос...», – задев за живое, спросила женщина.

Мать промолчала и ушла в другую комнату...

Его мать так и осталась в жизни противоречивой по характеру женщиной, в которой сочеталась жестокость и одновременно стремление к непонятой большей частью доброте. Она не любила говорить и слушать ничего отрицательного – как бы отходила от всего того, что не вписывалось в её эмоциональные рамки. Она была и осталась закрытой для всех. В работе себя берегла – больше половины ведра воды никогда не поднимала и не носила. Всю свою жизнь она проработала в области ветеринарии, о ней говорили, что она имеет лёгкую руку – так хорошо заживали раны и разрезы после сделанных ею операций. Внешне она выглядела так, что можно было подумать о внутренней ненависти к мужчинам, хотя по природе это чуждо женщине, матери, и трудно сказать, что больше подействовало на этот взгляд. По ночам просыпалась и просыпается в холодном поту от страха, но из-за чего – никто не знает. Возможно, из-за того, что все жестокости, которые она видела в детстве, были сотворены мужской половиной человечества.

Любимая мамина дочь после окончания средней школы уехала жить в Краснодарский край, там и вышла замуж. Не сошлась с мужем характером, ведь в детстве всё делалось именно так, как ей хотелось. И через два года вернулась обратно. Имеет сына. Вдова. Сейчас на пенсии. По состоянию здоровья и частично по другим причинам, в последние годы отдаляясь, всё реже заходит к своей «любящей матери».

Старший сын, о котором идёт речь в данном произведении, после окончания высшего учебного заведения и долгого периода лечения, восстановления потерянного здоровья, прошёл длинный путь становления. Удивительно, но он работал учителем, заведующим учебной частью, директором Прохоровской средней школы Армизонского района, директором школы № 37 МПС на станции Вагай Омутинского района Тюменской области. Всегда в своей педагогической деятельности он защищал интересы детей. После сорока лет посвятил свою жизнь научным изысканиям и преподавательской деятельности.

В течение пятидесяти лет он так и не мог вспомнить самое важное о своём детстве, где присутствовал весь ужас перенесённой человеческой жестокости.

«Возможно, это и к лучшему – не было нервных срывов в детстве, – подумал мужчина, поглаживая левой рукой седые виски. – Можно было по молодости натворить много того, чего даже взрослый не решился бы сделать».

Не смог он воспроизвести в памяти прожитые дни своего детства, даже тогда, когда проезжал по озеру Туман на шлюпке совсем рядом с местом возможного своего расстрела, вглядываясь в поросший тальником берег. И даже тогда, когда обычно вспоминается всё, даже забытое – на краю гибели.

Было это при аварийной посадке в аэропорту города Тюмени в 1992 году. Ту-154, следовавший по маршруту Тюмень – Москва, первые двадцать минут летел нормально, однако при подлёте к Ижевску отказал один из двигателей, и командир запросил аварийную посадку в Ижевске, но ему дали её только в Тюмени. Самолет, по ощущениям седоватого мужчины, повело вправо с последующим разворотом, и он лёг на обратный курс на высоте более десяти тысяч метров. Куда-то исчезла стюардесса, затем быстро и нервно прошла по проходу, осматривая аварийные выходы, и ушла в кабину пилотов. Последовало сообщение, что самолёт совершит вынужденную посадку в аэропорту Рощино города Тюмени. Вышел второй пилот, рассадил возле каждого выхода по крепкому мужчине, и ещё раз напомнил о том, как нужно пользоваться аварийными выходами, всех сидевших в салоне попросили во время приземления нагнуться. Самолет, сделав разворот, пошел на посадку, перед самым касанием его слегка накренило, но этого было достаточно, чтобы правое крыло коснулось земли. Что-то в это время произошло в системе управления самолета, положение выровнялось, и через секунду шасси плавно коснулись взлетной полосы. Самолет встал на место стоянки; открыли дверь, и пассажиры стали медленно, выходя из состояния шока, подниматься с мест. Все видели, как во время посадки по одной полосе мчались машины скорой помощи, по другой – пожарные машины, и это окончательно ввело всех в состояние молчаливого страха за свою жизнь, особенно детей. После того как открылись двери салона самолета, в кабину лётчиков быстро прошли медики, а из уст стюардессы прозвучали негромко слова о том, что командир, очевидно, из-за своего сердца уже отлетал отмеренные ему в этой жизни часы.

Вышедшие из самолёта пассажиры направились пешком к выходу с территории аэродрома. Выход был заполнен десятками любопытных людей, наблюдавших аварийную посадку самолета. Взрослые мужчины прошли внешне спокойно, дети шли, спотыкаясь на ровном месте, у младших беззвучно текли по щекам слезы. Что-то в их состоянии напомнило далёкое детство, но тут же воспоминания исчезли из памяти мужчины.

На объявленную посадку на этот рейс через полчаса пришло не более половины пассажиров, детей не было видно. Мужчины купили в ларьке водку и пили её, как дистиллированную воду – без закуски, совершенно не пьянея. Но при посадке с трудом передвигали ноги и садились на свободные места.

Наш общий знакомый мужчина ничего из того, что было в детстве, вспомнить так и не смог. Слишком далеко было всё у него запрятано после перенесённого удара, залившего кровью его детский мозг и глаз, слишком сильными были стрессовые ситуации, в результате которых детский организм блокировал все эти воспоминания до поры до времени. Но, очевидно, время, отведённое на «молчание», закончилось, и пугающие воспоминания вновь заставили пережить волнующие моменты прожитого детства.

Лишь семейное равновесие, как очень важный водораздел в его человеческой судьбе, и благополучие в жизни с тактичной, любимой и любящей, красивой, образованной женщиной, которая несла в себе внутреннюю, переданную из поколения в поколение, культуру Востока и Запада, стало важной опорой в его весьма противоречивой и жестокой жизни. Елена Георгиевна имела к этому времени психологическое, философское, медицинское образование, могла понять его, хотя в иных ситуациях этого было практически невозможно сделать: он со свое-

образным жизненным опытом делал многое не так, как все остальные. Осознание всего этого для главного действующего лица было особенно важно. Именно её он долго и всё-таки безуспешно искал на своём противоречивом жизненном пути, что позволило сделать и этот шаг, полный переживаний и трагизма перенесённых жизненных ситуаций, отведённый в его такой непростой человеческой судьбе.

Написав ещё один абзац своего повествования, он вышел прогуляться по уже родному, красивому северному городу Ханты-Мансийску, покрытому гирляндами светящихся огней и множеством искусно подобранных подсветок ночных зданий... принёс домой для любимой женщины осенние, полные красоты и аромата голландские хризантемы. Взял её натруженные руки, поцеловал их и вложил в них долгосохраняющийся букет с пожеланием того, чтобы всё это продолжалось нескончаемо долго, как признание того, что она смогла сделать для него в этой жизни...

Женщины из числа его знакомых по учебе ещё в институте и работе, часто обращаясь к нему, высказывались против этих воспоминаний: «Зачем ворошить далёкое прошлое, зачем вам всё это надо?».

Однако прошлое от него никуда не уходило, оно было при нём и напоминало о себе практически на каждом шагу. И не высказать его означало постоянно жить в душе с тяжестью прожитых и неосознанных лет.

Светило ласковое, будто майское, солнце, но день был осенний и за ним следовал ранний и быстрый закат. Стемнело; в небе загорелась одна, а потом несколько далёких звезд. Они висели в глубоком ночном небе, возвещая о том, что жестокая и несправедливая тайна стала явью, но она была слишком далека от очевидной сегодняшней

жизни, как эти звёзды от Земли, с каждым годом удаляясь от жизненного пути, пройденного участниками этой трагической жизни, и не было на небе ощущения скрытности и нежелания видеть то, что происходило в этот час здесь.

Лишь ещё более поседевший Туман задремал в ночной тиши, чтобы на завтра зашуметь вновь, подталкивая к жизни, а где надо и лаская человеческий мир, который постепенно забывает ужас прошлых лет, ещё оставшийся в стране в памяти миллионов человеческих судеб.

Ранней весной следующего года, когда тепло и уютно стало под ярко светящим весенним солнцем, зацвели деревья фруктового сада, оставшегося как напоминание из другого столетия. Они были много лет для всех, как белая ворона, и остались наперекор судьбе живыми и необычными для северных просторов. Аромат от цветения этих фруктовых деревьев распространился так далеко, что прилетали на него не только дикие осы, которые в детстве так больно жалили ребёнка, о котором идёт речь, но и собирали завезённых приехавшими новыми хозяевами домашних пчёл. Запущенный и неухоженный, посаженный пятьдесят с лишним лет тому назад переселенцами из солнечной Молдавии, сад стоял в самом центре посёлка Лиственничного на первой от Тумана улице. Он, возможно, был и остаётся единственным садом фруктовых деревьев на Крайнем Севере. К великому сожалению, в настоящее время от него осталось не так уж много.

Наперекор судьбе, погоде и климату тянутся высоко в небеса два огромных, посаженных многие десятилетия тому назад, дуба, семена которых были привезены с места высылки спецпереселенцами. Они выстояли, как люди, высланные сюда в сибирскую, почти не проходимую тайгу на ожидание скорой смерти от голода и холода... Отверженные северной природой на первых годах своей жизни, дубы, посаженные не так далеко от фруктового

сада, неоднократно брошенные судьбой в лютые январские морозы, выжили и выросли уже на родной теперь северной земле... Они отстаивали своё вечное право на жизнь в этом жестоком мире естественного выживания, как и герой этого трагического произведения.

Яркая зелень выросших южных растений видна издалека. Она напоминает всем, насколько разные люди приезжали сюда не по своей воле, какой след в жизни северных регионов им пришлось оставить. Они показывают всем, что спецпереселенцам пришлось выдержать в первые и последующие годы пребывания на Севере, прежде чем освоиться на этой земле.

«А может, не надо было сопротивляться человеческой жестокости в этом мире», – подумал шедший по улице седой человек. Ведь он всю свою жизнь промучился с больным желудком, был полуслепым, обездоленным и брошенным практически сразу после рождения, голодным, полуинвалидом, отверженным и семьёй, и обществом на очень длительное время. «Были бы люди так счастливы, – подумал он, – оттого, что их устремления сбылись?..». Скорее всего, от безрассудства их действий было бы намного хуже, а вместо него появился бы ещё кто-нибудь из числа отверженных в этом жестоком мире человеческих отношений.

Мужчина отмахнулся от назойливых и не совсем приятных мыслей и твёрдо зашагал, с не успокоившимися чувствами, по длинной улице посёлка, некогда имевшего заслуженный статус посёлка городского типа, от положения которого осталось в настоящее время только одно название...

Не успокоило его в поисках истины и долгожданное путешествие среди зелени полей, цветущих многообразием ещё не обработанных мест, через берёзовые рощи по дороге в село Байкалово Свердловской области. Ведь

именно здесь проживал в своё время Спиридон Егорович со своими дочерьми, старшая из которых была той самой жестокой матерью малыша. Мужчина пытался найти события, которые послужили поводом для формирования жестокости в детстве и подростковом периоде в отношении к нему его родителей. Так хотелось взглянуть на то село, где когда-то жил его дед...

Ехавший в «Волге» внук Спиридона Егоровича жадно вглядывался в окружающий его незнакомый природный пейзаж.

«И до чего же сельские поселения вдоль трассы похожи издали на Лиственничный», – подумал он.

В это время водитель предложил ему минут пятнадцать отдохнуть и полюбоваться природой... Автомобиль остановился на обочине; водитель, засучив рукава, открыл капот и внимательно стал всматриваться в тросики и шланги, подающие топливо, и что-то в них соединять.

Пассажир вышел из машины, шагнул в этот давно забытый с детства мир, когда шумело пшеничное поле в колхозе «Красная поляна» и от запаха разнотравья кружилась голова, он мысленно поблагодарил водителя за предоставленный перерыв в поездке. Он провёл руками по пшеничным стеблям, и те, шурша своей зеленью, вновь позволили вспомнить приятные минуты давно ушедшего детства. Однако минуты приятных воспоминаний быстро убегают...

«Всё в порядке, поехали», – спокойно сказал водитель. И они продолжили путешествие.

Во многих селениях были видны строительные леса на восстанавливаемых православных храмах, виднелись строящиеся особняки, по виду не уступающие городским. С дороги можно было разглядеть двух-, трёхэтажные школьные здания, дома культуры, новостройки жилых домов с зеленоватой черепицей.

Он ожидал увидеть то же самое и в Байкалово, в этом богатейшем крае, где вся таблица Менделеева находится под ногами: процветающий район, сильное хозяйство, селение в идеальном порядке, богатых и довольных своей жизнью жителей и обязательно, как дань прошлому, восстановленный храм... Но лишь немного из того, что он хотел увидеть, и что планировал сделать Спиридон Егорович в своё время, предстало перед ним...

Крупное село было готово к проведению киносъёмок в качестве села конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Тихий провинциальный уголок с деревянными по черневшим от времени строениями и, конечно же, с лопухами вдоль дороги и в огородах. Как обычно, каменная двухэтажная школа...

Лишь микрорайон местных представителей бизнеса с современными иномарками у ворот особняков возвратил приехавших в конец XX века, да красота предгорий Урала завораживала как-то по-своему. Возможно, именно она волновала душу Спиридона Егоровича до конца его дней в далёком селении с красивым названием Лиственничный...

На вопрос, заданный женщине, стоящей на лестничной площадке четырёхэтажного здания, построенного в семидесятые годы прошлого века, о том, почему вы так не совсем богато живёте, последовал женский ответ: «Нет здравомыслящего хозяина земли нашей уральской».

В другой четырёхэтажке в одной из квартир на третьем этаже сидел хозяин, уставший от безуспешных поисков работы, и только хозяйка квартиры, ничего не скрывая, женственно показывала растущий живот и, намекая таким образом на скорое появление ребёнка, сказала, что это единственный способ выживания в настоящее время для семьи – на деньги, которые они будут получать после рождения сына...

Муж, очевидно поняв, что ситуация явно не в его пользу, как бы оправдываясь, произнёс: «От любимых женщин разве можно куда-то уйти?...».

«А ведь уходили на заработки мужики и возвращались богатыми людьми, способными вести своё хозяйство на селе. И ныне из Байкалово ездят на Север, в частности и в родной теперь уже мне Ханты-Мансийск, работают там вахтовым методом, да и то только те, кто посмелее», – всё так же проникательно вглядываясь в сущность сельских проблем, размышлял приехавший мужчина.

И кто знает, кто будет определённее в будущем заниматься и занимает сейчас своё место в жизни из родившихся детей разных эпох с различными условиями – начиная с истории послевоенного периода, когда дети рождались «по сталинскому приказу» (запрещавшему избавляться от детей до рождения, т.е. делать аборт), на свободе, в лагерях или в настоящее время. Во многих случаях читатель, очевидно, может сделать выводы по содержанию данной книги.

Исключение в Байкалово по материальному положению составила незначительная часть предприимчивого населения, которое пытается восстановить здесь то, что было разрушено после революции 1917 года и в тридцатые годы прошлого столетия.

Правда, порушенный храм, очевидно, является своего рода возможным финалом их предпринимательского действия и заставляет задуматься над прошедшими событиями, чтобы не повторилось прошлое. И здесь возникает извечный вопрос для России: «Что делать и с чего начинать, чтобы это не повторилось?».

А если задуматься и вернуться к истории формирования русской православной души... Нет восстановленного храма, креста на куполе, нет звона колоколов, нет русской души, её мужественности и женской красоты, нет вос-

становления сельской глубинки России. Ведь в далёком тридцатом снимали и рушили кресты, колокола и купола и в центре и в глубинке... Так было и в недовосстановленном храме села Байкалово...

Поднявшись на высоту пятьдесят метров двое односельчан сняли и сбросили православный крест, один из них по собственному желанию даже встал вверх ногами и, показывая своё величие над божественностью, долго сохранял стойку на такой высоте – об этом вспоминал перед смертью Спиридон Егорович... В предсмертном своём видении, он, как бы осознавал то, что и вся жизнь после этого пошла именно так, как стоял тот человек, – вниз головой и вверх ногами.

«С восстановлением храмов в девяностые годы двадцатого века постепенно возрождаться стала и сама Россия», – выскажет своё веское мнение один из зачинателей строительства на народные пожертвования Знаменской церкви в городе Ханты-Мансийске – Юрий Васильевич Пестышев. Автор не мог обойти этот вопрос, глядя на расстраивающиеся сёла вдоль дороги к селу Байкалово.

Директор музея в районном центре Байкалово – Лариса Алексеевна Костылева – спросила у приехавшего: «Кем вы доводитеесь Спиридону Егоровичу?».

«Я внук Спиридона Егоровича Лукоянова по материнской линии».

Она, на минуту замедлив движения, позвонила кому-то по телефону: «У нас гости, внук Спиридона Егоровича Лукоянова...».

«Возьмите у него адрес... а впрочем... спросите у него, надолго ли он приехал...»

«На два часа, он на такси...»

После этого переговоры по телефону прекратились.

Внук Спиридона Егоровича понял, что речь идёт об оставшихся и забытых здесь со стороны материнской

линии родственников, о которых он не знал, но подозревал, что они должны быть. Перед отъездом из Тюмени он вёл разговор с водителем о том, что в случае возможного приглашения, они могут остаться ночевать в этом населённом пункте...

«Я бы не отказался с ними встретиться», – ответ водителя был знаком согласия.

Однако время, отведённое на поездку, неумолимо убежало...

Лариса Алексеевна познакомила приехавших в творческую командировку с теми документами по истории села, которые были в музее и относились к изучаемому периоду. Сам музей находится в старом обветшалом здании (особняк бывшего сельского богатого хозяина девятнадцатого века Дмитрия Алексеевича Бахарева), наполовину проданном местной властью непонятно кому, куда и для чего, а самое главное – за какие деньги...

Лариса Алексеевна произнесла, как будто выдохнула из себя, сожалея об ограниченности своих возможностей в восстановлении храма: «Нет такого богатого человека на селе, который бы смог восстановить храм с колоколами, покрыв его купола позолотой... Вот и трудится реставратор Сергей Владимирович Сапегин за полторы-две тысячи рублей в месяц, и сколько времени это продлится, я не знаю, реставрация идёт уже более десяти лет... У нас таких денег, которые обещал передать на восстановление храма в далёком прошлом Спиридон Егорович Лукоянов, никто не приносит, даже не обещает передать такой суммы. А ведь это исторический памятник: храм Покрова Божьей Матери был освящён в 1800 году...».

Приехавшие на легковой машине внук Спиридона Егоровича Лукоянова и водитель, разъезжая по райцентру, так и не смогли, к великому сожалению, найти должителя, которому бы исполнилось хотя бы восемьдесят пять, для того чтобы попытаться хоть как-то воспроизвес-

ти в его памяти давно прошедшие события. Возможно, они мало искали, но ведь в сёлах обычно каждый знает друг о друге практически всё...

Седоватый, уже, очевидно, давно на пенсии мужчина, выдавший в своей жизни многое, закуривая папиросу из пачки не весть где добытого «Беломорканала», нарочито с поддёржкой, испытующе всматриваясь в лицо приехавшим, с рассудительной логикой произнёс: «Так кого и что вы ищите?» – и, получив ответ: «Сталинскую эпоху!», – многозначительно хмыкнул, глотнул немного из бутылки красного вина, для смелости, и высказался: «Сынок, да пойми же ты, со временем нас с вами забудут, а вот Сталина всё простят, и особенно прошлое, и поднимут его как личность. Они даже Ленина не примут в это прощение, потому что с ним надо спорить и отстаивать свою позицию, а вот со Сталиным намного проще и жить и работать, особенно в руководстве: выслушал, приказал, при необходимости снял, отдал под суд... и всё тут!.. Да что вы так усердствуете со своей книгой? Всё равно богатыми вы не станете, вам даже издание небось не оплатят, будете за свой счёт издавать, и гонорара вам за неё не дадут, к премии наверняка не представят! У нас в стране только за написание детективов хорошие бабки платят, а у вас – политика. Так зачем же вам всё это? Скорее всего, вы после вашего отпуска на последние собственные деньги приехали на такси в деревню к нам...».

Как часто потом вспоминал эти слова внук Спиридона Егоровича, когда вопрос заходил об оплате уже готовой к изданию книги...

* * *

С 18 по 22 июня 2007 года в Москве проходила Всероссийская конференция по теме «Актуальные вопросы преподавания новейшей истории и обществознания в общеобразовательных учреждениях и разработки го-

сударственного стандарта общего образования следующего поколения», где её участник, ваш известный писатель, предложил снять со страниц книги для учителя в планируемом втором, исправленном и дополненном, издании автора А.В. Филиппова «Новейшая история России 1945–2006 гг.» (Москва: Просвещение, 2007. – 494 с.) таблицу первого издания книги, которая уже разошлась по Российской Федерации в количестве 10000 экземпляров, где наряду с отрицательной оценкой кровавого тоталитарного режима, по результатам опроса респондентов, приведена и положительная сторона деятельности И.В. Сталина. Данные подкреплены результатами опроса населения Фондом общественного мнения (февраль 2006 г.) о роли И.В. Сталина в Отечественной истории (С. 93. первого издания), где сказано о том, что 29% респондентов при опросе высказали отрицательную позицию в отношении к периоду сталинизма, 24% – затруднились ответить и 47% – дали положительную оценку деятельности И.В. Сталина...

Однако и здесь напрашивается вопрос. Каково было бы общественное мнение в Германии при возможной публикации подобных данных из истории тоталитаризма XX века этой страны со своими специфическими особенностями его проявления? И как бы на это посмотрел весь мир?

* * *

Пугающе стоит в Байкалово, как в сталинском прошлом, ещё не восстановленный, разрушенный в тридцатые годы храм, в котором держали всех тех, кого отправляли на вечную ссылку. Храм этот стоит как и прежде, и по внутреннему состоянию сравним по разрушениям с историческими памятниками, запечатлёнными во всем известном фильме «Белое солнце пустыни».

Сельчане в своё время снесли, по велению «гения всех времён и народов» – великого Сталина, его верхнюю часть, превратили храм в клуб и спортивный зал... Внутреннее убранство почернело со временем, почти отсутствует роспись; делается попытка восстановить иконостас. В далёком 1930 году женщины и дети разместились на солие, где хоть чуточку было теплее; однако вместо церковного пения с клироса слышался детский плач. Как вспоминали ещё оставшиеся в живых узники заключения, это была лунная ночь, и когда лунный синевато-белый свет постепенно стал проникать среди ночи в здание храма Покрова Божьей Матери, засветилось на иконостасе место, где совсем недавно ещё была расположена икона Божьей Матери с Иисусом на руках как символ материнской жертвенности...

Эхом звучат по ночам слова (которые довели до психического расстройства не один десяток людей, находившихся в храме) в памяти участников тех трагических событий, и они, кажется, никогда не покинут сводов ещё не восстановленного храма, – как крик обезумевшей души: «Вы же с мужем хотели сохранить храм, так поживите в нём столько, сколько мы этого пожелаем! Ха-ха-ха...», – и эхо прокатилось по пустым холодным сводам разграбленного святилища. И как бы в ответ слышалось: «Бог вас обогреет и без детской дохи в пути!». А в это время чья-то мужская жёсткая рука в темноте ухватила старшую дочь Ульяны Петровны за шиворот, как собачонку, резко подняла и вытряхнула её из детской дохи в леденящую страшную темноту, на покрытый ещё в девятнадцатом веке вытесанными плахами холодный и скользкий в темноте пол, до смерти напугав девочку и породив в ней начало ненависти к мужчинам, как к самым жестоким созданиям в мире. И она, очевидно, всё это сохранила на всю оставшуюся жизнь, став одним из главных действующих

лиц этой книги. Ведь именно жестокий мужчина забрал доху, бросив взамен изрядно прохудившийся овчинный тулуп, в котором ей пришлось две недели ехать на Север по морозу, находясь на грани замерзания.

Страх детей и женщин, вызванный жестокими и резкими словами, периодически появляется в памяти тех, кто ещё остался чудом в живых. Но вряд ли кто-нибудь, из-за проблем со здоровьем, придет в некогда родные места. Многие из них просыпаются среди ночи в холодном поту с криком, и кажется, нет этому конца, даже через семьдесят с лишним лет после этого насилия над обречёнными на вечную высылку по решению местных властей и сельских сходов. Многих тогда отправляли на мучительную смерть от голода и холода в пути, на вековой разрыв родственных связей... Всё это содержит духовный и материальный памятник безумия середины XX века и подкрепляется положительным отношением к этому определённой части населения в России в XXI веке... Сколько же времени необходимо для нравственного понимания прошлого, чтобы хоть отчасти восстановить порушенное и забытое?..

В районном музее села Байкалово хранится четыре тома собранного материала с перечислением фамилий и имен тех, кто пострадал от репрессий сталинской коллективизации, но записи эти не полные: при всех приложенных усилиях они доведены только до буквы «Л»... Возможно, будут ещё четыре или пять томов, кто знает об этом?..

Загубленных жизней оказалось так много, что действительно в округе не осталось ни одного подлинного с историческими корнями сельского хозяина, у кого бы ни был кто-то сослан, либо раскулачен и приговорен по статье «за антисоветскую деятельность». Сколько же было загублено человеческих жизней, изъято и украдено материальных ценностей, и куда всё это подевалось?..

В селении было несколько поколений Лукояновых, крайне удивлённых известием о прибытии из ниоткуда внука Спиридона Егоровича Лукоянова по материнской линии и не знающих, как в этой ситуации поступить и являются ли они родственниками – ведь прошло с этих незапамятных дней долгих семьдесят с лишним лет, и ощущение родственности потерялось...

Примерно через месяц директор районного музея села Байкалово нашла записи, почерневшие от времени, – составленное кем-то из родственников генеалогическое древо семейства Лукояновых начиная с семнадцатого века. Одна копия была отправлена и в далёкий Ханты-Мансийск. Северная, высланная, ветвь в ней отсутствовала, но по какой причине – это осталось, что называется, за кадром. Тем более, судя по внешней реакции на лице директора районного музея, после сделанного ею телефонного звонка вряд ли кто из казалось бы заинтересованных лиц вообще хотел вспоминать прошлое: для совсем другого поколения россиян, выросших в иной исторической ситуации, не было веских оснований «заниматься» с возникшей из ниоткуда не знакомой проблемой из истории их семьи...

Внук Спиридона Егоровича после посещения восстанавливаемого храма подошёл к «Волге» и на минуту задержался, размышляя о результатах своей поездки в этот чужой и не открытый мир своих предков, который временами так тянул его к себе... Он понял, что он и сам не был готов воспринять увиденный мир своих пращуров, которые оставили ему в наследство такое детство, и что этот мир не принял его, как и его мать семьдесят с лишним лет назад, вытолкнув ребёнком практически на смерть. Ситуация повторилась, как в том расколоте на две части мире – на «белых» и на «красных», – запечатлённом

в памятнике жертвам политических репрессий, установленном в Ханты-Мансийске в 2006 году (*скульптор – Владимир Арсенович Саргсян. – Авт.*).

Машина с приехавшим на свидание с прошлым одной из генеалогических ветвей семьи Лукояновых медленно, как бы прощаясь, развернулась возле храма Покрова Божьей Матери и взяла курс на Тюмень...

Как и при подъезде к селу, у внука Спиридона Егоровича защемило сердце, как будто он повторял судьбу своего деда, – ведь здесь были оставлены исторические корни, в этом противоречивом сельском мире того отверженного судьбою в детстве ребёнка, о котором идёт рассказ в этой трагической книге. Сила трагедии во многом заключалась в социальном взрыве, что раскидал одну ветвь семьи Лукояновых на тысячи километров с востока на запад (от Камчатки до Днестра) и до Полярного Круга и искалечил их судьбы... Судьба этого ребёнка, и не только его одного, была одной песчинкой среди тысяч погибших за свои убеждения и веру сельских хозяев, которых так не хватает сегодня на земле русской.

Внук Спиридона Егоровича достал фотоаппарат и, щёлкнув кнопкой, оставил себе на память исторические снимки предгорья Урала и села Байкалово. Даже водителю «Волги» стало не по себе от мысли, что именно здесь везли цвет русского сельского населения и в большей части без сожаления отправляли на смерть в пути – вместе с детьми, будущим России, и дети эти погибали от холода и болезней. Как будто Россия не желала иметь будущего... Для многих ссылка означала и родственное забвение как с той, так и с другой стороны, разрыв исторически сложившихся традиций сельской жизни.

Везли приговорённых семьями в необжитые места на лишения и каторжный труд, на раскорчёвку леса на северных просторах. Оставляли там без права радоваться

жизни, ловить и есть рыбу, собирать ягоды, грибы, ходить в лес и общаться с людьми, которые так не часто заезжали в эти населённые пункты для высланных навечно сельских тружеников для классового перевоспитания. Все эти лишения ударили прежде всего по детям – наиболее уязвимому звену спецпереселенцев.

И эти законы действовали до конца пятидесятих годов прошлого столетия на территории нынешнего Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа и на других территориях необъятной России, где ещё оставались лагеря, захватив судьбу и подорвав здоровье трёх или четырёх поколений спецпереселенцев. И никакие памятники и выплаты не восстановят его... Психологический эффект подобного эксперимента над русским народом будет сказываться ещё не одно десятилетие...

У двух из трёх дочерей, вывезенных в ссылку на Север Спиридоном Егоровичем по приказу местных властей села Байкалово, появились психологические отклонения как результат нечеловеческих условий жизни, нервного перенапряжения и увиденной жестокости на территории спецпоселения...

Для многих из тех спецпереселенцев, с кем приходилось встречаться внуку Спиридона Егоровича, достаток и богатство представлялось злом, бедность для них была нормальным состоянием и несла душевное равновесие, они чувствовали себя равными среди равных, и так было в восприятии первого и второго поколений... Результат классового перевоспитания, замешанный на страхе прожитого лихолетья, начинал проявляться уже на генетическом уровне.

«Что-то богато жить начал, сынок», – и мать отрицательно покачала головой, увидев у старшего сына видеокамеру, когда тот был в гостях в очередной раз в 1994 году

в посёлке Луговом Кондинского района. Словно весь её вид говорил: «Смотри, как бы пожалеть об этом не пришлось».

«По всем приметам, очень похоже, что такая позиция имела и имеет более продолжительные исторические корни здесь, чем на кондинской земле», – размышлял внук Спиридона Егоровича сидя в легковом автомобиле.

«Давайте заедем в чайную, – прервал ход мыслей водитель, – вам будет намного легче после такой неприветливой встречи, к которой вы все, без исключения, всё-таки не были готовы. Для этого необходимо время, – и, оглянувшись, водитель посмотрел на задумавшегося приехавшего издалека внука... – Да очнитесь же вы, мы ведь с утра ничего не ели!...».

«Абсолютно согласен. Сверни к первой же закускойной», – задумчиво вымолвил пассажир.

Однако после пребывания внука Спиридона Егоровича в селе Байкалово внутри у него, в самом кишечнике и в желудке, от нервного напряжения, как протест на прошлое, что-то сильно и болезненно взбунтовалось, и эта боль стала накапливаться на операционных швах, нанесённых десятилетия тому назад. Не помогли бутерброды и импортные напитки в небольшой сельской закускойной. При жаре на улице выше 30 градусов уже во мчащейся по магистрали машине ему стало не по себе: лицо побледнело, лоб покрылся испариной. Седоватый мужчина вынужден был попросить водителя остановиться прямо в поле возле русских берёз. Он медленно вышел и, покачиваясь, подошёл к стоящей берёзе, слегка нагнувшись и придерживаясь за ствол, пытался глотнуть как можно больше свежего воздуха. Медленно присел на пень от спиленной берёзы, опустив голову на колени... его ладони как бы поддерживали пожизненно оставленные операционные швы.

Как будто сама жизнь и судьба человеческая, пройдя через двадцатое столетие испытанием человеческой глупостью и жестокостью – сначала в селе Байкалово, затем на таёжной Конде, – стремилась оставить не только душевную и физическую боль, но и жестокость других по отношению к ссыльным в тех местах, где она начала воплощаться по отношению к северной ветви семьи Лукояновых, и чтобы не осталась она в некогда отверженном мальчишке, она стремилась улететь здесь же – в вечность небытия...

Водитель понял, что здесь что-то неладное, быстро вылез из автомобиля и подошёл к пассажиру, неся в руках бутылку спасительной минеральной воды.

«До чего же вам плохо», – удивлённо глядя в побледневшее лицо своего пассажира, произнёс подошедший водитель и протянул бутылку с водой. Он видел такое в жизни впервые, когда старые раны и перенесённые невзгоды лихолетья трудовых лагерей сталинской эпохи могли вот так в чистом поле лишить человека жизни...

Выпитая внуком Спиридона Егоровича минеральная вода начала действовать минут через пятнадцать...

Для северянина в Тюмени было непривычно и утомительно жарко: термометр показывал выше +40°C. После поездки в Байкалово в душе чувствовалась пустота и хотелось просто выйти и посидеть в тенёчке, ни с кем не общаясь...

Внизу на площади перед гостиницей «Восток» в Тюмени шумел фонтан, где с брызгами купались ребяташки. Внук Спиридона Егоровича прокручивал в памяти события минувшего дня... Уставшим он спустился вниз по лестнице, тихо подошёл к первой беседке для отдыхающих, вежливо попросил сидящих там слегка потесниться на свободные места. Справа заговорил на английском языке молодой инженер, приехавший из Австрии,

ссылался на то, что в комнатах гостиницы нет кондиционеров и что в Сибири стоит африканская жара, но самое ужасное – поговорить-то не с кем!..

«Я приехал в Россию впервые и мне всё интересно: раскрепощённость поведения людей, их гостеприимство... А как вы оцениваете такое отношение людей?», – обратился иностранец к подошедшему к нему седоватому мужчине, как будто знал, что тот может ответить на поставленный вопрос. Совершенно незнакомый для иностранца мужчина, устало улыбаясь, в первую минуту разговора перевёл эту тему на описание красоты и обаятельности русских девушек...

Вечером, когда в гостиничном номере стало прохладнее, внук Спиридона Егоровича взял в руки карандаш и шурша исписанными страницами, на которых были запечатлены воспоминания, скрупулёзно просчитал количество лет, проведённых высланной генеалогической северной ветвью семьи Лукояновых в спецпоселениях усиленного режима в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа, – оказалось порядка ста двадцати восьми лет на всех членов семьи...

Сколько слёз, мучений и смертей выпало на её долю за это время? Самая страшная страница этой доли состояла в том, что они были навечно изгнаны из родных мест – из той сельской с перезвоном православных колоколов России... Забыты и впоследствии отвергнуты многими... Через пятьдесят с небольшим лет всё забылось...

Старшее поколение медленно ушло в иной мир, не оставив даже намёка на то, что где-то есть родственники как с той, так и с другой стороны одной, но разорванной генеалогической линии. Многое забылось, а остальное молодому поколению просто уже и не хочется поднимать...

Информация о том, что Спиридон Егорович в возрасте уже за шестьдесят лет выстроил для своей семьи дом на Севере, на кондинской земле, повергла находившихся в Байкалово рядом в замешательство...

Какую надо иметь силу духа?! Какое здоровье, чтобы перенести всё это?! Как нужно любить свою землю и свою семью, чтобы, даже погибая от голода и истощения, готовить пашню к севу, отдавать скудный лагерный паёк своим детям?!

Вполне возможно, что поселения бывших ссыльных, многих из которых уже нет в живых, и сегодня выглядят намного современнее и богаче тех мест, откуда их в своё время по решению местных властей отправляли в ссылку – на лишения и тяготы жизни, практически на смерть... по их представлению, в медвежий край – к далёкой, незнакомой и необжитой, с гигантскими соснами на берегах, реке Конде.

* * *

На обратном пути уже из Кондинского района, словно прощаясь с писателем, изложившим в своём произведении трагические судьбы людей прошлого века, шумел в своём величии Леушинский Туман. На его водяных гребнях как будто снова витали не понятые людьми размышления о том, каким будет этот уже наступивший двадцать первый век. И не будет ли в нём столько же загубленных человеческих жизней и судеб, в том числе на берегах самого Тумана и в целом по всей многострадальной России, как всегда с надеждой смотрящей в своё будущее, которое без православия нравственно может не состояться...

Каждую неделю по пятницам в любую погоду шумят на улицах Ханты-Мансийска свадебные кортежи, словно крича всем: «Жизнь продолжается!..».

*Семья Лукояновых. Ульяна Петровна с детьми:
Марфа, дочери Спиридона Егоровича – Галина (старшая),
Мария (средняя), Юлия (младшая).
Село Байкалово, дом в Зареченском районе. 1929 год.
Последний снимок в родном доме...*

Май 1951 г. Трудный возраст. Слева – внук Спиридона Егоровича: взрослая сложившаяся под тяжестью жизненных ситуаций личность в облики ребёнка. Возвращение в семью перед встречей со следователем. Справа – сестра Раиса

*Единственный носитель
фамилии Лукояновых
северной ссыльной ветви –
Сергей Александрович
(1954 г.р.). г. Новосибирск*

*Алексей Спиридонович
Лукоянов с супругой
Лорой Григорьевной.
Станция Паклевская,
Свердловская область.
Начало 1960-х*

*День Победы – 9 мая 1965 года – впервые объявлен нерабочим днём.
Слева – Алексей Спиридонович Лукоянов
с супругой Лорой Григорьевной*

*Младшая дочь Спиридона Егоровича – Юлия Спиридоновна
Лукоянова – учитель начальных классов д. Комлевка
Свердловской области (в 10 км от Байкалово). 1952 г.*

*Семья Марии Спиридоновны Токаревой (Лукояновой).
Июнь 1955 года. г. Петропавловск-Камчатский*

Директор рыбного техникума г. Тобольска с молодой женой (1944 г.).

*Он спас Марию Спиридоновну, когда она болела
туберкулёзом лёгких, выделив ей дополнительный паёк
от остатков рыбопроизводства. Был осуждён по доносу,
и дальнейшая судьба его неизвестна*

*Справа – Даниил Андреевич Вепрев, расстрелянный
12 ноября 1937 года у монастырской стены в г. Тюмени*

*Последний снимок на память
с интеллигенцией посёлка Лиственничный:
в центре - комендант Анатолий Бушмелев. 1955 год*

*Внук
Спиридона Егоровича,
главное действующее
лицо повести.
Трудные годы
студенчества...
г. Тюмень.
Апрель 1970 г.*

*Июль 1969 г. Слева направо: братья Юрий, Борис и Анатолий.
Последний снимок вместе...*

*Старшая дочь Спиридона Егоровича Галина Спиридоновна
у могилы Ульяны Петровны - «итога»
классового перевоспитания в ссылке... (1953 год)*

*Село Байкалово, которое так любил Спиридон Егорович...
(июль 2007 года)*

*Внутреннее помещение храма Покрова Божьей Матери (июль 2007 г.).
Видны разрушения историко-культурного памятника XIX века*

*Обезглавленный в 1929 г. храм Покрова Божьей Матери,
в котором держали репрессированных за веру
и по статье 58 УК РСФСР перед высылкой на Север.
До сих пор не восстановлен (июль 2007 г.)*

*Поля, раскорчёванные спецпереселенцами (в том числе
Спиридоном Егоровичем и Алексеем Спиридоновичем Лукояновыми)
в 1930-1934 гг. Колхоз «Красная поляна».
Современный вид. Июль 2007 г.*

*Дом, в котором проживала и проживает до сих пор
семья Лебёдкиных и где прятался от расстрела
внук Спиридона Егоровича*

*Внук Спиридона Егоровича с супругой Еленой Георгиевной
и сыном Павлом. 1 сентября 2002 года, город Ханты-Мансийск*

кошм

**Ханты-Мансийский автономный округ
(Тюменская область)**

Государственный архив

628012, г. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийского автономного округа
Тюменской области ул. Энгельса, 14
Тел. 3-20-61; 3-14-67; 3-36-63; 2-15-74; 2-18-61. Факс: 3-50-00. E-mail: Arhiv@hmansy.wsnet.ru

Информационный Центр УВД
Тюменской области
ул. Водопроводная. 38
г.Тюмень

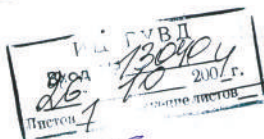
Архивная справка
13.10.2004 № 1-13/404
На № 3/4-1125 от 26.08.2004

На Ваш запрос Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа сообщает, что в просмотренных документах архивного фонда Ханты-Мансийского леспромхоза Остяко-Вогульского с 1940 г. Ханты-Мансийского национального округа, Уральской с 1940г. Тюменской области, в Списке трудпереселенцев за 1931 год значится Лукьянова Ульяна Петровна, 1881 года рождения (так в документе), и Лукьянов Спиридон Егорович, напротив фамилии указано – умер.

В графе: «Число членов семьи» указано – 4. Высланы из Свердл. обл., Байкаловский с/с (так в документе).

Основание: ГАХМАО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 оборот.

Начальник окргосархива
Специалист 1 категории

к/кошм Верна, С

Российская Федерация
Управление архивами
Свердловской области

ФИЛИАЛ

Государственного архива
Свердловской области
в г. Ирбите

« 5 » декабря — 1998 г.

№ 21

623800, г. Ирбит,
ул. Красноармейская, 3,
тел. 2-35-80

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА С П И С О К

учета кулачества по Краснополянскому району Ирбитского округа

Наименование села, деревни	с. Байкаловское
Фамилия, имя и отчество	ДУДОНОВ /так в документе/ Спиридон Егорович, 51 г.
Состав семьи	жена Ульяна Петровна, 49 л., сын Алексей 21 г. /так в документе/
Имущественное положение в прошлом и сейчас	в прошлом и сейчас кулак, эксплуататор. имел до 25 лошадей, до 40 рабочих, до 20 гол. рог. скота.
Хар-ка контрревол. деятельности в прошлом /служба в белой армии, карат. органах, судимость и т.д./	Принимал активное участие в изоляции сов. работников при колчаке.
Хар-ка контрревол. деят. в настоящем /агитация, контррев. выступл., неплатежи налогов, несдача хлеба, влияние их активности на середнячко-бедняцкие кр-во и т.д./	вел антисов. агитацию совместно со своим сыном Алексеем, последний подозревается в нападении на Пред. коммуны.
Документы послужившие основанием к внесению в список	Постановл. № 81 от 21/1-1908. Дудонов А.С. — содерж. под стражей в Ирб. ИГД до выселения.

Резолюция: в н с л а т ь.

ОСНОВАНИЕ: ф. 163, оп. 4, д. 15, л. 29

Директор филиала
исп. С. Соболева

Г. В. Боталова

Документов, подтверждающих факт конфискации (а также опись) имущества гр-на Дудонова С.Г., в фондах филиала не обнаружено.

Российская Федерация
Управление архивами
Свердловской области
ФИЛИАЛ

Государственного архива
Свердловской области
в г. Ирбите

«5» декабря 1998 г.

№ 21

623800, г. Ирбит,
ул. Красноармейская, 3,
тел. 2.35-80

АРХИВНАЯ ВПИСЬКА

030033

г. Новосибирск,
ул. Обогатительная, 7, кв. 4
Лукьяновой М.С.

С П И С О К
кулацких семейств краснополянского района ирбитского округа
подлежащих выселению из ирбитского округа

Ф.И.О. и возраст выселяемого № 84 ЛУКОНОВ Спиридон Егорович, 81 г.
" /так в документе/

Состав членов семьи выселяемых вместе с главой семьи: жена Лукьянова Ульяна Петровна, 49 л.
а/Ф.И.О., б/степень родства, сын " Алексей 24 г.
в/возраст. /так в документе/

Основание к выселению /осылка на протоколы собраний, постановлений Рика и Округа/

Постановление президиума краснополянского районного исполнительного комитета от 25 февраля 1930 г. (протокол № 10)

Постановление президиума ирбитского окружного исполнительного комитета от 6 марта 1930 г. (протокол № 24)

Наименование сборного пункта куда надлежит доставить выселяемого

Н А Х Р А Ч И

ОСНОВАНИЕ: ф.183, оп.2, д.13, л.52

С П И С О К

раскулаченных хозяйств по краснополянскому району от 4 июня 1930

№ п/п, фамилия, имя и отчество	категория	дедняк, середняк, зажиточ., кулак	Если восстановлен, то отметка о восстановлении
--------------------------------	-----------	-----------------------------------	--

ВАЛДАЙСКОЕ СЕЛЬСОВЕТ

12. ЛУКОНОВ Спиридон Егорович 2 кулак выселен

ОСНОВАНИЕ: ф.183, оп.2, д.13, л.14

директор филиала
исп. С.уботкина

Г.В.Боталова

Ирбит, типография, 24 03 93 г. зак. 2219, тир. 2000

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

« 5 » сентября 19 97 г. № 5/Б-3899 г. Екатеринбург
Лукоянов (Лукьянов) Спиридон Егорович

фамилия, имя, отчество

Год и место рождения 1869 г.р., с. Байкалово
Краснополянского района Свердловской области

Место жительства до применения репрессии с. Байкалово
Краснополянского района Свердловской области

Где, когда и каким органом репрессирован в 1930 г. на основании решения Краснополянского РИКа Свердловской области раскулачен.

Основание применения и вид репрессии по политическим мотивам в административном порядке на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 1.02.30 г. признан социально опасным по классовому признаку

На основании пункта «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий»

Лукоянов (Лукьянов) Спиридон Егорович

фамилия, имя, отчество

РЕАБИЛИТИРОВАН(а)

Иван Начальник ГУВД Свердловской области

В. Я. Краев

М. П.

08.04.97 тир. 5000 зак. 548

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

« 1 » декабря 19. 95 г. № 5/5—6642 г. Екатеринбург

Лукьянова Ульяна Петровна

фамилия, имя, отчество

Год и место рождения 1881 г., д. Комлево Краснополянского района Свердловской области

Место жительства до применения репрессии д. Комлево Краснополянского района Свердловской области

Где, когда и каким органом репрессирован в 1930 г. решением местных органов власти на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 1.02.30 г. выслана в Тюменскую область

Основание применения и вид репрессии по политическим мотивам в административном порядке признана социально опасной по классовому признаку

На основании пункта «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий»

Лукьянова Ульяна Петровна

фамилия, имя, отчество

РЕАБИЛИТИРОВАН(а) (посмертно)

Начальник УВД Свердловской области

В.А.Воротников

М. П.

29.06.95 гпр. 10030 зак. 729

Управление внутренних дел
администрации Новосибирской области

630099, гор. Новосибирск,
ул. Октябрьская, 78,
тел.: 29-05-76, 29-02-42, 29-05-31.

8 ОЯ 96 № 10/11-73-1

Гр-ну Лукьяновой ИС

проживающему по адресу 630033 Новосибирск
ул. Оболонинская 7Б4

СПРАВКА

(о реабилитации)

Гр. Лукьянова Мария Смирновна, 1926 г.р.
уроженка Свердловской области

Место жительства до применения репрессии по месту рождения

Когда и каким органом репрессирован: Постановление
Сек ССР и ЦК аг 102 1930г

Основание применения и вид репрессии по политическим мотивам в административном порядке
как член семьи раскулаченного отца Лукьянова
Смирнова Георгия, в 1930г выслана на
переселение с матерью Лукьяновой Ч.И. в
Томскую область и находилась на переселе-
нии по адресу 1944г

На основании пункта "а" ст. 3 Закона РСФСР от 18 октября 1991 года "О реабилитации жертв
политических репрессий" гр-и (ка) Лукьянова Мария
Смирновна 1926 г.р.

реабилитирован (а).

Основание: решение И.Руда Кировского р-на г. Новосибирск
от 27.12.95г № 2-3956/95

Начальник УВД
Новосибирской области

А. Н. СОИНОВ

8 ОЯ
Исп: Смирнова

Тип. УВД, зак. № 577-95 г., тираж 5000

МВД РОССИИ

Главное управление внутренних дел
Тюменской области
625000, г. Тюмень, ул. Водопроводная, 38
тел. 793-942
« 23 » марта 2006 г. № 3/7-1125

**СПРАВКА
о реабилитации**

Гр. МАЗУРОВ БОРИС ФЕДОРОВИЧ
(фамилия, имя отчество)

Дата и место рождения 1949г.р., уроженец п.Лиственничный, Кондинского района,
Тюменской области.

место жительства до применения репрессии родился в ссылке.

где, когда и каким органом репрессирован (а) мать: Свердловская область, в 1930г., по
классовому признаку.

основание применения и вид репрессии по политическим мотивам в административном
порядке Постановление СНК и ЦИК СССР от 01.02.30г., ссылка. Согласно решения суда
Мазуров Б.Ф. находился в ссылке по 1958г.

На основании ст. 3 п. «в», 1-1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1
(статья)
«О реабилитации жертв политических репрессий»
МАЗУРОВ БОРИС ФЕДОРОВИЧ
(фамилия, имя, отчество)

реабилитирован (а).

Зам. начальника ГУВД Тюменской области

О.А. Деинсенко

Расколотый на две части мир – на «белых» и на «красных» – запечатлён в памятнике жертвам политических репрессий, установленном в Ханты-Мансийске в 2006 году (скульптор – Владимир Арсенович Саргсян)

*Храм в честь иконы Божией Матери «Знамение».
г. Ханты-Мансийск, 2007 г.*

*Храм в честь Воскресения Христова.
г. Ханты-Мансийск, 2008 г.*

Мазуров Борис Фёдорович – историк, философ, преподаватель.

Родился 18 октября 1949 года в п. Лиственичный Кондинского района Тюменской области в трудовом сталинском спецпоселении, в семье спецпереселенцев.

В 1972 году окончил историческое отделение Тюменского государственного педагогического института по специальности «преподаватель истории и обществоведения».

Работал учителем Раздольской средней школы, директором Прохоровской средней школы Ормизонского района, школы № 37 станции Вагай Министерства путей сообщения СССР (Омутинский район) Тюменской

области, учителем истории и обществознания в школах Кондинского района, гг. Радужного и Ханты-Мансийска, в партийных органах Кондинского района. С 1990 года – трудится в системе повышения квалификации работников образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В 1997 году защитил диссертацию по специальности «история философии», кандидат философских наук, доцент. В научных кругах известен как автор исследований в области философии образования, русской религиозной философии серебряного века. Пристальное внимание уделяет истории края.

Любимыми занятиями являются работа с историческими архивами и общение с природой. Увлекается психологией, шахматами, английским языком.

Идея написать книгу о судьбе спецпоселенцев обусловлена опытом тесного сотрудничества с Государственным архивом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Сначала появились лишь заметки в изданиях ГА ХМАО – Югры, после – статьи, которые и «разбудили» долго спящую, как в летаргическом сне, память взрослого человека. Шквальная волна событий, выплеснувшаяся из недр памяти, и явилась основой трудно определяемого жанра книги. Возможно, это социально-исторический роман, сюжетная линия которого позволяет окинуть взглядом целую эпоху с иного ракурса.

В настоящее время Борис Фёдорович живёт и работает в Ханты-Мансийске.

Мазуров Борис Фёдорович

**Отверженный, или Жизнь на земле
без человеческого благословения**

Социально-исторический роман

Редактор И.В. Булатов
Оператор вёрстки И.В. Булатов
Корректор И.В. Булатов
Дизайнер обложки М.В. Белов

Подписано в печать 12.12.2008 г. Формат 60×90/16. Бумага ВХИ.
Гарнитура Book Antiqua. Печать офсетная. Усл. п.л. 20,23.
Тираж 1000 экз. Заказ №